

Роберт Астрин

Питер Хек

ШУТТОВСКАЯ
РОТА

Мастера фантазии

Роберт Асприн

Шуттовская рота

«Издательство АСТ»

1990, 1992, 1993

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Асприн Р. Л.

Шуттовская рота / Р. Л. Асприн — «Издательство АСТ», 1990,
1992, 1993 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-151818-9

Несвоевременная инициатива лейтенанта Скарамуша, который при бомбардировке уничтожил личный корабль вражеского посла прямо во время мирных переговоров, привела к дипломатическому скандалу. Однако лейтенанта не уволили из рядов Космического Легиона, а, напротив, повысили в звании и отправили на захолустную планетку Хаскена командовать ротой Омега, составленной из отщепенцев, неудачников и бунтарей, нежелательных в других воинских соединениях. О том, как находчивый капитан лепит из своих новых подчиненных слаженный и эффективный коллектив, и повествует цикл «Шуттовская рота».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-151818-9

© Асприн Р. Л., 1990, 1992, 1993
© Издательство АСТ, 1990, 1992, 1993

Содержание

Шуттовская рота	6
Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	71
Глава 8	81
Глава 9	90
Глава 10	99
Глава 11	106
Глава 12	111
Глава 13	118
Глава 14	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Роберт Асприн

Шуттовская рота

© Robert Asprin, 1990, 1992, 1993

© Перевод. О. Колесников, 2022

© Перевод. Н. Ибрагимова, 2022

© Перевод. Н. Сосновская, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Шуттовская рота

Пролог

Дневник, запись № 001

Принято считать, что каждый великий человек заслуживает собственного биографа. Именно поэтому я и взялся вести эти личные записки о деятельности моего шефа за время его службы в Космическом Легионе. Могут, конечно, найтись такие, кто поставит под сомнение его принадлежность к великим людям, но на это я должен буду возразить, что он все же очень близок к величию и что моя привилегия вести подобный дневник определяется в первую очередь тем, что я провел бок о бок с ним достаточно долгое время. К тому же должен заметить, что Чингисхан и Джеронимо¹ тоже в некоторых кругах считаются великими людьми.

Что касается моей собственной персоны, то я всего лишь слуга, или, по-военному, децик, бэтман. (Людей малоначитанных я попросил бы воздержаться от восприятия этой должности как обязанности быть во всем похожим на популярного героя многочисленных комиксов. Я всегда считал, что такие книжонки – не очень-то достойный пример для подражания, и старался отговаривать тех, кому служил, от излишней тяги к этому липкому, навязчивому развлечению, каковым бывает их разглядывание.) Меня зовут Бикер, а все остальные сведения обо мне будут просто излишними.

Я был рядом со своим шефом еще до того, как он поступил добровольцем на военную службу, и тем не менее глубоко убежден, что действительно заслуживающий внимания период его карьеры начался именно с военного трибунала. Чтобы быть совершенно точным – с первого военного трибунала над ним.

Интерьер комнаты ожидания был того самого вида, встретить который можно лишь в вестибюлях захолустных театров, влачащих самое жалкое существование. У двух противоположных стен стояло по провалившемуся дивану неопределенной расцветки в окружении нескольких складных деревянных стульев, которые если и были новыми, то из самых дешевых, а единственный стол, заваленный множеством журналов, вполне мог бы сойти за рабочее место археолога.

Эту картину дополняли двое мужчин, явно куда более подходивших друг к другу, чем к окружающей их обстановке. Один из них был среднего роста, плотного сложения, в строгом гражданском костюме, *гражд*, как было принято здесь называть подобных людей. И все время, пока он с достоинством восседал на провалившемся диване, его румяное лицо сохраняло то вежливое выражение, какое обычно сопутствует процессу длительного ожидания. Казалось, он упорно не обращал никакого внимания на своего спутника, лениво созерцая экран микрокомпьютера, который держал в руке перед собой.

Второй из находившихся в этой комнате был внешне спокоен или старался так выглядеть. Худой и подвижный как хлыст, он, казалось, лучился едва сдерживаемой энергией, меряя шагами периметр комнаты. Если бы вдруг получилось так, что в приемной родильного дома

¹ Легендарный предводитель индейцев. – Примеч. пер.

оказались тигры, ожидающие появления на свет своего потомства, то зрелище переживаемого ими волнения мало бы чем отличалось от вида этого нервно расхаживающего молодого человека. Впрочем, возможно, правильное было бы сравнение с пантерами, поскольку форма, которую носил молодой человек, имела цвет ночи и выдавала принадлежность ее хозяина к Космическому Легиону. Черный цвет был выбран Легионом не столько из соображений эстетики или маскировки, сколько исходя из того, что окраска должна скрыть тот факт, что Легион, ограниченный в бюджетных средствах, скупал за бесценок излишки самого разнообразного обмундирования. Но, как вы сами понимаете, не того, которое носил этот молодой человек. Звездочки на его воротнике указывали, что он имел чин лейтенанта, и, как у большинства офицеров, его форма была сшита на заказ в полном соответствии с единообразием обмундирования, установленным в Легионе. Качество ткани и ручная работа его одежды несколько отличались от общепринятого в подобных случаях, хотя он явно умышленно выбрал один из самых простых покроев.

– Сколько еще ждать, пока они объявят решение?

Вопрос сорвался с губ лейтенанта почти неожиданно как раз в тот момент, когда он начал свой пятидесятый круг по комнате.

Мужчина, сидевший на диване, даже не глянул в его сторону.

– Не моего ума это дело, сэр, отвечать на такие вопросы.

Это была первая реакция на все ворчание лейтенанта, и тот решил ею воспользоваться, чтобы дать выход своему раздражению.

– Мне не нужна вот такая лакейская болтовня, Бикер! С каких это пор ты либо не имеешь собственного мнения на тот или иной счет, либо не решаешься им поделиться с мной... Я к кому обращаюсь?

Бикер оторвал взгляд от экрана микрокомпьютера и перевел глаза на лейтенанта.

– Ну, хорошо. На самом деле вы как вступили в Космический Легион, стали скрытным чуть-чуть более обычного, сэр... а может, это началось еще тогда, когда у вас только появилась мысль об этом. Однако в данном конкретном случае мне показалось, что ваш вопрос был чисто риторическим.

– Он был... ну, не важно. Ответь на него, Бикер. Давай, говори.

Осторожно, следя за каждым своим движением, дворецкий отложил в сторону компьютер.

– Я весь внимание, сэр. Не могли бы вы повторить свой вопрос?

– Чем, по-вашему, они так долго заняты? – сказал лейтенант, возобновляя движение по комнате, но на этот раз он делал это чуть медленнее, поскольку попутно был занят еще и тем, что выражал вслух свои мысли. – Ведь я же уже признал себя виновным!

– Простите, что повторяю прописные истины, – произнес Бикер, – но если вина уже установлена, то дело только за формулировкой приговора. И похоже, тут-то суд и столкнулся с некоторыми затруднениями, я имею в виду – какое наказание будет в полной мере соответствовать тяжести вашего проступка.

– Да, но что в этом может быть сложного? Я совершил ошибку. Ну, так что? Я более чем уверен, что и до меня бывали легионеры, которые совершали ошибки.

– Да, несомненно, – согласился Бикер. – Однако я не вполне уверен, что у многих из них были такие же отягчающие вину обстоятельства. Я более чем уверен, что если бы кто-то еще попытался начать обстрел позиций в момент церемонии подписания мирного договора, как было сообщено в средствах массовой информации...

Лейтенант при упоминании об этом поморщился.

– Я же не знал, что именно происходило в это время. Наши средства связи вышли из строя, поэтому мы так и не получили приказа о прекращении огня. Между прочим, у нас был приказ не пользоваться связью.

Бикер терпеливо кивал. Он уже слышал все это раньше, но понимал, что лейтенанту сейчас было необходимо еще раз вернуться к своим воспоминаниям.

– Насколько я понимаю, вам приказали нести боевое дежурство, соблюдая полную тишину и засекая каждый корабль, покидающий планету. Не было никакого разрешения производить бомбардировку.

– Но у меня не было и приказа этого не делать! Сражение, как правило, заканчивается в пользу той стороны, которая при удобном случае захватила инициативу.

Брови у Бикера выразительно взметнулись вверх.

– Сражение? А мне что-то показалось, что никакого ответного огня не было.

– Так именно потому я и предпринял эту акцию. Наши средства обнаружения показали, что противник снял свою защитную сеть, и я решил, что при быстром маневре мы сможем справиться с ними даже самым малым огнем и быстро и окончательно подавить весь этот мятеж.

– А он и без того был уже почти подавлен, – сухо заметил Бикер. – Именно поэтому и была снята защитная сеть.

– Но я не знал этого! Я только видел, что защита снята и...

– И приказали пилоту, находившемуся на боевом дежурстве, начать обстрел. Во все время это приводило к разжалованию капитана корабля.

– Но это же самый заурядный случай нарушения системы связи, – едва не закричал лейтенант, избегая взгляда своего собеседника. – Интересно, до какой степени безумия они могут прийти? Ведь мы намеренно избегали целиться в людей, так что никто при этом не пострадал.

Бикер с невинным видом уставился в потолок.

– Я слышал, что материальный ущерб превысил десять миллионов...

– Ха. Я же сказал им, что я...

– ...и что вы разнесли в клочья их флаг, причем в тот самый момент, когда он поднимался перед началом церемонии...

– Ну, это было...

– ...а также огнем был уничтожен личный космический корабль посла, что и было самым неразумным поступком, ведь именно наш посол...

– Но они не зажгли опознавательные бортовые огни!

– Возможно, потому что боевые действия были прекращены.

– Да, но я... Ох, будь все это проклято!

Лейтенант неожиданно прекратил возмущаться и перестал ходить по комнате. Он медленно опустился на диван напротив Бикера.

– Как, ты думаешь, Бик, они поступят со мной?

– Дабы не рисковать прослыть нелояльным, сэр, – заметил дворецкий, вновь принимаясь за свой компьютер, – я бы предпочел воздержаться от предположений на этот счет.

Военный трибунал по делу младших офицеров предполагал в своем составе только трех человек. Атмосфера напряженности, к сожалению, нависшая над заседавшими, определялась главным образом присутствием старшего офицера.

Следует заметить, что у каждого человека, служащего в Легионе, было три имени: его прежнее имя, полученное при рождении, имя, выбранное при поступлении на службу в Легион, и прозвище, которое давали ему сослуживцы. Во всех записях канцелярии фигурировало второе имя, но звали людей обычно по третьему – прозвищу, полученному за особые качества и поступки, хотя очень немногие офицеры официально признавали клички, которыми их наградили нижние чины.

Полковник Секира представляла один из редких случаев, когда имя, выбранное ею самой, и полученное прозвище соответствовали одно другому. Это была скучного вида женщина с лошадиным лицом и пронзительным взглядом постоянно настороженных глаз, в которых не было даже намека на страх. Чопорный покрой ее мундира усиливал и без того в значи-

тельной степени неблагоприятное отношение к ней тех легионеров, кому нравилась более изящная и яркая одежда. Атмосфера строгости, окружавшая ее, которую можно было даже назвать пугающей, очень мало способствовала тому, чтобы идти на контакт с ней, и еще меньше тому, чтобы желать привлечь к себе ее внимание.

Уже одного этого было достаточно, чтобы вызвать полный дискомфорт у двух других членов суда, но было и еще кое-что, гораздо более значительное. Эта дама-полковник совершенно неожиданно явилась сюда из главной штаб-квартиры Легиона специально для того, чтобы контролировать ход военного трибунала, и поскольку она сделала все, чтобы ограничить свой визит строгими официальными рамками, простая логика подсказывала, что она постарается как можно скорее закончить с предварительным обсуждением и перейти к делу. Выводы, которые следовали из этого, были предельно просты: в штаб-квартире проявляли к этому делу особый интерес и хотели быть уверены во вполне определенном его исходе. Вопрос состоял лишь в том, что ни один из двух других офицеров не имел ни малейшего понятия, каким должен быть этот исход. Поскольку их мнения сводились, в общем-то, к тому, что лейтенант в назидание должен получить хороший урок, они пришли к соглашению, что вести себя следует достаточно осторожно, разыгрывая комбинацию «хороший – плохой» до тех пор, пока не поступят какие-либо четкие указания от председателя суда. Однако прошел уже целый час, а полковник так и не сделала ни одного намека относительно той линии, которой собирается придерживаться, со спокойствием на лице она продолжала выслушивать двух «спорщиков».

– Может, вы хотите еще раз просмотреть досье?

– Зачем? Там ведь ничего не изменилось! – почти прорычал майор Джошуа. Оливковый цвет его лица и природная энергия определенно отводили ему роль «плохого парня». Но он уже устал от этой игры и безуспешно пытался осмыслить происходящее. – Мне непонятно, почему мы до сих пор продолжаем обсуждать это! Парень совершенно однозначно виновен, черт бы его побрал, это же ясно как божий день! И если мы не накажем его, то всеми это будет воспринято как отпущение грехов.

– Послушай, Джош, я имею в виду майор, но ведь есть же смягчающие обстоятельства.

Грузный капитан Пухлик без труда справлялся с ролью «хорошего парня», исполняя обязанности адвоката дьявола². Защищать обвиняемых у него уже вошло в привычку, хотя данное дело было слишком трудным даже для его великодушия и терпимости. Но тем не менее он смело бросился давать отпор.

– Мы ведь требуем от наших младших офицеров, чтобы они проявляли инициативу и приобретали навыки руководителя. Но если всякий раз, когда будет происходить что-то неординарное, мы станем их грубо осаживать, то очень скоро они потеряют охоту делать то, что не предписано приказом или не оговорено в уставе.

Майор фыркнул, выражая полное несогласие.

– Ничего себе инициатива! Да это чистейший кровожадный оппортунизм! По крайней мере так отзываются об этом средства массовой информации, если я не ошибаюсь.

– Но ведь мы же не позволяем присутствовать журналистам при наших обсуждениях наказаний?

– Не позволяем, – согласился Джошуа. – Но полностью игнорировать общественное мнение мы все равно не можем. Ведь Легион – это основа целой системы, и катастрофы, подобные этой, могут у многих вызвать отношение к нему как к прибежищу преступников и неудачников.

– Если им нужны герои, то для этого есть обычная регулярная армия, не говоря о космодесантниках, – сухо заметил капитан. – Легион никогда не был прибежищем ангелов, включая, могу держать на этот счет пари, и сидящих в этой комнате. Думаю, от нас требуется осудить действия этого человека, не заботясь о репутации Легиона.

² Защитник безнадежного дела. – *Примеч. пер.*

– Хорошо. Давайте еще раз вернемся к его проступку. Я до сих пор не вижу в его действиях ни одного смягчающего фактора.

– Он внушил одному из до глупости исполнительных, за что вы так ратуете, пилотов совершить несанкционированный бомбовый удар. Я знаю много командиров, которые никогда не пойдут на такое даже в том случае, когда у пилотов есть приказ о подчинении. И вы считаете подавление подобной инициативы вполне разумным?

– Это зависит от того, каким образом вы разграничиваете способность быть лидером и обычное подстрекательство к неповиновению. Все, в чем *действительно* нуждается ваш лейтенант, так это пара лет за решеткой, которые немного охладят его пыл. После этого он, возможно, дважды подумает, прежде чем принять опрометчивое решение.

– Вряд ли мы и в самом деле склонны к такому выводу.

Оба офицера тут же прервали свой спор и обратили все внимание на полковника, которая наконец-то вступила в дискуссию.

– Высказав несколько исходных положений, майор, вы сделали ряд основанных на них выводов. Но при этом существуют вполне определенные... факторы, которые следует принимать во внимание и которые вам просто не известны.

Она сделала паузу, будто взвешивая для верности каждое слово, в то время как офицеры терпеливо ждали.

– Я категорически против подобного решения и, более того, хочу надеяться, что нам никогда не придется его принимать. Как вам известно, каждый легионер начинает жизнь заново с того момента, как он или она вступает в наши ряды. Поэтому мы ни в коем случае не должны в своих решениях принимать во внимание поступки, которые они совершали до вступления в Легион. Чтобы и дальше придерживаться этого принципа, я прошу вас сохранить в строжайшей тайне не только все, что я скажу вам сейчас, но даже и сам факт нашего сегодняшнего разговора.

Она подождала, пока мужчины кивнули ей в знак согласия, прежде чем продолжить, но и после этого, казалось, ей трудно было называть вещи своими именами.

– Думаю, не надо объяснять, что лейтенант явно вышел из обеспеченной семьи. В противном случае он не смог бы стать офицером.

Ее слушатели терпеливо ждали новой для себя информации. Не было секретом, что Легион получал деньги, продавая офицерские чины... или, с куда большей охотой, устраивал платные испытания для желающих получить их.

– Должен заметить, что у него есть даже собственный дворецкий, – сказал капитан, вовсе изображая добродушие. – Возможно, это несколько претенциозно, но не вижу ничего плохого в том, чтобы некоторые из нас могли позволить себе такое.

Полковник сделала вид, что не слышала его замечания.

– Правда кроется в том... да, а имеет ли кто-нибудь из вас соображения относительно того, почему лейтенант выбрал себе такое имя?

– Скарамуш? – нахмуясь уточнил майор Джошуа. – Если не принимать во внимание общеизвестное отношение к этому персонажу, я не вижу в нем ничего особенного.

– Мне кажется, причиной могло послужить то, что молодой человек имеет склонность к фехтованию, – поспешил высказаться капитан, чтобы не уступать своему коллеге.

– Пожалуй, нужно оглянуться назад, в давние времена. Думаю, мне следует сказать, что *настоящий* владелец этого имени – типичный герой итальянской комедии, дурак и фигляр, в общем – шут.

Мужчины нахмурились и незаметно обменялись взглядами.

– Я не совсем понимаю... – не выдержал наконец майор. – Какое отношение это имеет к...

– Подумайте, что вам напоминает слово «шут»?

– Я все еще не понимаю...

Полковник тяжело вздохнула.

– Отвлекитесь на секунду и повнимательнее рассмотрите оружие на своем поясе, майор, – сказала она.

Озадаченный офицер взял свой пистолет и некоторое время разглядывал его со всех сторон, поворачивая в руке. Отвлек его от этого занятия неожиданный вздох, и он понял, что капитан уже с успехом справился с предложенной полковником загадкой.

– Вы имеете в виду?..

– Совершенно верно, капитан. – Председатель суда мрачно кивнула. – Ваш лейтенант Скарамунш не кто иной, как единственный сын и наследник ныне здравствующего президента и владельца компании «Шутт-Пруф мьюнишнз».

Ошеломленный майор уставился на пистолет в своей руке, на котором красовалось клеймо компании «Шутт-Пруф». Ведь если полковник была права, то лейтенант, которого он собирался осудить по всей строгости устава, был одним из самых молодых мегамиллионеров галактики.

– В таком случае, почему же тогда он вступил...

Слова застряли у него в горле, как только он поймал себя на том, что чуть было не совершил самую непростительную оплошность, какую только мог сделать легионер. С чувством неловкости майор вновь повертел в руках пистолет, чтобы избежать леденящих взглядов остальных офицеров. Хотя со стороны полковника и было допущено явное нарушение устава, когда она подняла вопрос о происхождении лейтенанта, никто и никого не имел права здесь спрашивать, почему он или она вступили в Легион.

Когда через несколько минут неловкость рассеялась, полковник вернулась к обсуждению.

– Так вот, при принятии решения нам следует учесть не только тот факт, что компания «Шутт-Пруф мьюнишнз» – крупнейший производитель и поставщик вооружений в галактике, не говоря уже о снабжении Космического Легиона, но также и то, что она – основное, даже единственное место, где могут найти работу увольняющиеся или уходящие в отставку легионеры. Я думаю, каждый из нас должен спросить себя самого о том, так ли уж велик проступок лейтенанта, что из-за этого следует осложнять отношения между Легионом и его главным поставщиком, даже если не принимать во внимание личную карьеру каждого из нас.

– Прошу прощения, полковник, но я никак не пойму – лейтенант и его отец, они что, не в ладах друг с другом?

Полковник Секира буквально пригвоздила капитана леденящим взглядом.

– Возможно. Но семья есть семья, и я не могу поручиться за реакцию отца, если мы засадим его единственного сына на несколько лет за решетку. Учитывая же вероятность того, что лейтенант в конце концов унаследует эту компанию, мне, например, когда я выйду в отставку, не хотелось бы иметь удовольствие просить у него работу, если окажется, что я была одной из тех, кто засадил его в тюрьму.

– Было бы куда легче, если бы он сам ушел в отставку, – мрачно пробормотал майор Джошуа, продолжая размышлять над новым поворотом дела.

– Действительно, – поддержала его полковник, становясь немного добрее. – Но он не собирается этого делать... а устав Легиона вы знаете не хуже меня. Мы можем наложить на легионера любой вид наказания, какой посчитаем необходимым, кроме одного: мы не можем выгнать его со службы, как говорится, под барабанный бой. Он может сам уйти в отставку, но принудить его покинуть Легион мы не вправе.

– Но возможно, если приговор будет достаточно тяжелым, он предпочтет отставку, – с надеждой предположил капитан Пухлик.

– Возможно, но я бы на это не полагалась. Я предпочитаю не блефовать, чтобы не сталкиваться с возможными последствиями обмана.

– Да, но как-то мы должны с ним разобраться, – сказал майор. – После всего того, что он услышал о себе из средств массовой информации, мы будем в дурацком положении, если не преподадим ему урок.

– Вполне вероятно. – Полковник натянуто улыбнулась.

Майор Джошуа нахмурился.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я имею в виду, что это, пожалуй, далеко не первый случай, когда легионер изменяет свое имя, чтобы избавиться от гоняющихся за ним журналистов.

– Надеюсь, вы не предполагаете всерьез оставить его без наказания? – вступил в разговор капитан. – После всего того, что он сделал? Я не вполне расположен спускать такие...

– Я вовсе не предлагаю оставить лейтенанта без наказания, – резко сказала полковник Секира, перебивая капитана. – Я просто думаю о том, что в этой особой ситуации самым мудрым будет такое решение, при котором мы найдем альтернативу его заключению в тюрьму. Возможно, мы должны подыскать для нашего неудачника новое назначение... достаточно неприятное, чтобы ни у него, ни у кого-либо из окружающих не зародилось мнение, будто этот суд был в отношении его просто небольшим шоу в стиле Дикого Запада.

Офицеры погрузились в молчание, стараясь придумать такое назначение, которое полностью бы соответствовало изложенным требованиям.

– Вот был бы он капитаном, – нарушил тишину майор, разговаривая сам с собой, – мы могли бы отправить его в роту под кодовым названием «Омега».

– Что такое, майор? – Голос полковника прозвучал неожиданно резко.

Джошуа заморгал, словно пробудился ото сна, и чуть встряхнулся, вспомнив о том, что председатель суда направлен сюда из штаб-квартиры.

– Я... Да так, ничего. Просто порассуждал вслух.

– Мне показалось, вы говорили что-то о роте «Омега»?

– Ну...

– А вы, капитан, знаете что-нибудь об этом?

– О чем? – ответил вопросом на вопрос капитан Пухлик, мысленно проклиная майора за длинный язык.

Прежде чем заговорить вновь, полковник смирла обоих мужчин леденящим душу взглядом.

– Джентльмены, позвольте мне вам напомнить, что я нахожусь в Легионе раза в два дольше вас. У меня есть глаза, и я никогда не считала себя дурой, и очень прошу вас не относиться ко мне как к таковой.

Двое членов суда буквально сжались от ощущения явного неудобства, будто школьники перед кабинетом директора, и это ощущение усилилось, когда она продолжила.

– Космический Легион по личному составу значительно уступает регулярной армии, а тем более войскам безопасности или силам быстрого реагирования. У них в этом отношении есть уже то преимущество, что каждое их действующее подразделение укомплектовано личным составом с какой-нибудь одной планеты, в то время как наша политика подбора кадров опирается на то, что мы принимаем на службу всех желающих, не задавая при этом лишних вопросов.

Я вполне понимаю, что такой подход создает массу проблем для таких, как вы, полевых офицеров. Но кроме слабой дисциплины и нарушения устава, наши беды mnoжат еще и легионеры, которые вообще не подходят для несения военной службы. Я имею в виду разного рода никчемных людей, неудачников – называйте их как хотите. И я вполне осознаю, что в роте «Омега» наверняка регулярно случаются нарушения уставных отношений между легионерами. Эта рота фактически – свалка для всех нарушителей дисциплины, которыми не хотят заниматься полевые офицеры из-за чрезмерной занятости или просто по нежеланию. Когда об

этих отбросах становится известно в штаб-квартире, то обычно в отношении их принимаются строгие меры, но постепенно все возвращается на круги своя, до следующего происшествия, и когда слухи очередной раз просачиваются наверх, игра начинается вновь.

Говоря это, полковник нетерпеливо постукивала по столу указательным пальцем.

– Мне обо всем этом прекрасно известно, джентльмены, и я хочу только задать вам один прямой вопрос: рота «Омега» по-прежнему представляет собой именно то, чем она всегда была?

Имея перед собой такой конкретный вопрос, офицеры практически не могли не ответить, и ответ их должен был быть предельно правдивым. Честность в Легионе являлась одним из основных требований (что вы скажете посторонним – это уже другое дело, но своих нельзя было обманывать ни под каким видом), и несмотря на то что участвующие в обсуждении были вольны использовать полуправду и недомолвки, в данном случае им оставалось очень небольшое пространство для маневра – чем полковник и не преминула воспользоваться.

– М-м-м... – невнятно промычал майор, подыскивая слова помягче, чтобы сгладить предстоящую исповедь. – Эта рота состоит из гораздо большего числа легионеров, чем положено... причем у всех них некоторые трудности с соблюдением внутреннего распорядка...

– Неудачники и правонарушители, – вмешалась полковник. – Давайте называть вещи своими именами. Где они находятся?

– На планете Хаскина.

– Планета Хаскина? – Секира нахмурилась. – Не уверена, что мне знакомо это название.

– Планета названа по имени одного биолога, который занимался там исследованием болот перед тем, как началось строительство поселений, – с надеждой в голосе подсказал Джошуа.

– Ах да. По контракту с местными шахтерами. В общем, несут караульную службу на задворках вселенной, а?

Пухлик резко кивнул, испытав облегчение от того, что старший офицер так спокойно воспринял эти сведения.

– Офицер, командующий ими, проявляет некоторую... вялость, связанную, вероятно, со скорым его переводом...

– И, конечно же, с чем-нибудь еще, – мрачно добавила полковник. – Вялость... Нравится мне такая формулировка. Вам, наверное, стоило попытаться сделать карьеру в средствах массовой информации, майор. Пожалуйста, продолжайте.

– В действительности ситуация вполне может сама исправиться без вмешательства штаб-квартиры, – заметил капитан, стараясь избежать передачи разборки дел офицеров в штаб-квартиру. – По слухам, контракт тамошнего командира скоро заканчивается, и никто не думает, что он останется на дополнительный срок. Не исключено, что новый офицер сумеет взять ситуацию под контроль.

– Может быть... а может быть, и нет.

– Если же вас заботят трудности, связанные с изменением его назначения, – торопливо заговорил майор, – то я уверен, будут обычные трения...

– Меня заботит приговор нашему лейтенанту Скарамушу, – сухо перебила его полковник. – Если вы помните, именно это – предмет нашего обсуждения.

– Да... разумеется. – Пухлик облегченно вздохнул, поскольку был слегка озадачен внезапным изменением темы разговора.

– Я хочу сказать следующее, – продолжала Секира. – Принимая во внимание новую информацию, мне кажется, что недавно высказанные соображения майора вполне соответствуют тому, что нам нужно.

Это заявление заставило офицеров внимательно проследить за ходом ее мыслей. Справившись с этим, они оказались буквально захвачены врасплох.

– Что? Вы предлагаете направить его в «Омегу»? – воскликнул майор Джошуа.

– А почему нет? Как я только что уяснила, рота «Омега» для Легиона – вполне реальный факт. – Она наклонилась вперед, поблескивая глазами. – Подумайте об этом, джентльмены. Неприятное, безнадежное назначение может оказаться тем самым фактором, который убедит нашего молодого лейтенанта уйти в отставку. Если он не уйдет, то будет хотя бы убран с глаз долой самым простым и действенным способом и, таким образом, не будет для нас источником затруднений. Вся прелесть такого решения заключается в том, что никто, включая его отца и самого лейтенанта, не сможет упрекнуть нас, что мы не предоставили ему возможности продвижения по службе.

– Но единственная офицерская должность, какая там есть и будет в ближайшем будущем, это должность командира роты, – возразил майор, – и занимать ее должен по меньшей мере капитан. Вот что я имел в виду, когда говорил...

– В таком случае его следует повысить в звании.

– Повысить? – произнес капитан с болезненным осознанием того, что речь идет о чине, который имел он сам. – Мы собираемся наградить его за все эти нарушения? Мне кажется, тут что-то не так.

– Послушайте, капитан, вот вы бы посчитали за награду назначение в роту «Омега»? Даже если бы это было связано с повышением в звании?

Пухлик и не пытался скрыть гримасу, исказившую его лицо.

– Я слежу за ходом ваших рассуждений, – заметил он, сдавая позиции, – но будет ли это воспринято лейтенантом как наказание? Он ведь в Легионе новичок. Вполне возможно, что он не знает, что такое рота «Омега».

– Ничего, скоро узнает, – мрачно заметила полковник. – Ну так как, джентльмены? Мы пришли к согласию?

Вот с этого-то решения, безрассудного, принятого как акт отчаяния, в уже и без того пестрой истории Легиона открылась новая глава. Сами того не зная, офицеры, заседавшие в трибунале, просто-напросто заложили свои головы, не говоря про сердца и души, группе людей, известной в то время как рота «Омега» и которую впоследствии средства массовой информации предпочитали называть «Шуттовская рота».

Глава 1

Дневник, запись № 004³

Кто-то заметил, что чиновники имеют склонность так растягивать любую работу, что она заполняет, а нередко и переполняет все отпущенное на нее время. И если до сих пор я не давал никаких комментариев по этому поводу, то только потому, что был чрезвычайно занят приготовлениями моего шефа к предстоящей отправке его к месту нового назначения.

Для моего шефа это означало бесконечную череду покупок, осуществляемых им как лично, так и с помощью компьютера. Как вы уже могли заметить по этим моим записям, в отличие от многих людей равного с ним финансового положения, он не скупился на траты. И если оказывался перед выбором, какой из двух предметов приобрести, то, как правило, решал дилемму самым простым образом: покупал оба. Я относился к этой его привычке отрицательно по той простой причине, что был фактически тем самым лицом, которому приходилось следить за сохранностью и перевозкой всех приобретений.

Разумеется, его покупки личных вещей и гардероба означали, что откладывались на какое-то время остальные текущие дела... например, анализ ситуации, в которой мы оказались. И, как это часто бывает, я чувствовал, что лучше уж отправиться в неизвестность без всякого анализа, чем отрывать моего шефа от соответствующих приготовлений к новому предприятию.

Компьютерная система «Мини-мозг» была разработана как предельный по своим возможностям карманный компьютер. Ее интеллектуальный потенциал определяется в первую очередь тем, что она обеспечивает пользователю доступ едва ли не к любой базе данных или библиотеке программ всех заселенных миров и позволяет устанавливать связь с большинством деловых партнеров, которые используют какую-либо форму компьютеризированных коммуникаций. При этом нет необходимости подключаться к специальному каналу или к телефонной линии. Более того, все это устройство, имеющее откидной экран, по размеру не превышает обычную брошюру. Одним словом, это можно было бы назвать полным триумфом микроэлектроники... если бы не одно маленькое обстоятельство. Цена каждой использованной в этом устройстве микросхемы приблизительно соответствует стоимости небольшой корпорации и выходит за пределы финансовых возможностей частных лиц и почти всех чиновников крупных многоотраслевых конгломератов. Но даже и те, кто мог позволить себе иметь одну из таких систем, обычно старались пользоваться более дешевыми средствами доступа к данным, особенно в тех случаях, когда служебное положение позволяло перекладывать такие примитивные операции, как поиск данных и связь, на низшие эшелоны служащих. По сути, было сделано немногим меньше дюжины систем «Мини-мозг», нашедших реальное применение внутри галактики. Две из них приобрел Уиллард Шутт: одну для себя, другую для своего дворцового, рассудив при этом, что расходы будут иметь смысл, поскольку позволят избежать неудобств, сопровождающих обычно ожидание связи при пользовании платным терминалом.

³ В приведенном здесь дневнике встречаются пробелы, где я или удалил отдельные записи, или сделал сознательные пропуски событий, на мой взгляд, либо совершенно не интересных, либо затрагивающих слишком мало значительные подробности, либо содержащих сведения, которые могут быть использованы в суде, если какие-то аспекты происшедшего в тот период когда-либо привлекут внимание общественности.

Устроившись в одном из многочисленных баров космопорта, он взялся за свой портативный компьютер, чтобы с пользой провести несколько оставшихся часов, и неумоимо отстукивал один за другим запросы и сообщения, пользуясь при работе, как всегда, только двумя пальцами. Наконец он закончил общение с компьютером и убрал его в карман.

– Да, пожалуй, это все, что я могу сейчас придумать, Бик, – сказал он, потягиваясь. – Остальное может и подождать до тех пор, пока мы наконец не взглянем на свой новый дом.

– Очень благоразумно с вашей стороны, что вы сдерживаете свой энтузиазм, сэр, – сухо ответил дворецкий. – Возможно, мы еще успеем на наш корабль.

– Об этом не стоит беспокоиться. – Шутт взялся было за оставшийся бумажный стаканчик с кофе, но с гримасой на лице отставил его, обнаружив, что все его тепло давно уже улетучилось. Да, некоторые вещи так и остались за пределами достижений технологии.

– Не похоже, чтобы мы летели коммерческим рейсом. Это специальный рейс, чтобы доставить нас на планету Хаскина. Сомневаюсь, что корабль может отправиться, даже если мы опоздаем на несколько минут.

– Мне бы очень хотелось разделять вашу уверенность, сэр. Более вероятно, что пилот просто отменит рейс и удовлетворится половинной платой – компенсацией за упущенную выгоду.

Шутт вскинул голову и посмотрел на своего компаньона.

– Сегодня ты определенно не в настроении, Бикер. Стал как-то более угрюмым после того трибунала. Может, тебя что-то сильно беспокоит?

Дворецкий пожал плечами.

– Давайте лучше скажем, сэр, что я не очень-то верю в великодушные Легиона.

– В какое, например?

– Да взять хотя бы вот этот чартерный рейс. Если вспомнить, что основа, сущность Легиона – неимоверная скупость, то дополнительные расходы на фрахтовку частного корабля вместо использования обычного коммерческого рейса кажутся мне весьма необычными.

– Но это же очень просто, – рассмеялся Шутт. – Коммерческие рейсы на планету Хаскина бывают только раз в три месяца.

– Вот именно. – Бикер мрачно кивнул. – Не кажется ли вам, что это новое назначение не предполагает вообще никакой активной деятельности?

– Бикер, ты пытаешься тем самым высказать подозрения, что это мое повышение и последующее назначение не такая уж большая награда?

Наступила пауза, вызванная очевидным замешательством дворецкого, который явно не решался ответить. Обычно приятный в общении, Шутт по характеру был более склонен к ледяной расчетливости, нежели к слепой ярости, но Бикер не имел ни малейшего желания испытывать на себе ни то ни другое. Однако между ними существовало молчаливое соглашение об абсолютной честности, так что ему пришлось собрать все свое мужество, как перед прыжком в ледяную воду, и заговорить.

– Проще сказать, я считаю случайность совпадения и того и другого... сомнительной, особенно если учесть тот факт, что тогда вы находились под трибуналом. Даже если не принимать во внимание все остальное, то их настойчивое требование сменить имя, полученное вами в Легионе, похоже, должно указывать на то, что вопрос этот значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд.

– Думаю, ты ошибаешься, – холодно заметил Шутт, а затем, как всегда неожиданно, усмехнулся. – Никаких таких сложностей здесь нет. Абсолютно ясно, что куда бы меня ни направили, радости мне это не доставит.

У Бикера отлегло от сердца.

– Простите меня, сэр. Я было решил, что вы не смогли правильно оценить ситуацию. Меня смутило, что вы казались слишком жизнерадостным для человека, который знает, что его, как говорится, поставили на место.

– Но почему бы мне и не радоваться? – с недоумением спросил Шутт. – Подумай-ка вот о чем, Бик, – что бы ни ожидало нас на этой планете, это, безусловно, будет лучше, чем гнить пару лет за решеткой. Между прочим, я всегда хотел командовать каким-нибудь отрядом. Поэтому и отправился за офицерским чином.

– Я не вполне уверен, что это назначение действительно предпочтительнее тюрьмы, – осторожно продолжил высказывать свои сомнения дворецкий.

– Даже так? – Воскликание сопровождалось взлетом бровей. – Что, в документах этой роты есть что-то такое, что может мне не понравиться?

– Абсолютно уверен в этом, сэр. – Бикер натянуто улыбнулся. – Я позволил себе вольность переписать файлы с этими документами в ваш компьютер, так что вы можете просмотреть их, не таская с собой целую папку с бумагами. Я ведь знаю, вы всегда стараетесь путешествовать налегке.

При этом он слегка кивнул в сторону носильщиков, стоявших возле их багажа.

– Ох! Да, это верно. Нам не стоит опаздывать.

Шутт вскочил на ноги и сделал рукой знак поджидавшим носильщикам.

– Идите за мной, парни. Время не ждет. Пошли, Бикер. Пора грузиться.

– Капитан Шутник?

Шутту понадобилось время, чтобы сообразить, что это его новые имя и чин.

– Так точно, – резко подтвердил он. – Вы уже готовы к вылету?

– Да, сэр. Как только вы... А это что такое?!

Пилот показал рукой в сторону каравана носильщиков, кативших три груженные тележки.

– М-м-м? О, это всего лишь мой личный багаж. Если вы покажете им, где можно его разместить, они сейчас же займутся погрузкой.

– Эй, секунду! Вес всего багажа должен быть заранее тщательно выверен. Нельзя же появляться здесь в последнюю минуту, приплясывая от радости, и ожидать, что я разрешу вам затащить на борт такой груз!

Шутт про себя тяжело вздохнул. Он опасался, что нечто подобное обязательно случится. По контракту с Легионом власть на борту корабля полностью принадлежала пилоту, и, подобно многим мелким бюрократам, тот имел об этом несколько преувеличенное представление. К счастью, Шутт был гораздо выше того, чтобы препираться с представителем этой касты.

– Послушайте... капитан, не так ли? Да, я не ошибся. Если вы взглянете на свою грузовую декларацию, то увидите, что груз, который уже находится на борту, гораздо легче, чем тот, который вы должны перевозить по контракту. Значительно легче. Мой багаж частично исправляет это недоразумение. Но поскольку это несколько больше, чем обычно разрешено перевозить военному персоналу, я оплачу пошлину за излишки из собственного кармана, ведь совершенно ясно, что мне не хочется оставлять его здесь.

Пилот, разумеется, знал, что груз, находящийся у него на борту, и в самом деле очень легкий, он определил это даже на глаз и уже мысленно облизывал губы в предвкушении прибыли на экономии топлива. И вот теперь эта неожиданная прибыль была готова улетучиться на глазах.

– Хорош-ш-о-о... если только вы уверены, что весь ваш багаж находится в пределах оплаченной вами пошлины. И не ждите, что я возьмусь за его погрузку.

– Ну, разумеется, – успокоил его Шутт. – А теперь, если вы укажете, куда все это девать, носильщики сами обо всем позаботятся.

Бикер подхватил два чемодана, в которых было самое необходимое для путешествия, и направился к трапу.

- Я пройду первым, сэр, и прослежу за вещами, – бросил он через плечо.
- А это еще кто?! – прорычал пилот.
- Это Бикер. Мой дворецкий и компаньон по путешествию.
- Вы хотите сказать, что он отправляется с нами? Ни в коем случае! У меня договор с Легионом на транспортировку только одного человека. Считать до одного умеете? Один человек! Только вы!
- В этом ничего удивительного нет, поскольку мистер Бикер не состоит на службе в Легионе. Он подчиняется лично мне.
- Прекрасно. Это означает, что он не полетит.
- Шутт внимательно изучал свои ноги.
- Понимаете ли, если вы утрудите себя проверкой веса, то обнаружите, что плата, которую я сделал в виде пошлины за весовые излишки, включает и доплату за вес моего дворецкого.
- Неужели? Однако существует некоторая разница между багажом и человеком.
- Легионер тем временем внимательно разглядывал корабль.
- Ведь это «Космос-1427», не так ли, капитан? Я уверен, что он позволяет разместить со всеми удобствами шесть человек. Учитывая, что это чартерный рейс и других пассажиров не будет, мы могли бы найти где-нибудь местечко и для Бикера.
- Дело вовсе не в этом, – продолжал настаивать пилот. – В подобных случаях требуется оформление соответствующих бумаг и разрешение на транспортировку указанного частного лица на другую планету. У меня нет никаких указаний насчет этого Бикера.
- К счастью, – сказал Шутт, опуская руку в карман, – у меня есть с собой все необходимые бумаги.
- У вас есть бумаги?
- Разумеется. Ведь не мог же я ожидать, что вы нарушите правила, поверив мне на слово? И он положил что-то на приборную панель прямо перед пилотом.
- Эй! Но ведь это не...
- Изучите эту бумагу повнимательней, капитан. Я уверен, вы увидите, что там все в порядке.
- Пилот застыл, молча уставившись в одну точку, что было неудивительно. Как заметил однажды Шутт, это обычная реакция человека, перед которым вдруг появляется тысячедолларовая банкнота.
- Я... полагаю, что это покроет дополнительные издержки, – медленно произнес пилот, не в силах оторвать взгляд от денег.
- Хорошо. – Шутт коротко кивнул. – А теперь, как только вы покажете носильщикам, где разместить мой багаж, мы будем тут же готовы к отправлению.

Дневник, запись № 007

Просматривая свои предыдущие записи, я обратил внимание на то, что мои комментарии приготовлений хозяина к новому назначению выглядят далеко не лестными. Я прошу вас понять, что мы являем собой двух людей совершенно разного типа, с совершенно различным подходом к расстановке приоритетов. Поскольку разногласия между нами случаются редко, мои замечания на этот счет следует рассматривать не как некую критику, а скорее как попытку внести в описание элемент завершенности. То обстоятельство, что именно я автор этих записей, дает мне определенное преимущество, позволяющее выразить собственное мнение и собственные предпочтения. И несмотря на то что я пытаюсь вести свой дневник как можно более беспристрастно, в нем все же заметна вполне понятная тенденция, определяющаяся моей личной ролью во всем происходящем. Я надеюсь, что вы сделаете скидку на это, читая мои записки.

Мой шеф, если уж берется за дело, то с куда большим размахом, нежели я, поэтому мне всегда остается лишь беспокоиться о том, возьмется ли он за дело вовремя, чтобы оно выгорело, и такое беспокойство выработало во мне готовность к тому, чтобы по возможности поддерживать его своими советами. Этот полет предоставил мне избыток таких возможностей – у нас было слишком много свободного времени.

Кстати, о времени – как вы могли заметить, я стараюсь вести этот дневник довольно последовательно, лишь изредка отмечая расхождение времен между записями. Но даты частенько ускользают от путешественников... особенно когда их пути ведут между планетами или звездными системами. И если хотите, чтобы у вас была какая-то привязка к общей хронологии событий, попробуйте навести справки об описываемом мною в местной библиотеке или средствах информации.

Оторвавшись от компьютера, Шутт поднял взгляд и заметил, что Бикер, похоже, уснул прямо в кресле. Впрочем, это не было удивительным. При космических перелетах часто наблюдается потеря ощущения времени, поскольку и день, и ночь определяются только тем, когда вы включаете или выключаете свет. Для Шутта это были идеальные условия – он мог работать, когда ему нравится, делая перерывы на еду или для короткого сна в удобное для себя время. Однако Бикер не отличался такой гибкостью в выборе времени для отдыха, и потому не было ничего странного в том, что эти два человека частенько оказывались в противофазе жизненных циклов. Обычно это не создавало никаких проблем, но именно сейчас Шутт, как ни странно, обнаружил в себе потребность в беседе.

После нескольких мгновений напряженной внутренней борьбы с собственной совестью он решил пойти на компромисс.

– Бикер? – произнес он как можно тише.

Если бы дворецкий действительно спал, он не отреагировал бы на это обращение. Но, к счастью, Шутт заметил, что Бикер тут же открыл глаза, реагируя на вопрос.

– Да, сэр?

– Я разбудил тебя?

– Нет, сэр. Просто я дал глазам немного отдохнуть. Могу я чем-нибудь помочь?

Это напомнило Шутту, как устали его собственные глаза. Откинувшись на спинку кресла, он слегка потер виски кончиками пальцев.

– Поговори со мной, Бик. Я так долго просматриваю эти файлы, что они в моей голове уже перемешались. Просмотри их еще разок и поделись своими мыслями.

Дворецкий нахмурился, поскольку внутренне уже выработал отношение к этому вопросу. Далеко не в первый раз шеф интересовался его мнением по ключевым моментам, хотя не было никаких сомнений касательно того, кто будет нести ответственность за любое действие или принятое решение. Но тем не менее Бикер был доволен, что Шутт проявлял уважительное к нему отношение, время от времени обращаясь с подобными вопросами.

– Колония на планете Хаскина – весьма заурядная, насчитывает около ста тысяч жителей, – начал он неторопливо. – Само по себе это не имеет к нашему назначению никакого отношения, не считая скудной возможности культурного досуга в часы, свободные от дежурства.

На первый взгляд ничего особенного в несении службы там нет, – продолжил он. – Поскольку содержание минералов в местных болотах довольно незначительно, чтобы имело смысл их коммерческое освоение, там собралась небольшая группа людей, которых вполне устраивает не слишком приятная жизнь, связанная с работой в шахтах на этих болотах. Ни флора, ни фауна не представляют в тех краях никакой явной угрозы – обратите внимание на этот факт, – но болото есть болото, оно само по себе создает некоторый риск. И поскольку

невозможно одновременно работать в шахтах и следить за болотом, шахтеры скинулись и наняли роту легионеров для охраны их во время работ.

Бикер слегка поджал губы, прежде чем выдать очередную порцию своих соображений.

– Чтобы еще более облегчить участь шахтеров, под давлением некоторых группировок было принято решение, что они будут работать только один день в неделю... и это стало строгим ограничением. Отсюда проистекает, хотя прямо об этом нигде не говорится, как я подозреваю, двойной характер работы по месту вашего назначения: охрана шахтеров и поддержание порядка среди них в соответствии с существующими там нормами поведения. Что бы там ни происходило на самом деле, легионеры фактически заняты дежурством лишь раз в неделю... что, как я понимаю, одна из возможных причин серьезных неприятностей. Может, кто и назвал бы это всего лишь легкой службой, но я подозреваю, что уйма свободного времени – не совсем подходящая вещь для находящейся там роты.

– А потому перед нами встает вопрос о самих легионерах, – мрачно заметил Шутт.

Дворецкий кивнул.

– Именно так. Никогда не было секретом, что политика открытых дверей приводит к тому, что Легион становится в конечном итоге прибежищем преступников, выбирающих службу в качестве альтернативы заключению в тюрьму. После изучения личных дел служащих вашей новой роты любой, к сожалению, придет к выводу, что этот удаленный сторожевой отряд включает в себя невыносимо высокий процент таких людей, которые... м-м-м...

– Закоренелые преступники?

– Нет. Обошлось без этого, – поправился Бикер. – Даже если не читать личные дела между строк, становится очевидно, что эту роту можно разделить на две основные категории. Одна из них, как известно, состоит из тех никчемных людей, которым нелегко привыкнуть к военной службе, несмотря даже на то, что они поступили на нее добровольно. Вторая категория являет собой другую крайность. По натуре они пацифисты или по выбору – не важно, но это затрудняет или делает вообще невозможным их пребывание на военной службе. Однако, думаю, необходимо отметить тот факт, что почти всех без исключения из вашей роты скорее можно отнести лишь к одной из упомянутых категорий. Одним словом, мои рассуждения приводят меня к тому, что вас назначили командовать отрядом, состоящим в основном из... ну, скажем... всякого рода неудачников, если избегать более прямолинейных выражений.

– Но я-то ведь не такой, а, Бикер? – Шутт криво улыбнулся.

– Сдается мне, что временами и вы кажетесь мне таким же, – заметил дворецкий с показным равнодушием.

Шутт потянулся:

– Я согласен с твоими выводами во всем, Бикер, кроме одного.

– Сэр?

– Когда ты начинаешь относить их к той или иной категории... не вижу, что еще, кроме тех уже упомянутых тобой обстоятельств, может объединять их в какую-либо из этих категорий или в команду в целом. Это всего лишь наборы отдельных индивидов, к которым на самом деле неприменимы такие понятия, как «категория» или «принадлежность».

– Тогда я должен внести поправку. Термин «категория» я употребил лишь для удобства рассуждений.

Теперь Шутт подался вперед, и, несмотря на усталость, в его глазах появился блеск.

– Удобные термины частенько заводят в ловушки, Бик. А я не могу себе этого позволить. Уж если быть предельно точным, то удобные термины и есть причина того, что бо́льшая часть персонала, набранного в эту роту, являет собой... как ты назвал их?

– Неудачниками, сэр.

– Верно, неудачники. Я собираюсь создать из них группу, крепко спаянный отряд, и чтобы сделать это, должен прежде всего воспринимать их как личностей. Люди, Бикер! Все

всегда вращается вокруг людей. Чем бы мы ни занимались, бизнесом или армейской службой, ключ ко всему – люди!

– И, конечно же, сэр, вы уже уяснили, что не все в вашей роте подходят под определение «люди», – многозначительно прокомментировал дворецкий.

– Ты имеешь в виду нечеловеческие существа? Это верно, у меня их трое. Давай-ка посмотрим, кто они...

– Два синтианца и волтон. Говоря попросту – два слизня и африканский кабан.

– Нет, такой подход мне не нравится, Бикер. – В голосе Шутта появилась резкость. – Ярлыки – самый худший вид терминологии, и я этого не потерплю. Кто бы или что бы они собой ни являли, они – прежде всего подчиненные мне легионеры, и к ним следует относиться если не с уважением, то с надлежащей вежливостью. Это ясно?

Дворецкий давно научился различать вспышки раздражения, которые проявлялись в характере его шефа и которые очень быстро проходили, и подлинный гнев. И хотя он не подал виду, что заметил в нем перемены, тем не менее вывод для себя сделал.

– Понимаю, сэр. Больше не повторится.

Шутт расслабился, инцидент был исчерпан.

– Примечательно, что из трех видов существ, не относящихся к роду человеческому, но ставших нашими союзниками, я, к своему удивлению, обнаружил в своей роте только два. Полагаю, было бы чрезмерным надеяться встретить здесь еще одного-парочку гамбольтов.

«Кошек?» – едва не сказал Бикер, но вовремя удержался.

– Я полагаю, что представители этого вида с большей охотой поступают в регулярную армию, – заметил он вместо этого. – Я даже слышал, что из них формируют целые роты.

– И это вполне разумно. – Шутт состроил гримасу. – С их рефлексами и способностью к активным действиям они могут успешно справиться с любым заданием.

– Действительно, у них есть породы... которые представляют собой куда более хороший материал, чем тот, с которым придется работать вам, – с готовностью согласился дворецкий. – Скажите мне, сэр, вы действительно думаете, что вам удастся преобразовать такую... разнообразную коллекцию индивидов в эффективно действующую роту?

– Это удавалось и раньше. Если вспомнить «Бригады дьяволов» – первые отряды Специальной Службы, которые в конце концов стали...

– Специальными Силами, – закончил за него Бикер. – Да, мне известно об этом отряде. Хотя с сожалением могу отметить, что это была часть американо-канадских сил. Американцы с самого начала поставляли туда лишь человеческие отбросы, потенциальных преступников, в противоположность канадцам, которые жертвовали первоклассными воинами. Но, боюсь, пока вы будете старательно разбираться со своими преступниками, скажется ощутимый недостаток в настоящем боевом отряде, который послужил бы в качестве примера.

– Туша. – Шутт слегка усмехнулся. – Мне надо было бы придумать что-нибудь получше, чем пытаться излагать перед тобой военную историю, Бикер. Хорошо. Вот что я тебе скажу. Я не знаю, можно ли это сделать, или, точнее, смогу ли я это сделать. Знаю только, что хочу вложить в это и свою лепту.

– Которая составит ровно столько, сколько сможет запросить каждый из них, и наверняка больше того, что они заслуживают. – Дворецкий потянулся и зевнул. – А сейчас, у вас есть еще ко мне что-нибудь?..

Он позволил вопросу повиснуть в воздухе.

– Отправляйся спать, Бикер, – сказал Шутт, возвращаясь к своему компьютеру. – Сожалею, что пришлось разбудить тебя, но мне хотелось поговорить.

Дворецкий помолчал, глядя на экран.

– А вы сами, сэр? Вам нужно хорошенько отдохнуть перед прибытием на планету Хаскина.

– Гм-м-м? Да, разумеется... сейчас, только вот закончу... Я хочу сначала получить кое-какую информацию, выяснить, кто есть кто в этой колонии. Я привык знать, с кем имею дело.

Дворецкий только покачал головой, когда увидел, что Шутт вновь склонился над компьютером. Он слишком хорошо знал, какого рода подробности интересовали его шефа, когда начиналось изучение конкурентов по бизнесу: банковские счета, образование, семья, полицейские досье, – и полагал, что его теперь лучше всего оставить наедине с предприятием, которое он начинал. Должно быть, пройдут часы, а может быть, десятки часов изнурительной работы, столь длительной, что большинство людей упало бы от усталости. Но Бикер знал, что совершенно бесполезно пытаться уговорами или лестью сбить Шутта с однажды выбранного пути. Все, что мог сделать дворецкий, – это стараться всегда быть рядом, чтобы поддержать этого неординарного человека в трудную минуту.

Продолжая покачивать головой, он отправился к себе в каюту.

Глава 2

Дневник, запись № 013

Сам я не присутствовал на той встрече, когда мой шеф впервые появился перед своим новым отрядом. И хотя я имел самое полное представление обо всех легионерах, какое мог получить, ознакомившись с их личными делами, и впоследствии даже общался со многими из них, тем не менее из-за моего неофициального статуса в Легионе я считал свое присутствие на той встрече просто неуместным.

Поэтому я довольствовался лишь тем, что подслушивал происходящее по двухканальной громкоговорящей системе. Это был всего-навсего улучшенный вариант прошедшей испытание временем системы для подслушивания в труднодоступных местах. Ведь в то время, когда ваш хозяин использует свое право на уединение, все практически лишены возможности в случае чего прийти к нему на помощь.

(Я в общем-то никогда не обсуждал этого со своим шефом открыто, но довольно часто занимался анализом информации, поступающей ко мне окольными путями, он же, в свою очередь, никогда не комментировал это и не пытался как-либо ограничивать меня в отношении получаемых мной сведений.)

Хотя зал для отдыха легионеров и был самым большим помещением в их казармах, по вечерам там обычно никого не бывало. С некоторых пор зал превратился в заброшенное место, особенно в последние месяцы, когда легионеры вообще перестали убирать за собой и в помещении застоялся запах пищевых отходов, или, говоря попросту, вонь.

Однако сегодняшним вечером зал был набит до отказа. Прошел слух, что новый командир хочет поговорить с солдатами, и это, по-видимому, стало причиной такого полного сбора.

Были заняты все воображаемые сидячие места, включая пустые столы и радиаторы отопления, а по тому, кем и для кого уступались ранее занятые места по мере заполнения зала, можно было определить порядок неофициальных взаимоотношений, сложившихся в роте. Несмотря на то что собравшиеся пытались поддерживать атмосферу непринужденности, тем не менее было заметно, что легионеры проявляли определенный интерес к новому командиру, и обсуждение его было основной темой в разговорах среди самой молодой, наиболее выделяющейся части собравшихся.

– Что-то очень долго он готовился к этой встрече, – выкрикнул один из них. – Командир здесь вот уже почти неделю, но так и не удосужился поговорить хоть с кем-нибудь из нас... только посылает своего дворецкого в столовую за едой да с поручениями в город.

– Кто-нибудь слышал, чтобы у офицера был собственный дворецкий?

– А что в этом такого? Все они избалованные детки каких-нибудь богачей. Разве кому другому по карману офицерский чин?

– И о чем же, интересно, он собирается говорить?

Эта последняя реплика, видимо, предназначалась старшему сержанту, сидящему рядом и прислушивавшемуся к разговору. Сержантом была женщина лет тридцати с грубыми чертами лица и вполне приличными пропорциями, хотя оттого, что она сидела, трудно было судить о ее росте.

– А я могу сказать, о чем он собирается говорить, – заявила она, старательно изображая на лице наигранную скуку.

– И о чем же, Бренди?

Кроме чина и солидной внешности, старший сержант обладала непоколебимым спокойствием и уверенностью в движениях, чем заслужила особое к себе отношение и приковывала общее внимание всякий раз, когда начинала говорить.

– Он, очевидно, скажет то же, что сказал бы любой командир, принимая новое подразделение, – сказала она. – Само собой, начнет с шутки. Думаю, о том, что встречу с новыми подчиненными надо начинать с шутки, записано в руководстве для офицеров. В любом случае он начнет с шутки, а затем объявит нам, что все, что бы ни происходило здесь прежде, уходит в прошлое, а он собирается сделать из нас самую лучшую роту в Легионе. Разумеется, капитан не скажет, как именно он собирается это сделать, а будет лишь разглагольствовать о своем намерении... и это означает, что нас ждут новые физические тренировки и проверки в течение нескольких недель, пока он не откажется от всяких попыток справиться с этим сбродом и не начнет искать пути к отступлению.

Несколько бывалых легионеров громко поддержали эти слова. Они, разумеется, с таким уже встречались.

– И большинство из нас окажется перед выбором, – продолжила Бренди. – Либо не признавать его вовсе, либо подхалимничать в расчете на то, что капитан возьмет вас с собой, когда найдет способ сбежать с этой помойки.

Последовало несколько минут неуютной тишины, прежде чем один из недавно поступивших на службу высказал мысль, вертевшуюся в голове почти у каждого.

– Уж не думаете ли вы, старший сержант, что наши дела пошли бы значительно лучше, окажись мы в другом подразделении?

Прежде чем ответить, старший сержант выразительно сплюнула на пол.

– Все зависит от того, что понимать под словом «лучше». Я вам доложу, что нести сторожевую службу на болотах мало похоже на пикник, но и это может скоро закончиться. Пока рота существует как единое целое... – тут она бросила быстрый взгляд на двух лейтенантов, беспокойно ерзающих в противоположных концах зала, и понизила голос, – то все офицеры поступают в соответствии с заведенным порядком, и самое большее, что они делают, это пишут рапорты и складывают их в корзину. Если вы спросите меня, что я думаю о том, чем все это кончится... ну хорошо... я отвечу вам, солдаты... кстати, а известно ли вам, что такое на самом деле эта рота «Омега»?

Неожиданно раздался дружный скрип стульев, послышались выкрики и свист, привлечшие на какое-то мгновение внимание всех присутствующих. Этого времени вполне хватило на то, чтобы вся рота смогла убедиться в очередной выходке Супермалявки, и все вновь вернулись к прежним занятиям.

Супермалявка была самым маленьким легионером во всей роте, имела неистовый характер и буквально взрывалась при каждой провокации, действительной или мнимой. Особенно чувствительна она была к любым замечаниям относительно ее роста... или других недостатков.

– Интересно, что выкинула Супермалявка на этот раз? – пробормотала Бренди себе под нос.

– Разве это возможно угадать? – заметил один из ее слушателей. – Прошлый раз она выпихнула меня из очереди за завтраком. А все, что я сделал, так это попросил у повара дополнительную порцию оладий.

– Это на нее похоже. – Старший сержант кивнула, в то время как остальные понимающе рассмеялись. – А вы знаете, можно подумать, что, чем больше эта коротышка дерется, тем больше она в этом преуспевает. Вот посмотрите.

Оказавшийся жертвой нападения легионер, откровенно смеясь, удерживал Супермалявку на расстоянии вытянутой руки, причем самым примитивным способом: он положил свою руку ей на макушку, в то время как она вслепую размахивала кулаками.

Бренди печально покачала головой.

– Это больше напоминает школьный двор, а не роту Космического Легиона. Это как раз то, о чем я начала говорить по поводу роты «Омега». Если мы подсчитаем всех психов и ушедшие в корзину дела, которые обнаружим в этом подразделении, то окажется, что самым правильным будет...

– *Вста-АТЬ!*

Голос лейтенанта Армстронга отразился от стен, создавая в зале реверберацию, но почти никто не обратил на него внимания. Ходили слухи, что лейтенант был списан из регулярной армии и поэтому до сих пор не оставил привычку призывать собравшихся к вниманию, когда в помещение входил старший офицер. В Легионе подобные традиции не прижились. Вежливость между людьми разных рангов была здесь скорее личным делом, чем требованием служебных уставов, и как таковая попросту игнорировалась. Но тем не менее действия лейтенанта привлекли внимание к тому факту, что их новый командир вошел в зал, и все легионеры вытянули шеи, чтобы его увидеть.

Обрамленная дверным проемом и застывшая в торжественно-непринужденной позе, одновременно и расслабленной и напряженной от едва сдерживаемой энергии, фигура офицера, только что появившегося в зале, доминировала над собравшимися. Его мундир, отливающий черным блеском, на самом деле представлял собой хорошо облегающий его стройную фигуру комбинезон, по краям отделанный золотым кантом. Фехтовальная рапира с отполированной до блеска бронзовой гардой, висевшая на перевязи у него на боку, возможно, и придавала бы ему несколько комичный вид, если бы это не компенсировалось ледяным взглядом, которым тот окинул собравшуюся роту. Такими необычными были и этот пристальный взгляд, и сопровождавшая его тишина, что некоторые легионеры даже нервно поднялись со своих мест и попытались принять позу, смутно напоминавшую стойку «смирно». Но казалось, командир не заметил их, так же как не заметил и по-прежнему сидящих.

– Меня предупредили, что вы все сплошь неудачники и непригодные к службе, – ровным голосом произнес он, не делая обычного для таких случаев вступления. – Я надеюсь, что это не так... хотя, похоже, большинство из вас уверены, что неудачи ваши происходят из-за ваших же собственных поступков.

Легионеры обменялись взглядами, внезапно устыдившись своей грязной формы и запаха гнили, все еще витавшего в зале. Некоторые взгляды были обращены в сторону старшего сержанта и будто спрашивали: «Ну и где же обещанная шутка?» Но Бренди игнорировала их, делая вид, что полностью поглощена словами нового командира, который тем временем продолжал:

– Я так понимаю, у всех у вас один недостаток – вам не хватает способностей или определенных свойств характера, которые обычно и формируют, как это принято говорить, идеального солдата. Я осознаю, что идеальный солдат, в полном смысле этого слова, в реальности не существует, и потому не собираюсь делать из вас идеальных солдат, а лишь хочу видеть вас прежде всего умелыми солдатами. «Умелый» в данном случае означает – способный выполнить поставленную задачу с помощью тех средств, которые имеются под рукой... не допуская при этом, чтобы обстоятельства взяли над ним верх, пока он стонет из-за отсутствия необходимого. Вы все потратили так много времени, сосредоточив свое внимание на собственных недостатках, что вам уже довольно трудно разглядеть свои возможности. Вот на это и будут направлены мои усилия в плане руководства.

Он вновь оглядел помещение все таким же пристальным взглядом.

– Меня зовут капитан Шутник, и я ваш новый командир. Ознакомившись с личными делами каждого и зная о вас достаточно много, я решил проявить некоторое снисхождение и сообщить вам кое-что о себе... хотя это и выходит за рамки традиционной секретности, принятой в Легионе. Мое настоящее имя Уиллард Шутт, а мой отец – владелец «Шутт-Пруфмьюншнз». И, как вы сами можете из этого заключить, я достаточно богат.

На этот раз среди собравшихся можно было заметить легкое возбуждение, но большинство продолжало спокойно внимать капитану.

– У некоторых из вас вызывает недовольство существующая в Легионе практика получения денег от продажи патентов на офицерский чин. Я не собираюсь извиняться за подобную систему или за то, что я воспользовался предоставляемым ею преимуществом. Например, в Британской империи торговля офицерскими чинами была какое-то время самым обычным делом, но при этом у них сохранились вполне боеспособные вооруженные силы. В те же давние времена появилась еще одна традиция, которую я тоже планирую взять на вооружение, и заключается она в том, что офицер поддерживает подчиненное ему подразделение за счет собственных средств. Я еще вернусь к этому через некоторое время, а сейчас прежде всего хочу прояснить одно обстоятельство. Свои деньги я получил не по наследству. Мой отец предоставлял мне кое-какие средства, но их можно было рассматривать лишь как некий заем, который должен быть возвращен. Когда мне не было и двадцати лет, я стал мультимиллионером, и это удалось мне за счет того, что я покупал компании и целые корпорации, считавшиеся убыточными, приводя их в конечном итоге к успеху. Приблизительно то же самое я хочу сделать и с вашим подразделением. С пользой использовать малоприспособный материал – одна из первейших задач управления, и если эта рота не сможет стать эффективным подразделением, в этом будет только моя вина, а не ваша.

А теперь насчет специальных технических средств...

Шутт поднял перед собой руку, а другой подтянул на ней рукав формы, чтобы все могли видеть закрепленное на запястье с помощью широкого кожаного ремня устройство, напоминавшее по виду часы.

– Подобное устройство будет вручено каждому из вас. Это переговорное устройство, которое может быть использовано либо как общая громкоговорящая система, либо как индивидуальное средство передачи сообщений. Оно позволит вам находиться в постоянной связи друг с другом и с командованием, а ему – с вами. Как вы уже заметили, у меня такое устройство есть. С его помощью я смогу связаться с любым из вас в любое время дня и ночи. Вполне понятно, что я, как и все, иногда сплю, а иногда занимаюсь неотложными делами. В это время мой номер может быть вызван только дежурным или моим дворецким. Тогда если будет действительно нужно, меня разбудят или найдут... но это только в крайне важных случаях.

Теперь о моем дворецке. Вы, возможно, уже слышали о нем или даже видели. Его зовут Бикер, и, кроме того что он мой слуга, он еще мой друг и доверенный человек. Я испытываю к нему глубокое уважение и буду очень признателен, если и вы все будете относиться к нему с соответствующей вежливостью, каковую он, несомненно, заслуживает. Я не могу и не хочу этого от вас требовать, я просто прошу вас об этом. Однако вы должны помнить, что он не состоит в Легионе и, следовательно, не входит в иерархию вашего начальства. Все, что он ни скажет, должно восприниматься лишь как его личное мнение, а не как приказ от моего имени или от имени Легиона. Но при этом, как вы будете иметь возможность убедиться, он весьма достойный человек и сохранит любую тайну, которой вы с ним поделитесь, так что можете чувствовать себя совершенно свободно в разговорах с ним или в его присутствии, не опасаясь, что обо всем сказанном будет тут же доложено мне или кому-то еще из командного состава. Если кто-то из вас считает, что его работа слуги умаляет его достоинство, то смею вас заверить, что за несколько лет исполнения обязанностей дворецкого он скопил достаточно средств, чтобы жить независимо и не знать нужды. Короче, это означает, что он работает на меня не из-за выгоды, а по собственному желанию.

Все это подводит нас к следующему моменту. Я не знаю, у кого из вас какие планы по поводу той жизни, что вас ждет после окончания контракта с Легионом, и удалось ли вам скопить хоть что-то от получаемого здесь жалованья. Я знаю только одно: если вы еще не готовились к этому, то вам следует об этом подумать. Да, вопрос о том, как управлять деньгами, –

один из хорошо знакомых мне вопросов, и, несомненно, я постараюсь применить это умение на пользу всей роты... точно так же, как я надеюсь на то, что многие из вас имеют желание использовать свою энергию и способности, с толком или без, на общую пользу. Я собираюсь создать здесь фонд ценных бумаг, чтобы дать возможность любому желающему из вас вложить туда часть собственных средств, которую он сможет выделить. До тех пор, пока я не получу каких-либо гарантий успеха, я не собираюсь браться за это дело. Лично мне кажется, что вполне разумным было бы использовать для этих целей около трети вашего жалования, но, как бы то ни было, вы сами должны будете определить как разумный размер вкладов, так и собственное участие в деле. Если кто-то имеет желание обсудить эти вопросы более подробно, не стесняйтесь, подходите ко мне во время перерывов в дежурстве или в свободное время.

Капитан в очередной раз окинул взглядом собравшихся.

– Но, пока есть много других нерешенных вопросов, с этим, разумеется, можно подождать. Я только хотел прояснить, кто я такой и что предполагаю сделать в этой роте. Однако пока что это всего лишь разговор, а я уверен, мои дела вас заинтересуют больше, нежели подобные разговоры, так что со временем я постараюсь свести их до минимума.

С офицерами и представителями кадрового состава я встречусь у себя в офисе сразу после того, как мы все здесь закончим. А теперь, пока мы не разошлись, есть ли какие-нибудь неотложные вопросы?

Среди легионеров возник легкий шум, а из задних рядов прозвучал отчетливый голос:

– Мы слышали, что губернатор решил поставить у себя охрану из «цветастых».

Командир вскинул голову:

– Я слышу об этом впервые, но обещаю, что завтрашний день начну с проверки этого факта. Однако, мне кажется, никакой проблемы здесь нет. Ну, будет небольшой приятный перерыв в дежурствах на болотах...

– М-м-м... прошу прощения, сэр, но могу я сказать? – по привычке растягивая слова, заговорила Бренди. – Мне кажется, вы не совсем поняли ситуацию. Ходят сплетни, что он пригласил регулярную армию специально для этого дежурства, вместо того чтобы использовать нашу роту. Они только и делают, что разгуливают по городу, пуская пыль в глаза своей нарядной формой, а мы как обычно... продолжаем сидеть на болотах.

Поднялся негромкий гул голосов. Шутт заметил это, и его губы вытянулись в узкую линию, что было признаком раздражения.

– Мы еще поговорим на эту тему, – мрачно сказал он. – Договорились? Есть еще что-нибудь неотложное?

Он подождал некоторое время, затем кивнул, принимая установившуюся тишину за ответ.

– Очень хорошо. И последнее, что я хотел сказать. Вы все должны собрать свои вещи и завтра с утра быть готовыми к переезду. Мы ненадолго оставим казармы.

Это заявление было встречено раскатами протестов. Все выглядело так, будто командир собирался перевести легионеров в полевой лагерь, чтобы определить степень их подготовки.

– Но почему? Вы собираетесь проводить дезинфекцию в помещениях?

Шутт, казалось, не замечал шуток, раздававшихся в ответ на беспорядочные выкрики.

– Нет, я собираюсь провести переустройство помещений, занимаемых ротой, – слегка небрежно заметил он. – Ну, а мы все тем временем перекантуемся в городе, в отеле «Плаза».

После этих слов все замолчали, словно пораженные громом. «Плаза» был самый шикарный отель на всей планете. Крайне редкие попытки легионеров зайти в коктейль-бар отеля за выпивкой заканчивалась обычно тем, что они поспешно выкатывались оттуда, подгоняемые уровнем цен и требованиями к внешнему виду.

Только сейчас, в первый раз с тех пор как он вошел в эту комнату, Шутт позволил себе слегка улыбнуться.

– Как я уже сказал вам, джентльмены... и леди... с этого момента все у нас пойдет по-другому. Офицеры и кадровый руководящий состав – прошу ко мне в офис. Прямо сейчас!

Глава 3

Дневник, запись № 014

Следуя кодексу чести, сложившемуся в Космическом Легионе, мой шеф не имел и даже не пытался получить никакой информации о «предлегионной» жизни всех тех, кто служил теперь под его началом. Но я, не входя в состав Легиона, не чувствовал, однако, никакой необходимости придерживаться подобного правила, и поэтому составлял подробные досье на всех тех, кто мог бы в обозримом будущем повлиять тем или иным образом на жизнь и благополучие моего шефа, а следовательно, и на мое тоже.

По большей части эта работа не представляла особой сложности. Обычная рутина поиска с помощью компьютера всей информации о данном лице, имеющейся в распоряжении полиции, причем в большинстве случаев поиск можно было упростить, ограничиваясь сведениями о легионере на момент его вступления в Легион. Были, разумеется и такие случаи, когда требовался более широкий поиск, а иногда я был вынужден прибегать к экстраполяции и рассуждениям. Например, в случае с двумя лейтенантами, которых мой шеф получил в наследство вместе с ротой.

– Добрый вечер, лейтенант Армстронг... лейтенант Рембрандт. Пожалуйста, садитесь.

Шутт совершенно намеренно устроил себе очень маленький офис и придал ему как можно более спартанский вид. Он придерживался убеждения, что многолюдные встречи бывают, как правило, бесполезны, за исключением, пожалуй, случаев, когда необходимо сделать общее объявление. Поэтому в приемной стояли только два стула для посетителей. Рембрандт кивнула в знак благодарности и направилась к одному из них. Она была среднего роста, но казалась маленькой рядом с лейтенантом Армстронгом, рост которого составлял шесть футов. У нее были темные волосы, округлое лицо и фигура с чересчур раздавшейся нижней частью, весьма далекая от какого-либо изящества.

– Благодарю вас, сэр. Я предпочитаю стоять.

Это рявкнул в ответ на приглашение сесть Армстронг, являвший собой точную копию рекламы для новобранцев, особенно если принять во внимание его манеру принимать парадную стойку. А рявкнул он в тот самый момент, когда его коллега начала опускать свой зад на выбранный стул. Это обстоятельство заставило лейтенанта Рембрандт изменить свой маневр, с тем чтобы встать рядом с Армстронгом, приняв позу, отдаленно напоминавшую его собственную. По ее гримасе и его ухмылке для Шутта стало вполне очевидно, что это маленькое представление, имевшее целью поставить соперника в невыгодное положение, разыгрывалось ими далеко не в первый раз.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я постараюсь быть кратким. Очевидно, с вами двумя мне придется быть более откровенным, возможно, вплоть до грубости, нежели с кем-либо еще из состава роты... за исключением меня самого. Быть офицером – это нечто большее, чем, воспользовавшись возможностью, оплатить вступительный экзамен. Как я уже сказал на общем собрании, эта рота нуждается в руководстве, и если мы собираемся вдохнуть в легионеров новую жизнь и действительно руководить ими, то всегда и во всем должны хоть на шаг идти впереди всех. Вы двое становитесь при этом моими дублерами во всех тех случаях, когда я занят или отсутствую, но я буду присматривать за вами, пока вы не усвоите мои воззрения и стиль работы, лени я не потерплю. Но еще больше, чем лень, я не терплю беспечности. Поэтому хочу, чтобы вы двое все время старались думать и анализировать происходящее. Например... лейтенант Армстронг.

– Да, сэр?

– По количеству написанных вами рапортов, а также по манере изложения, вы, похоже, относите себя к сторонникам дисциплины... скажем, к блюстителям порядка. Правильно?

Показная уверенность Армстронга начала буквально таять на глазах.

– Я... то есть... – заговорил он, запинаясь на каждом слове, совершенно не представляя, какой именно ответ от него ожидают.

– Да?

– Да, сэр.

– Ну, хорошо. – Капитан улыбнулся. – Тогда рассмотрим вот что... Чисто теоретически, что лучше подходит для солдата: воспитание с помощью приказа или примером?

– Примером, сэр, – быстро и четко ответил Армстронг, вновь обретая под ногами твердую почву.

– Тогда почему же вы этого не делаете?

Лейтенант, попавший под неожиданный обстрел, нахмурился и первый раз с начала разговора отвел в сторону глаза, которые до этого смотрели прямо на командира.

– Я... я не совсем понимаю, сэр, – сказал он. – Я стараюсь вести себя примерно, и... я думал... я стараюсь быть лучшим легионером в нашей роте.

– Да, у вас есть для этого все данные, – высказал осторожное предположение Шутт, – но мне кажется, что вы проглядели один существенный момент. Большинство людей не испытывают восторга при встрече с закомплексованным, властным формалистом... которого, к сожалению, у вас есть склонность изображать. Ваши манеры, это, несомненно, то, что отталкивает их от соответствующего армейского поведения, потому что никто не хочет походить на вас.

Армстронг открыл было для возражения рот, но командир резким движением остановил его.

– Нет, я не собираюсь дальше обсуждать это, Армстронг. Я хочу, чтобы вы над этим подумали. А затем, возможно, мы поговорим и о деталях. Если вам удастся смягчить свои грубоватые манеры, добавив в них долю участия, и показать, что любой негодный солдат для вас прежде всего человек, тогда ваши подчиненные последуют за вами куда угодно, по своей собственной воле, а не потому, что им это приказано.

Лейтенант сфокусировал свой взгляд на капитане и коротко кивнул, как бы подтверждая тот факт, что слова Шутта дошли до него.

– А что касается вас, лейтенант Рембрандт, – продолжил командир, поворачиваясь на стуле лицом ко второму своему помощнику, – создается впечатление, что вы не хотите и не допускаете, чтобы к вам относились как к примеру для подражания.

Лейтенант заморгала, удивленно глядя на него из-под темных локонов. Она не сделала попытки имитировать отсутствующий взгляд лейтенанта Армстронга, а когда Шутт продолжил, посмотрела ему прямо в глаза.

– Из ваших докладных может сложиться впечатление, что вы позволяете командовать ротой сержантам, в то время как сами исчезаете со своим блокнотом в поисках объектов, с которых делаете наброски и зарисовки. – Он помолчал, уныло покачивая головой. – Так вот, я сам поклонник искусств, лейтенант Рембрандт, и не собираюсь преследовать вас за это занятие в свободное от дежурства время. Вполне возможно, что я даже помогу вам устроить выставку, когда ваша служба в Легионе подойдет к завершению. Однако во время дежурства я ожидаю от вас полного внимания ко всему, что происходит в роте. Сержанты могут превосходно знать свое дело и даже думать, что именно они-то и управляют ротой, но их кругозор замыкается лишь на конкретной текущей работе, а уж никак не на перспективах. Работа, охватывающая перспективу, должна выполняться вами, Армстронгом и мной, и если мы с ней не справимся, то нашей роте не выбраться из дерьма. А справиться мы с ней сможем, только если будем знать все о возможностях как каждого легионера, так и отдельных подразделений роты. Итак, мы

трое будем встречаться каждую неделю, если не каждый день, чтобы обсуждать и солдат, и роту в целом, и я надеюсь, что вы будете принимать в этом самое деятельное участие. Я объяснил все достаточно ясно?

– Я... я буду стараться, капитан.

– Хорошо. Если люди стараются, значит, с ними еще можно работать. Это в равной мере касается и вас, Армстронг. Мы должны превратиться в глаза и мозг роты, а это означает, что нам следует действовать как единой группой внутри отряда. Это совсем как...

Он уставил палец в пространство между двумя лейтенантами и слегка повертел им в воздухе.

– И я не хочу в дальнейшем наблюдать вот эти маленькие игры, в которые вы играли передо мной, чтобы показать, кто лучший солдат. Так вот, вы двое по сути партнеры, и ваша первейшая задача – научиться проявлять терпимость к тому, в чем вы разнитесь. Мне думается, что существующие между вами разногласия должны смягчиться взаимным расположением, особенно если каждый из вас научится полагаться на другого, вместо того чтобы давать волю слепой зависти. Я не говорю пока об уважении, хотя надеюсь, что со временем придет и это. Для начала вполне достаточно представить себе, что вы вдвоем несете одно полное ведро, держа его с разных сторон, и вам необходимо научиться двигаться согласованно, чтобы не расплескивать содержимое.

Командир откинулся на спинку стула и сделал жест рукой, будто собираясь выстрелить из пальца.

– А сейчас, как мне кажется, вы выйдете отсюда и, уединившись в укромном местечке, выпьете либо по чашке кофе, либо чего-то еще, а затем начнете подводить итоги всему услышанному...

Он позволил слабой улыбке пробежать по своему лицу.

– ...оставив в стороне убеждение, что ваш новый командир – несправедливый и нерассудительный сукин сын.

Искрима, сержант, заведующий довольствием, был невысокий жилистый мужчина со смуглой кожей и вьющимися черными волосами. Его темные глаза были посажены довольно широко, а морщинистое, напоминавшее грецкий орех лицо почти всегда излучало сияющую улыбку. Вот это самое «почти» и делало его заслуживающим особого внимания.

Шутт ответил на приветствие сержанта преувеличенно любезно и некоторое время изучал его, прежде чем начать разговор.

– Без всякого намерения нарушить существующий порядок, который запрещает проявлять интерес к прошлому любого легионера, сержант, буду ли я прав, если, основываясь только на вашем имени, предположу, что ваши предки были филиппинцами?

Маленький сержант слегка кивнул в знак согласия, но на этот раз улыбка не пробежала по его лицу.

– Мне приходилось слышать, что филиппинцы – лучшие повара и одни из самых свирепых бойцов на всей старушке Земле.

На этом командир заработал скромное движение плеч, хотя теперь была заметна и намечавшаяся улыбка.

– Тогда, может быть, вы скажете мне, почему еда в нашей столовой не становится с каждым разом все лучше?

Шутт очень тщательно подбирал эту фразу. Согласно информации, почерпнутой из личного дела, сержант Искрима нападал на людей, пытавшихся критиковать его стряпню, и в двух случаях из трех это заканчивалось их госпитализацией. К тому же очень важно было сказать именно то, что еда могла бы быть лучше, а уж никак не то, что она просто была хуже некуда.

Но даже и при таких мерах предосторожности темные глаза на какой-то миг заблестели. Затем этот возбужденный взгляд погас, и сержант в очередной раз пожал плечами.

– М-м-м-м... меню мне устанавливает Легион. Мне указывают... Мне говорят, что я должен готовить то, что полагается. А мясо, которое мне дают... да это же просто, откровенно говоря, жилы... и кости. Я говорю заведующему снабжением сержанту, я спрашиваю его: «Как я могу приготовить это мясо? Посмотри на него! Покажи мне, как!» Но он только пожимает плечами и говорит: «Это все, что может позволить бюджет Легиона. Остальное зависит от тебя». Вот я и стараюсь изо всех сил, готовлю из того мяса, которое он мне дает... и согласно меню, которое определяет Легион... но...

Сержант, замолчал, дополнив свою речь еще более заметным движением плеч и многозначительным кивком головы в сторону Шутта.

– Понятно. Хорошо, забудем о бюджете... а заодно и о меню. Я хочу, чтобы рота питалась хорошо, – а ведь мы не платим им достаточно для того, чтобы они могли питаться сами. Поэтому, пока я командир, а ты повар, я хочу, чтобы наша рота была самой лучшей по питанию ротой во всем Легионе.

Искрима коротко дернул головой в знак полного согласия.

– Хорошо, – коротко произнес он. – Давно пора бы.

– Тогда я буду считать это дело улаженным. – Командир кивнул, ставя в своем блокноте галочку у очередного пункта. – На сегодня мы закончили, сержант.

Вновь маленький сержант чересчур старательно отдал ему честь, и когда Шутт начал было ответное движение, ему в голову пришла новая мысль.

– Да... вот еще сержант. Прав ли я, предполагая, что вы не позаимствовали бы себе это имя, Искрима, имеющее отношение к одной из форм филиппинской борьбы, а точнее к бою на палках, если бы сами не были мастером этого искусства?

И вновь последовали скромная улыбка и быстрое движение плеч.

– Тогда я считал бы признаком вашего личного расположения, если бы вы согласились научить этому искусству всех желающих в нашей роте, включая и меня. Я не так много об этом знаю, но если с помощью палок удалось в свое время разделаться с Магелланом и его вооруженными до зубов головорезами, эта борьба вполне заслуживает изучения.

* * *

– Прошу садиться, сержант... Шоколадный Гарри, если не ошибаюсь?

– Просто Гарри, так будет вернее, капитан, – сказал сержант, осторожно опуская свою огромную тушу на предложенный стул, – Ш. Г. – это только для моих друзей.

– Хорошо. Давайте все же будем использовать короткое имя, Ш. Г., – кивнул ему Шутт, что-то записывая в своем блокноте, – поскольку, думаю, через пару месяцев мы станем друзьями.

– И как вам удалось вычислить это прямо сейчас? – Сержант нахмурился, охваченный подозрением. – Не обижайтесь, сэр, но на моей памяти офицеры никогда не поддерживали дружбы с людьми, подобными мне.

– Весьма прискорбно. Впрочем, я сам себя немного опережаю, – с отсутствующим видом заметил командир, просматривая свои записи. – Однако из вашего заявления можно предположить, что вы человек нечистый на руку и недобросовестный, во всяком случае, мне так показалось.

Сержант-снабженец прищурил глаза, и это было единственным изменением на его лице, ставшим заметным, когда он откинулся назад.

– А знаете, капитан, это замечание граничит по меньшей мере с расизмом. Уж не хотите ли вы этим сказать, что, по-вашему, все цветные – законченные воры?

Как можно было догадаться по имени, Шоколадный Гарри был негром, правда его кожа имела скорее светло-коричневый оттенок, чем густо-черный, обычно ассоциируемый с его

расой. К тому же он был еще и волосат, хотя выражалось это лишь наличием густой щетинистой бороды, компенсировавшей его короткую стрижку. Очки с толстыми темными стеклами, задвинутые на лоб, дополняли картину, которую он являл собой, когда разглядывал своего командира с хмурым видом, который при более мелкой фигуре казался бы по меньшей мере мелодраматическим.

– Хм-м-м? – произнес Шутт, наконец оторвавшись от своих заметок и поднимая взгляд. – О, конечно, нет, Ш. Г. Я основываю свое предположение на том простом факте, указанном в вашем деле, что ваш общий интеллект гораздо выше среднего. Мое рассуждение проистекает из того, что, имея даже половину ваших мозгов, любой, кто занимался бы снабжением этого отряда, вполне мог бы удвоить свое жалование, приторговывая на черном рынке. Если я не прав, то вы, разумеется, можете получить мои извинения.

Гарри широко улыбнулся:

– Спасибо, кэп. Извинение от офицера такой служака, как я, получает не каждый день.

– Позвольте, сержант, – перебил его командир, возвращая ему улыбку зуб в зуб, – но я сказал: «Если я не прав». А для того чтобы я считал такое извинение необходимым, мне надо будет попросить вас подождать здесь, пока не конфискуют ваши учетные документы и не опечатывают склад, и уж потом инвентаризация и аудиторская проверка покажут, ошибаюсь я или нет.

Улыбка исчезла с лица сержанта будтомышь, заметившая кошку, а сам он нервно облизнул губы, в то время как взгляд его метался между дверью и командиром.

– В этом... в этом нет необходимости, капитан, – сказал он очень осторожно. – Я хочу заметить, но разумеется, только между нами, что, конечно, может быть обнаружено по нескольким позициям общего списка снаряжения, ну скажем так, затерялось кое-что за последние несколько месяцев. Если хотите, я могу посмотреть, нельзя ли отыскать пропавшую технику за пару недель.

– Это совсем не то, что я имею в виду, Ш. Г., – заметил Шутт, улыбаясь.

– Хорошо, тогда иначе. – Гарри заговорщицки пригнулся, наклоняясь на стуле вперед. – Я предполагаю, что мы сможем выработать в некотором роде взаимовыгодное соглашение...

Командир резко рассмеялся, обрывая сержанта.

– Извините меня, Гарри, но, похоже, у вас какое-то неправильное представление о происходящем. Я ни в коем случае не собираюсь вытряхнуть вас с вашего места. Уж чего я хочу, так это как раз противоположного. Я хочу, чтобы вы расширили свою деятельность, и думаю, что смогу вам в этом помочь. Вы можете прямо сейчас начать очистку своего склада от большинства скопившихся там запасов.

Сержант-снабженец нахмурился:

– Почему вы так считаете, капитан? Я хочу сказать, что я, конечно, обязательно так и сделаю, но мне кажется, что если мы сейчас освободимся от всего снаряжения, то кое-кто может это заметить. Как вы думаете скрыть тот факт, что я сижу на пустом складе?

– Прежде всего мы не собираемся ничего скрывать. – Шутт усмехнулся. – Мы будем делать это строго по уставу... особенно упирая на раздел 954, параграф 27, который гласит: «Сержант, ведающий снабжением, может избавиться от любых излишков или устаревшего имущества путем уничтожения или продажи последнего»... и на раздел 987, параграф 8: «Командующий офицер должен определить тип снаряжения, имеющегося в его подразделении, которое требует замены или продажи как устаревшего, или, если оно признано негодным, отправки на слом». Сейчас, на мой взгляд, основная масса нашего снаряжения более пригодна для музея, чем для действующей боевой части, так что я считаю, твоя работа полезна не только для тебя.

Гарри кивнул:

– Звучит очень приятно. Я бы даже сказал «сладко»... но есть одна деталь. Как же я останусь при пустом складе?

– Нет, вовсе не при пустом. Я думаю, ты заполнишь его тем снаряжением, которое появится здесь через несколько недель и которого будет значительно больше, чем сможет вместить освободившееся пространство. Как я уже говорил на встрече с ротой, я буду пользоваться правом повышения качества нашего снаряжения... за свой счет, разумеется.

– Разумеется, – как эхо повторил сержант, откидываясь назад, чтобы рассмотреть командира полуприщуренными глазами. – Но тогда возникает новый вопрос, капитан. Я-то вам зачем, если вы так богаты, как говорите? Я имею в виду, что раз вы можете купить все это снаряжение, то зачем дурачить окружающих, получая деньги за распродаваемые мной излишки?

Шутт глубоко вздохнул, будто терял терпение, убеждая несговорчивого ребенка.

– Ш. Г., мы оба знаем, что есть вещи, которые просто так не купишь. Я имею в виду, что мои деньги и методы могут быть очень хороши для обычного снаряжения, но уверен, время от времени нам будут нужны некоторые предметы, купить которые можно только на черном рынке. Так вот, я рассчитываю на то, что ты будешь той ниточкой, которая свяжет нас с подпольной торговой сетью, а в качестве пропуски используешь продажу нашего устаревшего снаряжения. Уловил направление?

– Абсолютно отчетливо, капитан, – сказал Гарри, и его лицо расплылось в широкой усмешке. – Вы знаете, раньше я никогда не произносил слово «брат» по отношению к белым, но вы можете составить исключение.

– Боюсь, что предпочту пока относиться просто к разряду «хороших парней», – резко поправил его Шутт. – Видишь ли, Ш. Г., есть несколько правил, определяющих эту игру, моих правил, а не Легиона.

– Ого. Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Прежде всего, – продолжал командир, не обращая внимания на театральные замечания сержанта, – я не хочу, чтобы твои действия могли в конечном итоге как-то нанести нам вред. Например, имея дело с нашим автоматическим оружием, ты должен понимать, что, если вынешь из него переключатель на автоматическую стрельбу, это не означает, что на следующей неделе ты можешь открывать продажу этих переключателей. Наше снаряжение, возможно, и устарело, но там есть масса вещей, от которых я бы не торопился избавляться, дабы не позволить кому-то использовать его против нас... или даже против местной полиции. Очень трудно будет играть невинных голубков, если на всей планете мы единственные обладатели современного автоматического оружия. И вдвойне справедливо это будет для того нового вооружения, которое мы получим, такого как наручные средства индивидуальной связи. Я полагаю, ты можешь спустить несколько обычных систем ради установления нужных контактов, но специальные ротные средства трогать не стоит. Я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме нас, мог прослушивать частные каналы связи. Кстати, раз уж об этом зашла речь, если ты немного подумаешь, то, конечно, согласишься, что в твоих же собственных интересах исключить возможность постороннего прослушивания наших с тобой личных переговоров.

Сержант-снабженец поморщился:

– Наверное, вы правы, но это ограничивает мне свободу маневра.

– Правило номер два: деньги от всех продаж должны поступать на счет роты. И еще: у меня не вызовет беспокойства, если ты будешь снимать небольшой навар с этих операций, чтобы чуть-чуть компенсировать собственные неудобства... на самом деле я это вполне приемлю и сочту просто честной наградой за трату личного времени в интересах всей роты. Просто помни об этом и делай привычную работу, как врач – строго по рецепту, и ты никогда не услышишь от меня никаких порицаний. При этом не забывай, что я имею полное представление о том, как идут дела на рынке, даже на черном. Если мне покажется, что ты берешь больше, чем положено, я просто отстраню тебя от всего этого.

– Отстраните, капитан? – Гарри был готов заявить протест. – Мое сердце не разорвется, если вы отправите меня с этой планеты, вы сами об этом знаете.

– Я не имею в виду перевод. – По лицу Шутта скользнула улыбка. – Я отстраню тебя от твоих упражнений. Видишь ли, Ш. Г., сейчас ты всего лишь обманщик и мелкий жулик. Оставайся со мной, играй по моим правилам, и я научу тебя играть в большую игру и покажу, как можно составить некоторый финансовый капитал, в котором ты будешь нуждаться после того, как твоя служба закончится. Договорились?

– Садись, Бренди, – сказал командир, указывая старшему сержанту на стулья для гостей. – Очень жаль, что пришлось продержать тебя в ожидании столько времени, но по самым разным причинам я хотел оставить разговор с тобой на самый конец.

– Ничего страшного, сэр. – Она пожала плечами и опустилась на указанное место. – Если я чему-то и научилась в армии, так это умению ждать офицеров.

Шутт пропустил эту колкость мимо ушей.

– Принимая во внимание, что уже поздно, а также нашу общую усталость, я постараюсь быть как можно более кратким и сразу перейду к делу. – Он откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки, будто обхватывая себя. – Скажи мне, Бренди, какая, по твоему мнению, самая большая задача стоит передо мной в этой роте?

У старшего сержанта округлились глаза, она подняла брови и, поджав губы, тихонько свистнула.

– Трудный вопрос, – сказала она, чуть меняя позу. – Даже не знаю, с чего и начать. Если хорошенько подумать, вам ни к чему, чтобы я перемывала косточки всем в этой роте, но если речь идет о чем-то существенном...

Ее голос менялся в такт с покачиваниями головы.

– На мой взгляд, есть одна проблема, которая стоит особняком и маячит, словно сигнальный фонарь, – жестко произнес Шутт. – Фактически единственная, и я пока не знаю, как с ней справиться.

– И что же это такое, сэр?

– Ты.

Бренди откинула голову и нахмурилась.

– Я, сэр?

– Вот именно. Только не пойми меня превратно. Ты в полном порядке, Бренди... голова, плечи и талия самые лучшие из всех, что достались мне в этом унаследованном персонале. Из твоего личного дела и из моих собственных наблюдений за последнюю неделю следует, что ты прекрасный лидер, почти такой же, а может быть, даже и лучший, чем я сам.

Тут командир слегка покачал головой:

– Проблема в том, что ты циник. Если бы в тот момент, когда братья Райт создали свой первый самолет, ты оказалась рядом, все, что ты изрекла бы по поводу их стараний, звучало бы примерно так: «Он никогда не полетит». Затем, когда он пронесся над головами собравшихся зрителей, твоим единственным комментарием было бы: «Они никогда не посадят его на землю!»

Едва заметная, призрачная улыбка тронула лицо старшего сержанта.

– Уж такая я есть, капитан, – призналась она.

Улыбка была ей возвращена.

– Вот это и есть тот самый вопрос, который я не могу оставить в этой роте нерешенным. Я намерен все здесь изменить и хочу начать с того, чтобы каждый легионер, он или она, находящийся под моим командованием, сформировал о себе самом гораздо лучшее мнение, чем это есть сейчас. Я не смогу сделать это, если главный лидер личного состава, состоящего из добровольцев, позволяет им сжиться с мыслью, что все они дерьмо и ничем другим быть не могут. Я готов воевать на два фронта: со штаб-квартирой и самими легионерами. Но не в состоянии открывать еще и третий фронт, сражаясь с тобой.

Старший сержант совершенно спокойно продолжала смотреть на него.

– Речь идет о моей отправке отсюда, сэр?

Шутт поморщился:

– Должен признать, что такая возможность промелькнула у меня в голове... и ты действительно единственная во всей роте, в отношении кого я совершенно серьезно подумывал об отправке. Хотя лично мне это не нравится. Это слишком просто – уйти без всякой попытки что-то сделать. Я восхищен, Бренди, твоими способностями и энергией прирожденного лидера. И все-таки надеюсь, что мы сможем работать вместе. Именно работать друг с другом, *бок о бок*, а не быть в оппозиции. Это единственный путь, который я вижу, хотя он и требует больших перемен, в основном – с твоей стороны.

Прежде чем ответить, Бренди задумчиво помолчала, прикусив губу.

– Чтобы быть до конца честной с вами, сэр, должна сказать, что я не уверена, смогу ли измениться, даже если бы и захотела этого. Старые привычки очень трудно ломать, а я слишком долго им потворствовала.

– Сейчас мне не требуются гарантии, – торопливо и искренне продолжил командир. – Пока что вполне достаточно просто желания попытаться исправиться. Я не люблю играть роль психолога-любителя, но... хорошо, сущность большинства циников, с которыми мне приходилось иметь дело в прошлом, можно выразить одной лишь фразой: «Кого это волнует?» Но на самом-то деле кое-что, хоть и небольшое, все-таки их волновало. Возможно, когда-то они были кем-то сильно обижены, так сильно, что больше и не пытались избавиться от страха перед возможностью нового унижения. Я не знаю, относится ли это к твоему случаю, да на самом деле это и не важно. Все, о чем я прошу, это сделать попытку, прежде чем поставить на этом крест, другими словами, дать шанс. Дать шанс легионерам... дать шанс мне.

Некоторое время в комнате висела тишина, пока двое находившихся там людей продолжали чувствовать неловкость после неожиданно откровенного разговора. Первым попытался рассеять напряжение Шутт.

– Ну, хорошо, обдумайте это, старший сержант. Если же, в конце концов, окажется, что это дело не стоит даже и попытки, дайте мне знать, и я позабочусь о вашем переводе.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Бренди, поднимаясь и отдавая честь. – Я подумую об этом.

– И еще, Бренди...

– Да, сэр?

– Подумай о том, чтобы дать шанс и самой себе тоже.

– Сэр?

Шутт разлепил веки, чтобы глянуть на дворецкого, стоявшего в дверях его кабинета.

– Да, Бикер?

– Извините за вторжение, сэр, но... я по поводу намеченной на завтра передислокации...

Ну, я просто подумал, сэр, что вам следовало бы попытаться хоть несколько часов поспать.

Командир встал, зевая, потягиваясь и расправляя затекшие конечности.

– Как всегда, ты прав, Бикер. Что бы я без тебя делал?

– Не могу даже вообразить, сэр. Встреча прошла хорошо?

Шутт пожал плечами:

– Не так хорошо, как я надеялся... но лучше, чем опасался. Хотя было несколько моментов... Эта Бренди, старший сержант, даже отдала мне честь, прежде чем уйти.

– Это само по себе можно посчитать за достижение, сэр, – заметил Бикер, осторожно выглядывая из дверного проема.

– И Рембрандт, лейтенант, которая хочет стать художником, после моего разговора с ней и с Армстронгом, уходя, спросила, не хочу ли я позировать ей. Я подумал, что речь идет о портрете... но потом был буквально поражен, когда понял, что она хотела поработать с обнаженной натурой.

– Понятно. Вы допускаете возможность этого?

– Я сказал ей, что подумаю. Как-никак, а это льстит, если учесть количество объектов, из которых она могла делать выбор. Между прочим, это может оказаться широким жестом – помочь ей в ее карьере живописца...

Я и на самом деле не думал, что мое положение обязывает меня в данном случае проинформировать моего шефа... Хотя скорее у меня не хватило мужества сказать ему, поэтому я и оставил это до тех пор, пока он сам все не узнает. Дело в том, что я уже имел возможность ознакомиться с работами лейтенанта Рембрандт: две законченные картины и находящиеся в работе наброски. Вне всяких сомнений, она посвятила себя пейзажам – во всяком случае, пока.

Глава 4

Дневник, запись № 019

Переселение роты в целях перестройки ее старых казарм было сложнейшим предприятием. Для самих легионеров такой переезд трудностей не представлял, поскольку их личный багаж был невелик. Однако упаковка и консервирование снаряжения, принадлежащего роте в целом, особенно такого, как кухня, оказалось долгим делом, несмотря на то что в этом участвовал почти весь личный состав. Поэтому получилось так, что реально мы смогли двинуться только во второй половине дня.

Желая произвести впечатление как на роту, так и на всю колонию, мой шеф отказался от того, чтобы, как обычно, перевозить легионеров на грузовиках, на каких перевозят скот (хотя после того, как мне довелось понаблюдать за их обедом, я был склонен к несколько иной оценке этой сложившейся практики), и нанял для этой цели небольшую флотилию лимузинов, которые плыли по воздуху, словно парящие птицы. Прежде чем читатель воспримет этот факт как чересчур экстравагантный жест, я поспешу отметить, что мой шеф не был скупым по натуре, особенно когда следовало произвести впечатление.

Во время всего путешествия казалось, что легионеры пребывали в необычайно приподнятом настроении, развлекаясь, словно школьники на загородной прогулке, и разыгрывая друг друга с помощью только что обретенных средств индивидуальной связи. Те, что ехали рядом со мной, однако, воспользовались возможностью проверить заявление, которое сделал мой шеф прошлым вечером, – относительно того, что они могут говорить со мной совершенно откровенно.

– Прошу прощения, мистер Бикер...

Дворецкий оторвался от экрана компьютера, чтобы взглянуть на обратившегося к нему легионера, в глазах которого не было заметно ни теплоты, ни враждебности.

– Просто Бик, этого вполне достаточно, сэр. Не надо никаких титулов.

– Да, конечно... Я только хотел узнать... Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о нашем новом командире? Мы слышали, вы уже довольно долго с ним.

– Ни в коем случае не буду этого отрицать, сэр, – ответил Бикер, складывая экран и убирая компьютер в карман. – Разумеется, вы должны понимать, что мои отношения с шефом носят сугубо конфиденциальный характер, и потому все, что я волен рассказывать в подобных случаях, не более, чем просто мое собственное мнение.

– Рассказывать что?

– Он говорит, – включилась в разговор Бренди, сидевшая на другой стороне лимузина, а вслед за ней и остальные, подстегиваемые интересом, перестали смотреть в окно и начали прислушиваться, – что не собирается разбалтывать какие-либо секреты или подробности, а расскажет только, что сам обо всем этом думает.

– Ну, хорошо.

– Но тем не менее, с вашего позволения, должен отметить, что вы можете быть абсолютно уверены, что к любому разговору между нами, сейчас или в будущем, я буду относиться в равной мере конфиденциально.

Тут легионеры повернулись к Бренди, ожидая от нее толкования.

– Он имеет в виду, что не будет болтать о том, что вы ему расскажете.

– Хорошо. Тогда... мистер... Все, что мне хотелось бы знать, Бикер, действительно ли он деловой парень. Я имею в виду, говорит он очень хорошо, но сколько в его словах просто выпущенного пара? И, проще говоря... я хочу, чтобы ты попробовал рассказать об этом доступными для нас словами, без перевода.

– Понимаю, – ответил Бикер, задумчиво постукивая пальцем по колену. – Если я вас правильно понял, вы интересуетесь, можно ли доверять моему хозяину... вашему командиру. Насколько мне известно, он всегда был предельно добросовестным, извините, я поправлюсь, *до болезненного честным*, во всех своих предприятиях, как деловых, так и личных. А что касается его надежности... ну, я не думаю, что нарушу какую-нибудь тайну, если скажу коротко то, что может заметить даже самый случайный наблюдатель: он опасно неуравновешен.

Казалось, все присутствующие легионеры на какой-то момент были шокированы этим заявлением дворецкого, так что возникла пауза, заполненная тишиной. Первым, кто обрел дар речи, была старший сержант.

– Что значит «неуравновешен», Бикер? Ты хочешь сказать, что капитан немного не в себе?

– О, как раз нет. Я не имел в виду, что он опасно безумен или что-нибудь в этом роде, – поспешно поправил себя дворецкий. – Возможно, что в своих попытках упростить объяснение я выбрал не совсем удачное слово. Мой шеф неуравновешен лишь в том смысле, в каком считаются неуравновешенными большинство деловых мужчин и женщин, а именно в том, что имеет склонность к навязчивым идеям. Эта его черта никак не позволяет судить о том, насколько его работа соответствует его жизни. Его работа и *есть* его жизнь, и он рассматривает все окружающее нас в этой вселенной именно с такой точки зрения. Вот эта рота легионеров сейчас его самое любимое детище, и вся его энергия и все возможности концентрируются на развитии и продвижении ее вперед. Говоря откровенно, я убежден, что вам всем просто повезло, что вы оказались в нужный момент в сфере его сегодняшних интересов. Мой же опыт подсказывает мне, что он, когда всерьез берется за дело, очень редко, если это вообще случается, терпит неудачи.

– Извини, Бикер, – растягивая слова, вновь заговорила Бренди, – но я не могу удержаться, чтобы не отметить намеренность твоего выражения «его *сегодняшних* интересов». А что же случится с нами, если он окажется увлечен какой-нибудь новой блестящей игрушкой?

– О, я очень сомневаюсь, что это произойдет. Он проявляет удивительное упорство в достижении цели. Если, конечно, не...

Бикер оборвал фразу на полуслове.

– Если что не?..

– Ну, хорошо... ваш командир обладает почти неограниченной энергией и способностью идти вперед, увлекая за собой даже тех, кто предпочитает быть абсолютно пассивным к его планам и начинаниям. Отбить у него охоту, а я думаю, это единственная причина, по которой он может отказаться от своего начинания, могло бы лишь активное крупномасштабное сопротивление переменам внутри самой роты. Именно вы, легионеры, можете стать несокрушимой преградой в его попытках изменить ваш теперешний облик, как общий, так и каждого в отдельности.

– Я не могу с этим согласиться.

– Он считает, что мы должны дойти до максимального обострения отношений, прежде чем командир будет вынужден от нас отказаться. Разве это не так, Бренди?

– Гм-м-м? Да, верно. Пусть это тебя не волнует, Бикер. Сейчас мы, возможно, и не подарок судьбы, но собираемся по крайней мере попытаться поддержать намерение твоего парня... и каждый, кто воспротивится этому, будет иметь дело лично со мной.

В оживленной беседе, которая последовала вслед за этим, никто и не заметил, что дворецкий тихонько посмеивался.

Отелю «Плаза» хоть и приходилось мириться с высокомерием своих новых, более современных собратьев, но он знал и лучшие дни, а в его апартаментах все еще поддерживалась атмосфера одинокого достоинства и чопорной элегантности. Фонтан, располагавшийся в небольшом парке перед отелем, украшали, как и большинство других общественных мест, многочисленные надписи, оставленные бесконечной чередой юных террористов, а сам парк уже долгое время почти никем не посещался, за исключением уличных мальчишек, использующих дорожки и скамейки исключительно для того, чтобы днем носиться по ним с головокружительной скоростью на планирующих досках, а ночью заниматься урегулированием территориальных споров, но при этом создавалось впечатление, что отель совершенно игнорировал все происходящее вокруг, словно отчаявшаяся мать семерых детей в период летних каникул.

Однако это шаткое равновесие было нарушено, как только первый парящий лимузин приземлился прямо перед отелем на отведенной для этих целей стоянке и начал освобождаться от своего груза, который составляли legionеры и их багаж. Шутт находился в головной машине. Он предоставил возможность своим подопечным самим разбираться с их снаряжением и направился прямо к столу дежурного.

– Чем могу быть вам полезен, сэр? – спросил клерк, нервно поглядывая на входную дверь, за которой была видна собиравшаяся толпа.

– Меня зовут Уиллард Шутт. Я уверен, что у вас заготовлены заказанные мною места... сто номеров и пентхаус.

После длительных колебаний клерк двинулся к своему компьютерному терминалу, возможно, по случайному совпадению стараясь держаться от Шутта в некотором отдалении.

– Да, сэр. У нас есть ваш заказ. Уиллард Шутт... пентхаус.

– И сто номеров.

– Я... я весьма сожалею, сэр, но в моих записях указан только пентхаус.

Улыбка на лице командира стала слегка напряженной, но со стороны его раздражения можно было и не заметить.

– Не могли бы вы проверить еще раз? Я сделал этот заказ почти неделю назад.

– Да, я помню, что к нам поступал такой заказ. Но, кажется, он был отменен.

– Отменен? – В голосе Шутта послышалась твердость. – Кем?

– Вам нужно поговорить об этом с нашим управляющим, сэр. Если вы подождете, то через минуту я разыщу его.

Не дожидаясь ответа, дежурный клерк нырнул в расположенную позади его стола дверь, оставив Шутта пребывать в беспокойстве, возраставшем по мере того, как пространство за его спиной заполнялось legionерами.

Лоуренс (и уж ни в коем случае не Ларри) Песивец, вполне вероятно, был значительно моложе большинства людей, занимавших подобное положение, но уже в самом начале его карьеры стало ясно, что он был рожден именно для такой должности. Он правил отелем «Плаза» железной рукой, и хотя подчиненные чувствовали себя весьма неуютно под его тиранией, они тем не менее были благодарны ему за ту непоколебимую уверенность, какую он проявлял всякий раз, когда возникал очередной кризис, что порой случается в такого рода бизнесе, и за то, что вот, как и сейчас, они могли спрятаться от всех неприятностей за его спину. Не раз волны изнервничавшихся и разгневанных посетителей разбивались об эту скалу, ни в малейшей степени ее не сотрясая, и он всегда являл собой уверенность ветерана, стоило ему выйти из своего кабинета и с первого взгляда оценить ситуацию.

– Я управляющий отелем. Мне показалось, что у вас какие-то затруднения, сэр?

Командир мельком глянул на бронзовую бляху, на которой было указано имя управляющего.

– Да, мистер Песивец. Меня зовут Уиллард Шутт, и мне хотелось бы знать, кто отменил мой заказ на сто номеров.

Находящийся в полной безопасности, в стороне от линии огня и случайных взглядов, дежурный клерк едва сдерживался от подступавшего смеха. Шутт ненамеренно произнес вслух прозвище, которое уже давно закрепилось за управляющим... Спесивец... хотя до сих пор никто не отважился произнести это ему прямо в лицо.

– Песивец, сэр... Заказ отменил я сам.

– Могу я узнать почему?

– Конечно. Я полагаю, в него просто вкралась опечатка, видимо, по вине того, кто принимал этот заказ. Она скорее возникла из-за ошибки компьютера, чем была результатом небрежности нашего персонала, и я посчитал, что это вполне очевидная ошибка. – Управляющий выдал при этом самодовольную улыбку, однако так и не получил в ответ ничего подобного. – Приняв во внимание стоимость сотни наших номеров за период, скажем, ну, нескольких недель и не будучи уверенным, сколько их заказано на самом деле – один или десять, я по праву управляющего снял этот заказ. Но тем не менее, думаю, мы сможем разместить вас в соответствии с вашими запросами.

– Понятно. Вы даже не побеспокоились проверить номер кредитной карточки, сопровождавшей этот заказ?

– Именно так. Как я уже сказал, сумма была бы несуразно большой.

Шутт, словно фокусник, сделал рукой неуловимое движение, и на столе прямо перед управляющим появилась кредитная карточка.

– Мне кажется, *это* должно снять вопрос о несуразных размерах стоимости заказа.

К достоинствам Песивца следовало отнести то, что он никогда не удивлялся и не раболепствовал перед видом кредитной карточки, а предпочитал проверить подпись на ее обороте. Это была карточка «Дилитиум Экспресс», предназначавшаяся только для самых богатых во всей галактике людей и обычно используемая для ускорения покупки или продажи целых компаний. Несмотря на внешнее спокойствие, управляющий начал испытывать смутные признаки страха, который усиливался по мере того, как он продолжал размышлять.

– Да, вижу, – очень медленно произнес он.

– И теперь, когда я перед вами и вы ознакомились с ней, можем ли мы приступить к оформлению моего заказа? То, что мне требуется, – это сто заказанных мною номеров... как видите.

Резким движением вскинув голову, командир быстро определил, что теперь уже все фойе отеля было заполнено солдатами.

Песивец полностью осознавал наличие этой толпы. С того момента, как он увидел эту карточку, его мысли были заняты сопоставлением потенциальной выгоды этой сделки и того ужаса, который охватывал его при одной мысли впустить на свою территорию целую роту легионеров. Но, не упуская из внимания факт, что его жалование в любом случае не изменится ни в какую сторону, он принял решение.

– Очень жаль, мистер Шутт. Но у нас сейчас нет достаточного количества свободных номеров для того, чтобы удовлетворить ваш заказ. Если хотите, я могу помочь вам подыскать другое место, более... подходящее для вашей компании.

Управляющий был заранее готов к вспышке гнева, которая могла последовать за подобным предложением. Но, к его удивлению, Шутт ответил ему ленивой улыбкой.

– Мне не хотелось бы с вами спорить, мистер Спесивец...

– Песивец.

– ...однако тот же самый компьютер, который я использовал для оформления своего заказа, подсказал мне, что из ста пятидесяти ваших номеров постоянно занято едва ли более дюжины. Вместо этого я постараюсь доказать вам, что наше небольшое недоразумение может быть разрешено тремя путями. Во-первых, я могу подать жалобу на вас и на отель на основании закона о том, что вы не можете отказать в постоянном жилье кому бы то ни было, исходя из

расы, религии, пола или *рода занятий*... но это путь долгий и изнурительный, а главное, он никак не удовлетворяет моей потребности немедленно получить эти комнаты. Во-вторых, вы можете, как добрый малый, прямо сейчас приступить к выдаче ключей. В-третьих...

Улыбка на лице командира стала чуть шире.

– ...я могу купить этот отель и заменить вас на кого-нибудь другого, кто проявляет гораздо больше рассудительности, когда требуется защищать интересы владельца.

Небрежная ссылка на его уязвимость в какой-то мере лишила управляющего присутствия духа, но Песивец отлично осознавал явную недостаточность информации, обнаруженную этим третьим намерением Шутта, и вновь овладел собой.

– Я имею в виду, сэр, – это к вопросу о низкой занятости номеров, на которую ссылаетесь вы, – что мы постоянно недоукомплектованы персоналом, и потому не в состоянии обслуживать такое количество людей, какое вы хотите поселить в таком знаменитом отеле, как «Плаза», и я предпочел бы направить вас в другое место, чем портить репутацию нашего отеля плохим обслуживанием клиентов. А что касается ваших намерений купить этот отель, – управляющий сопроводил свои слова легкой улыбкой, – то я боюсь, это лишь пустая угроза. Мне кажется, вы не вполне осознаете тот факт, что отель этот – всего лишь часть целой сети отелей, принадлежащей довольно крупному концерну. Я очень сомневаюсь, что вы можете заинтересовать их своим предложением стать собственником только «Плазы».

Шутт покачал головой, выражая легкое уныние.

– Вы не совсем правы, Спесивец...

– Песивец.

– ...Боюсь, что в данном случае именно вы не совсем осознаете ситуацию. Вашей сетью отелей владеет фирма «Веббер комбайн», главный менеджер-распорядитель которой Регги Пейдж – по крайней мере до следующего заседания совета директоров, собирающегося раз в три недели. Сейчас он находится в затруднительном положении, поскольку уже израсходовал весь кредит, предназначенный для их нового комплекса на планете Парна II, и подрядчики готовы перейти к забастовке. Это третья катастрофа, которая обрушилась на них в течение последнего квартала, и если он как можно скорее не получит наличных денег, чтобы с ними расплатиться, то весь его проект полетит в сортир, не говоря уже о его собственной работе. Вот почему, я думаю, он заинтересуется моим предложением прибрать этот отель к своим рукам.

Песивец ощутил, как его лоб покрывается потом, но Шутт еще не закончил.

– Я хочу лишь подчеркнуть, что мое упоминание об этом не было угрозой. Да, я действительно могу купить сейчас этот отель, однако бумажная волокита оформления сделки может занять целых двадцать четыре часа, и это означает, что я должен буду отправить своих людей в другой отель до тех пор, пока дело не будет улажено. Проблема-то в том, что я уже пообещал им, что они будут жить *здесь*, и если я буду вынужден отсюда уйти, если я буду поставлен в неловкое положение перед моей новой ротой из-за ваших дурацких игр, тогда, *после* того как вы будете уволены, я позабочусь, чтобы вас не взяли на работу на этой планете. Я даже готов покупать компании, которые все же рискнут пойти на это. Я закрою вам вылет отсюда, даже если для этого потребуются скупать все места на каждом корабле в течение всего следующего года. Вот *это* настоящая угроза. Улавливаете?

– Д-да, сэр.

Улыбка на лице Шутта вновь приобрела свой первоначальный вид.

– Итак, теперь, когда мы с вами так мило побеседовали, я уверен, вы согласитесь, что будет наилучшим выходом для всех, если вы предоставите нам эти комнаты, а затем позаботитесь об увеличении обслуживающего персонала до надлежащего уровня.

Напыщенный и упрямый, каким он и должен был быть, чтобы занимать такую должность, Песивец был далеко не дурак. Было совершенно очевидно, что не в его интересах, то есть не в

интересах отеля, было вступать в конфликт с мегамиллионером. Приняв быстрое руководящее решение, он повернулся к пребывающему в нерешительности дежурному клерку.

– Нам понадобится сотня регистрационных карт и по два ключа от каждой комнаты... расположенной с верхнего этажа до нижнего, пропуская номера с бассейнами. Только выдавать ключи можно *после* того, как будет заполнена каждая карта и мы получим данные о том, кем занята комната.

Затем он вновь повернулся к Шутту.

– Будут ли еще какие-нибудь пожелания, *сэр*?

– Да, пожалуй, есть... я только прошу подождать буквально минуту. Армстронг! Рембрандт!

Пробивая себе дорогу локтями, оба лейтенанта приблизились к нему.

– Разбейте всех по парам и проследите за распределением номеров. Я хочу, чтобы вы и сержантский состав заняли комнаты поближе к пентхаусу... Я буду использовать его как нашу штаб-квартиру и оперативное помещение на все то время, пока мы находимся здесь. Составьте список, кто с кем проживает, но предупредите каждого, чтобы не торопились полностью распаковывать вещи. При необходимости мы поменяем напарников в соответствии с их пожеланиями.

– Слушаюсь, *сэр*.

– Бикер!

– *Сэр*?

Дворецкий был уже наготове, хорошо зная повадки Шутта в периоды бурной активности.

– Поговори с местным камердинером, пока он еще не падает с ног. Пусть покажет нашим людям их комнаты, но предупреди, что он не должен, я повторяю, *не должен* помогать им перетаскивать их снаряжение. Самое большее, что он может сделать, это помочь им найти подходящие багажные тележки. И еще, Бик... позаботься, чтобы все его хлопоты были оплачены сполна. Понятно?

– Хорошо, *сэр*.

– А теперь вы, Песивец. Нам будет нужна еще сотня регистрационных карточек, чтобы заполнить их, когда наше расселение наконец-то завершится.

– А-а... может быть, мистер Шутт, будет легче просто подождать с заполнением настоящих карт до тех пор, пока вы не расселитесь окончательно?

– Я весьма ценю ваше предложение, Песивец, но это может занять неделю. Нет никакого смысла нарушать всю работу вашей системы только из-за того, что мы все еще будем организовываться, не так ли?

– Нет... то есть, я имею в виду, да... я хочу сказать, что благодарю вас, *сэр*.

– Да, пока вы еще не ушли... Я хотел бы попросить вас еще кое о чем. Этот парк, вот, перед нами... он ведь принадлежит отелю, да?

– Да, *сэр*... Но он открыт для свободного посещения.

– Прекрасно. Я полагаю, что время от времени мы будем использовать его для занятий и тренировок. Не могли бы вы поручить кому-нибудь почистить фонтан... а расходы отнести на мой счет?

– Непременно, *сэр*... и если мне будет позволено добавить, это весьма щедро с вашей стороны.

Теперь Песивец вновь обрел душевное равновесие. Хотя он еще не совсем оправился от их недавней конфронтации, он был тем не менее приятно удивлен, обнаружив, что в своем триумфе командир легионеров был чрезвычайно обходителен, не говоря уже о необычайном великодушии и щедрости. Возможно, «оккупация» отеля этой с виду очень опасной группой людей не будет иметь плохих последствий...

– *Мистер* Песивец!

Управляющий поднял глаза, чтобы увидеть торопливо идущего через холл прямо к его столу Винсента, шеф-повара ресторана, лицо которого предвещало начало очередной бури.

– Пожалуйста, Винсент! Говорите немного тише. Мне уже кажется, что все...

– Там, на моей кухне... какой-то *человек* сует нос во все углы! И одет он как один из *этих*! – В подкрепление своих обвинений повар ткнул пальцем в сторону легионеров, которые в это время с энтузиазмом занимались тем, что разбивались на пары. – Я *требую*, чтобы его оттуда немедленно убрали! Я не могу работать, когда всякие там *чужаки* путаются у меня под ногами!

Песивец почувствовал, что попал в неожиданную ловушку. Он не хотел новой стычки с Шуттом, да еще так скоро, но при этом жаль было обижать и повара.

– Э... мистер Шутт. Возможно, что вы сможете...

– Пожалуйста, я все объясню. Боюсь, что здесь произошло маленькое недоразумение, – сказал командир, делая рукой успокаивающий жест. – Я беседовал с нашим сержантом-поваром о том, что мне хотелось бы улучшить наше питание... но я имел в виду время, когда мы вернемся на нашу постоянную базу. Позвольте мне поговорить с ним и все ему объяснить...

– Прошу меня простить... пожалуйста?

Небольшая группа развернулась, чтобы взглянуть на сержанта Искриму, который возник среди них будто из воздуха.

– Я должен... как вы говорите... принести извинения. Я только хотел посмотреть, как здесь устроена кухня. Мне следовало бы спросить разрешения, но повара в тот момент не было. Будьте добры, считайте, что это моя ошибка. Я не должен был заходить на кухню, не спросив разрешения повара. Я извиняюсь.

– Ну вот. Видишь? – Песивец буквально сиял, похлопывая повара по плечу. – Нет никакой беды. Сержант извиняется.

– Хотелось бы так думать, – высокомерно фыркнул Винсент. – Представить только... какой-то бездарный армейский кашевар, ничего не видевший, кроме полуфабрикатов... и на *моей* кухне!

Глаза сержанта тут же заблестели, но он пытался улыбаться.

– Пожалуйста, примите мои...

– Минуточку. – Шутт неожиданно для всех встал между двумя мужчинами, его лицо было напряженным. – Сержант Искрима совершил ошибку в порыве рвения и извинился за нее. Но мне кажется, это не дает вам право обзывать его или подвергать сомнению его поварские способности. Он, возможно, не такой мастер, как вы, сэр, но его уж никак нельзя назвать бездарным армейским кашеваром... и к тому же он не служит в армии. Он легионер. Могу ли я теперь надеяться, сэр, что и вы, в свою очередь, принесете ему извинения за подобные замечания?

Песивец изо всех сил старался поймать взгляд повара, но Винсента уже понесло.

– Ха! Прежде чем я стану извиняться перед ним, он должен доказать мне, что я не прав... и что он в состоянии отличить котел от ночного горшка!

Припоминая отношение Шутта к подобной наглости, управляющий начал перебирать в уме возможности подыскать себе другого повара в самые кратчайшие сроки. Но на этот раз у командира на уме была несколько иная стратегия.

– Ну что ж, хорошо, – сказал он. – Песивец, я хочу снять ваш ресторан на целый день, *вместе* с кухней... скажем, послезавтра. Кухня понадобится сержанту Искриму, чтобы приготовить обед для всей нашей роты.

– *Мою* кухню? – завопил потрясенный шеф-повар. – Вы не можете...

Почувствовав надвигающуюся катастрофу, управляющий бросился вперед.

– Боюсь, сэр, что цена будет...

– Пять тысяч долларов, надеюсь, покроют все расходы, – закончил за него командир. – Разумеется, что все снабжение мы берем на себя. Весь персонал кухни будет иметь оплаченный выходной... за исключением...

Он повернулся к шеф-повару.

– Вас, сэр. Я лично заплачу вам двойную ставку обычного дня, если, и только если, вы будете присутствовать там целый день, сидеть и *спокойно* наблюдать, как наш повар-сержант управляется на кухне. Вы также приглашены присоединиться к нам на обед, где вам и будет предоставлена возможность принести свои извинения сержанту Искрима... если вы решите, что он их заслуживает. Договорились?

Шеф-повар несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем молча кивнул в знак согласия.

– Прекрасно. В таком случае, сержант Искрима, составьте список легионеров, которых вы хотите взять себе в помощники на кухню, и передайте его Бренди. Ш. Г.!

На этот раз ему даже не пришлось повышать голос, поскольку сержант-снабженец был тут как тут.

– Да, капитан?

– Завтра ты будешь освобожден от обычного дежурства. Возьми у сержанта Искримы список того, что будет необходимо, и доставь ему все, чего бы он ни попросил... Ясно?

– Ясно. Гм-м-м... Капитан? – Гарри понизил голос и наклонился поближе к командиру. – Вы уверены, что действительно хотите провести это мероприятие? По правде говоря, думаю, что не стоит изводить столько добра на нашу еду.

– Я ценю ваше беспокойство, Ш. Г., – пробормотал в ответ Шутт, – но подозреваю, что Искрима гораздо лучший повар, чем вам казалось до сих пор. Если даже это и не так, я тем не менее не собираюсь просто стоять и смотреть, как какой-то чужак оскорбляет одного из наших. Пусть воспользуется шансом нанести ответный удар.

– Так, значит, мы против них, а, кэп? Ну, что ж, лады. Мне это по душе. Постараюсь сделать все, что смогу.

– Благодарю, Ш. Г. Я это учту. – Шутт бросил в сторону сержанта короткую усмешку. – А что касается «они против нас»... В любом случае мне бы хотелось, чтобы у тебя были лучшие шансы.

– Я всегда старался быть сильнее обстоятельств, капитан. – Гарри едва заметно подмигнул ему. – Нет смысла жаловаться и сейчас.

Командир махнул рукой, отпуская сержанта, а затем повернулся к столу.

– Мне очень жаль, что пришлось прибегнуть к подобному шагу, Песивец, но это показалось мне одним из лучших способов управиться с возникшим недоразумением.

– Не стоит извиняться, мистер Шутт. Ваше предложение... и решение... они были, при сложившихся обстоятельствах, более чем великодушными. Не хотите ли получить ключи от пентхауса? Вероятно, вам надо немного отдохнуть после всего этого.

– Вы правы... но сейчас я не могу позволить себе такую роскошь, как отдых. Мой дворецкий, Бикер, возьмет ключи и проследит за моими вещами. А я прямо сейчас собираюсь нанести визиты самым важным персонам в этой колонии.

– Губернатору?

Шутт выдавил слабую улыбку:

– Признаться, я больше думал о шефе полиции.

Глава 5

Дневник, запись № 021

В приключенческих романах на армейские темы почти не затрагивается одна из сторон деятельности военных, важнейшая задача, стоящая перед каждым командиром. Она может быть определена как обеспечение взаимодействия между военным контингентом и входящими с ним в контакт гражданскими лицами. Точно так же и сами эти контакты в реальной жизни почти никогда не вызывают интереса со стороны общества (как правило, армейская жизнь ужасно скучна и однообразна), если только кто-то из командиров не пожелает разобратся в путанице, возникающей в средствах массовой информации, когда либо командир роты, либо вся рота бывают представлены кровожадными монстрами, или дураками, или теми и другими вместе взятыми.

Если принять во внимание особенности тех людей, которых мы только что передислоцировали в колонию, то визит моего шефа в местную полицию покажется чрезвычайно мудрым, если не сказать просто необходимым поступком, который я непременно должен одобрить. Но в данном конкретном случае использование подобной тактики представлялось проблематичным, и суть заключалась в личности самого шефа местной полиции.

Мир исполняющих закон служб всегда очень сложен, но всех его представителей можно поделить на две категории: администраторы и исполнители. Администратор местной полиции имел звание комиссара и заседал в Совете Колонии. Начальник полиции, с кем и собирался встретиться мой шеф, отвечал за координацию и руководство текущей работой по исполнению закона, как говорится, «на уровне улицы», и сам был одним из тех, кто гонялся за нарушителями, то есть копом.

В литературе очень много написано о товариществе, которое мгновенно устанавливается между двумя сильными и решительными людьми. На самом же деле их встреча обычно дает примерно такой же эффект, как попытка посадить второго тигра на пьедестал: ненависть с первого взгляда.

Шеф полиции Гетц представлял собой тот тип мужчины-буйвола, который уместнее было бы наблюдать бегающим вдоль линии поля во время футбольного матча, нежели сидящим развалившись за столом в кабинете. Волосы у него на голове были чисто выбриты, что можно было посчитать за неудачную попытку скрыть намечавшуюся лысину, а комплекция была такой, что казалось, будто похожая на тыкву голова растет прямо из плеч. Закатанные рукава застиранной белой рубашки плотно облегли мускулистые руки, на которых не было даже признаков жира, и, как дань времени, на мясистых пальцах его правой руки было вытатуировано слово «Миранда». Даже когда он улыбался, что случалось крайне редко, вид его казался хмурым, а сжатые челюсти выглядели частью маски. Впрочем, сейчас он не улыбался.

Его лицо выражало то болезненное раздражение, какое появляется обычно в тех случаях, когда на вашем новом ковре остаются следы от грязной собаки, но даже оно было, пожалуй, слишком мягким выражением тех чувств, которые охватили его при виде тонкой фигуры в черном, появившейся в кабинете.

– Вы уже здесь? Я как раз получил сведения о ваших молодцах, и если они верны, генерал...

– Капитан, – мягко поправил собеседника Шутт, но Гетц продолжал, не обращая внимания на его слова.

– Вы перевели в колонию почти две сотни солдат на все время, пока будут перестраиваться их казармы, и территория, арендуемая Легионом...

– Верно.

– И вот теперь, в эту самую минуту, они собираются разгуливать в своей форме здесь, на *моих* улицах, словно искатели приключений.

– Я бы не стал представлять дело таким образом...

– Ну а я, черт возьми, буду! – зарычал Гетц, подаваясь со своего места вперед. – Эти ваши оловянные солдатики будут словно красная тряпка для любого уличного разгильдяя, которому захочется сравнить себя с настоящим армейским воякой.

Шутт на некоторое время оставил без внимания ярлык «армейский».

– Я и правда не стал бы этого делать, шеф Гетц. Ведь мои легионеры бывали в городе и раньше. Не понимаю, чем отличается сегодняшняя ситуация...

– Вся разница в том, что тогда здесь не было одновременно двух сотен солдат! – загрохотал полицейский. – Раньше они были в меньшинстве и держались в стороне от скандалов и стычек с местными! Сейчас вы изменили это соотношение, так что они могут пойти куда угодно и делать что захотят, а вы не сможете держать пари на собственный зад, что они не ввяжутся в какие-нибудь неприятности.

– Понятно. – Шутт натянуто улыбнулся. – Полагаю, я переоценил способность полиции поддерживать порядок на улицах. Стало быть, информация, которую я получил, оставила скрытым тот факт, что колония превратилась в готовый к вспышке очаг преступности.

На лице шефа полиции сгустились багровые штормовые тучи, один вид которых не раз заставлял многих его подчиненных отправляться в кабинку, запирающуюся изнутри, чтобы переменить штаны.

– Минуточку, черт побери! – наконец-то взорвался он. – У нас самый низкий процент преступлений любого...

Шторм пронесся и стих так же быстро, как и возник, оставив после себя лишь легкую красноту кожи, но и она скрылась, как только шеф опустил голову и устался в бумаги на своем столе.

Шутт терпеливо ждал.

Затем Гетц вновь поднял голову. В его темных глазах под густыми сдвинутыми бровями поблескивало подозрение.

– Вы почти заставили меня выйти из себя, генерал, – сказал шеф сквозь стиснутые зубы. – Есть какая-то причина для такой настойчивости?

– Я надеялся, что вы сейчас слышали, что говорили, шеф. – Легионер пожал плечами. – По вашим словам, мои солдаты не могут ходить туда, куда хотят, и не имеют права делать то, что делали раньше. Но поскольку они имеют точно такие же права на пользование развлечениями колонии, как и каждый местный житель, и их деньги всегда с радостью принимаются во всех известных мне в этой колонии местах, то я не в состоянии понять, из чего проистекает то неравенство, за которое я должен либо извиниться, либо что-то предпринять, дабы его исправить... И еще. Я капитан, а вовсе не генерал.

Полицейский сжал губы в напряженной усмешке.

– Мне очень жаль, – произнес он, и в его голосе не прозвучало даже намека на угрызения совести, – но я так и не научился разбираться во всех этих рангах среди вас, солдат. Поэтому обычно я их попросту игнорирую... пока кто-нибудь не переступит черту. И когда такое случается... ну, тогда я поступаю с ними так же, как с любым, кто нарушает закон. Это для вас достаточно откровенно?

– Вполне, сержант...

– Шеф!

– Извините. – Шутт решил показать зубы. – Я предположил, что коль скоро вы не придаете никакого значения рангу...

Он прервался, позволяя словам повиснуть в воздухе.

Гетц некоторое время внимательно смотрел на него.

– Хорошо, *капитан*, – прорычал он наконец, – можете изложить свое мнение.

– Прекрасно. Так вот, *шеф*, как я уже говорил, к моим солдатам не должны относиться *точно* так же, как и к любым другим нарушителям закона. Дело в том, что существует специальный закон относительно того, что они должны быть направлены к своему командиру, в данном случае ко мне; какого бы наказания они ни заслуживали, их нельзя привлекать к гражданскому разбирательству.

– И такой закон действительно есть?

– Да, – твердо заявил командир – Если вы не ознакомлены с ним, то я могу поделиться с вами копией...

– О, я знаком с этим законом, – ответил шеф, сопровождая свои слова взмахом руки. – Да, это обычная процедура, когда мы забираем одного из вашихвоенравных ягнят на свое попечение, а потом сообщаем вам на базу, чтобы кто-нибудь приехал и забрал его, и пока суд да дело, ваш человек просто спит в одной из наших камер. Но я удивлен таким неожиданным беспокойством по поводу обычной процедуры, только и всего.

– Разные командиры ведут дела по-разному, – заметил Шутт. – И я уверен, что то же самое бывает и в полицейской работе. Все, что я могу на этот счет сказать, так это то, что пока легионерами, расквартированными здесь, команду *я*, никто из них не будет гнить в ваших камерах, при условии, что мы своевременно будем проинформированы о том, что они задержаны. Я надеюсь, вы не станете возражать, что в таких случаях нас нужно извещать по возможности скорее?

– Не беспокойтесь, мы дадим вам знать. – Гетц ухмыльнулся. – Но, конечно, это зависит еще и от того, ответит у вас кто-нибудь по телефону или нет.

– Сейчас мы используем в качестве штаб-квартиры пентхаус отеля «Плаза», – сказал Шутт, записывая что-то на листке в блокноте, затем он вырвал этот листок и бросил на стол полицейского. – Вот номер, на тот случай, если у вас его нет. Если меня не окажется на месте, чтобы ответить на ваш звонок, там обязательно будет кто-нибудь, кто немедленно передаст мне всю информацию.

Гетц даже не шевельнулся, чтобы взять листок, а лишь хмуро глянул на легионера.

– Извините за непонятливость, *капитан*, – ровным голосом произнес он, – но разве вы только что не сказали мне, что у меня не будет никаких неприятностей с вашей ротой? Если это так, то почему вы столь настойчиво стремитесь убедиться, что нам известен порядок ареста ваших людей?

– Совершенно уверен, что сказал вам лишь то, что не ожидаю неприятностей больше, чем обычно, – поправился капитан. – Я не пытаюсь дурачить вас, шеф, убеждая в том, что не будет вообще *никаких* неприятностей. Но мы оба знаем, что для происшествий существует некая статистическая норма. Я просто пытаюсь достигнуть договоренности между нами, чтобы облегчить ситуацию в том случае, если что-то действительно произойдет.

– Ну, когда и *если* что-нибудь произойдет, уж можете не волноваться...

Пронзительный звонок телефона прервал шефа полиции на полуслове. Нахмурившись, он снял трубку.

– Гетц. Что такое?.. Понимаю. Хорошо, давайте его.

Пока он улыбался, прислушиваясь к голосу в трубке, его глаза все время старались перехватить взгляд Шутта, и в конце концов это ему удалось.

– Шеф полиции... Да, сэр... понимаю... Одну минуту.

Прикрывая рукой микрофон, Гетц откинулся на спинку стула и ухмыльнулся, по-прежнему не сводя глаз с легионера.

– Хотите кое-что узнать, *капитан*? Кажется, у нас уже есть *инцидент*, как вы и предполагали.

– Что это значит?

– У меня на связи управляющий отелем «Плаза». Похоже, парочка ваших недоразвитых солдат затеяла драку в холле. Вы хотите сами разобраться в этом или я должен послать туда несколько своих ребят, чтобы навести порядок?

Командир протянул руку к телефону, который шеф после короткого колебания подвинул к нему.

– Это Шутт, Спесивец. У вас, кажется, возникла проблема?

– Это *Пе...* ах! Мистер Шутт, – раздался из трубки голос управляющего. – Это... э-э... на самом деле ничего страшного.

– Если ничего страшного, то почему же вы звоните в полицию?

– Я просто... Я не знал, как связаться с вами, сэр, когда двое ваших... солдат устроили в холле целое сражение. Я стараюсь быть терпимым, но у меня есть определенная ответственность перед владельцами, если отелю будет нанесен ущерб, и к тому же наша служба безопасности не может...

– Одна из них женщина?

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Ну же, Спесивец, вы наверняка знаете разницу. Одна из них скорее всего женщина... коротышка?

– Да, действительно, так оно и есть.

– Можете подождать?

Шутт прикрыл трубку рукой и медленно считал до десяти.

– Спесивец?

– Да, мистер Шутт?

– Они все еще дерутся?

– Ну... похоже, нет, сэр. Кажется, они прекратили.

– Тогда вот что... Да, и еще, Спесивец...

– Слушаю, мистер Шутт.

– Мне кажется, не стоит беспокоить полицию по поводу каждого мелкого случайного происшествия. Если меня в таких случаях не будет поблизости, дайте знать об этом одному из лейтенантов или сержантов, и они наведут порядок... а я возмещу любой ущерб, наносимый отелю. Договорились?

– Д-да, мистер Шутт.

– Прекрасно, в таком случае – до свидания.

Покачивая головой, командир вернул телефон на прежнее место.

– Весьма сожалею по этому поводу, шеф Гетц. Думаю, сейчас мне следует заняться именно этим.

– Приятно слышать, что вы стараетесь сократить нашу работу.

– Разве я отказывался от этого? – сказал легионер, вскидывая брови. – Но мне показалось, вас интересует...

– Не могли бы вы объяснить мне, что означает вся эта дурацкая чепуха с «шутом»? – взорвался шеф. – Вы вроде представились как Шутник... простите, как *капитан* Шутник.

– Капитан Шутник – это мое официальное имя в списках Космического Легиона, – пояснил Шутт. – К сожалению, мои кредитные карточки все еще оформлены на гражданское имя, и я вынужден был использовать его, когда поселил свою роту в этом отеле.

Теперь настала очередь полицейского удивленно поднять брови.

– Ваши кредитные карточки? Так значит, вы не байки рассказывали, когда обещали возместить отелю все убытки? Очень хотелось бы узнать, каким это образом такое скупое подразделение, как Космический Легион, может позволить себе такой отель, как «Плаза», в качестве места для временного размещения своих солдат, но теперь начинаю об этом догадываться. Так *кто же вы на самом деле, капитан?*

– В Легионе такой вопрос считается дурным тоном, шеф.

Гетц оскалил зубы в волчьей усмешке.

– Да, но я-то как раз *не* из вашего Легиона, капитан. Я нахожусь здесь затем, чтобы обеспечивать порядок в колонии, а это включает проверку всех подозрительных личностей, которые появляются здесь... и начинают швыряться огромными деньгами без всяких видимых источников их происхождения. *Это* дает мне право спрашивать обо всем, о чем мне хочется спросить, и поэтому я вновь *спрашиваю* вас: кем вы были, прежде чем Легион вывалял вас в дегте?

Шутт пожал плечами:

– Тем же, кем и сейчас. Состоятельным человеком. А если вы хотите произвести расследование, то, уверен, без труда убедитесь, что все мои доходы абсолютно законны. И, кстати, моя фамилия произносится так же, как в названии «Шутт-Пруф мьюнишнз».

– О, да это просто замечательно! – буквально выплюнул Гетц. – Знаете, капитан, если и есть что-то, что я ненавижу больше, чем солдат – нарушителей порядка, не отвечающих за это по гражданским законам, так это богатых мальчиков, которые думают, что могут купить все, что стоит у них на пути. Уж позвольте мне сказать вам, *мистер*, что закон в этой колонии не продается. Если ваши солдаты будут держать свой нос подальше от грязных дел, у них не будет никаких неприятностей с моими подчиненными, но если они выйдут за рамки...

– Вы вернете их мне без малейшей царапины, как мы только что договорились, – закончил за него легионер. – Вот как раз об *этом* мы и говорили, когда зазвонил телефон, не так ли, шеф?

– О, разумеется, на них не будет никаких царапин, если только... они не будут сопротивляться аресту.

– Если кто-то из моих солдат получит увечья при сопротивлении аресту, – сказал Шутт с холодной твердостью, – я обязательно захочу посмотреть, какие ушибы были причинены производившему арест офицеру... просто чтобы убедиться в том, что они «сопротивлялись» *прежде*, чем были избиты.

Лицо Гетца вновь начало багроветь.

– Мои люди не избивают подозреваемых после задержания, если вы именно это пытаетесь сказать.

– Тогда у нас с вами не должно быть никаких проблем, – с улыбкой закончил Шутт. – И в самом деле, шеф. Ведь я пришел сюда не за тем, чтобы вступать с вами в конфликт или попытаться подкупить вас или ваших людей по каким-то таинственным соображениям. Если вы припомните, то вопрос о деньгах не возникал до того самого момента, пока не раздался звонок из «Плазы», и даже после этого вы сами задали его мне напрямую. Я же со своей стороны просто хотел довести до вашего сведения тот факт, что мы передислоцировались в город и что моя рота будет рада помочь полиции, если возникнут какие-нибудь беспорядки.

Шеф полиции склонил голову набок.

– Если я правильно понял вас, капитан, вы хотя здесь и новичок, но солдаты, что у вас в подчинении, они те же самые, что находились тут в прошлом году?

– Совершенно верно.

– Тогда, между нами, вряд ли ситуация станет настолько безнадежной, что мне захочется прибегнуть к их помощи, – сказал полицейский, вновь сверкая улыбкой, похожей на волчий

оскал, – но я все же *ценю* ваше предложение помощи. А теперь – попрошу вас оставить мой кабинет и дать мне возможность немного поработать.

Весь путь до отеля «Плаза» Шутт злился на самого себя. Этот визит к шефу полиции прошел совсем не так, как он планировал. Вместо того чтобы достигнуть взаимопонимания с этим влиятельным здесь человеком, Шутт, похоже, преуспел лишь в том, что подлил масла в огонь, который от этого разгорелся еще ярче.

Вспоминая прошедший разговор, командир пытался понять, что же именно привело к неудаче: недостаточное уважение к легионерам со стороны шефа полиции или его собственные амбиции «богатого мальчика». Оценивая случившееся, пытаясь найти главную причину раздражения собеседника, Шутт пришел к выводу, что в основе всего этого была его собственная неспособность проявить в разговоре с Гетцем необходимую напористость. Брошенное ему обвинение в том, что он предпочитает решать свои проблемы лишь с помощью денег, заставляло задуматься.

Прикусив губу, он еще раз мысленно просмотрел свои приемы защиты при таком необычном способе нападения. Его собственные слова, с которыми он обращался к солдатам относительно того, что вкладывается в понятие «умелый солдат», были искренним желанием провести их через один из его собственных уроков, полученных от отца, когда тот пытался наставить его на путь истинный. Результаты были более чем положительные, и потому естественно было прийти к убеждению, что это единственный верный путь и что каждый человек вправе использовать для достижения своих жизненных целей любое средство или оружие, которые окажутся у него под рукой. Разумеется, он использовал деньги, когда это давало нужный эффект. Это вовсе не казалось нечестным или несправедливым. Как если бы для достижения успеха атлет использовал силу и собранность, а привлекательная женщина – красоту. Игра, которую любому навязывала жизнь, была слишком грубой, чтобы можно было отказываться от своих преимуществ, когда тебе приходится вступать в схватку с судьбой.

– Тсс! Капитан! Идите сюда!

Шутт поднял взгляд и обнаружил сержанта-снабженца, который манил его из переуллка рядом с отелем. Он так был занят собственными мыслями, что даже не обратил внимания на грузную фигуру Шоколадного Гарри, не заметить которую было просто невозможно. Теперь же, однако, он увидел и небольшую группу легионеров, нервно озирающихся недалеко от входа в отель.

Они выглядели в точности как школьники, спрятавшиеся после очередной проказы, так что Шутту пришлось убрать свою улыбку, когда он изменил направление и двинулся в их сторону. Вспомнив свои недавние дебаты с Гетцем, он быстро принял сосредоточенный вид.

– Что здесь происходит, Гарри? Неприятности с полицией?

– Гораздо хуже, капитан, – пояснил сержант, покачивая головой и все еще вытягивая шею, чтобы лучше видеть двери отеля. – Там появился репортер, который хочет поговорить с кем-нибудь из Легиона.

Волна облегчения, окатившая Шутта, едва не заставила его рассмеяться. Но почти мгновенно вслед за этим появилось ощущение замешательства. Присутствие репортера само по себе еще не казалось ему чем-то ужасным, однако легионеры, окружавшие его, выражали озабоченность, что командир не примет этот факт всерьез.

– Мы не должны сбиваться такой толпой, – сказал Шутт, принимаясь командовать, еще не имея созревшего решения. – Нам скорее надо быть больше на глазах, чем избегать встреч подобным образом.

– Капитан прав, – вслух прорычал Гарри. – Мы не должны собираться и глазеть неизвестно на что... ведь ничего еще и не случилось. Ты... и ты! Стойте здесь и глядите в оба! Остальные возвращайтесь в переулок, пока мы не собрали тут толпу зевак.

Сержант молча понаблюдал, как выполняется его приказание, а затем повернулся к Шутту, все еще покачивая головой.

– Сожалею, капитан. Признаюсь, мы немного пошумели, но теперь все позади. Хорошо хоть нашлась одна спокойная голова. Спасибо, вы вовремя нас образумили.

– Не стоит благодарности, Ш. Г., – сказал Шутт. – Я уже запутался в том, что здесь происходит. Вся эта суеда всего лишь из-за того, что здесь болтается какой-то репортер?

Гарри на минуту застыл и прищурил глаза. Затем покачал головой и весело рассмеялся.

– Черт! – воскликнул он с удивлением. – Тут и в самом деле легко забыть, что вы офицер, капитан. Давайте просто скажем так, что у нас, простых солдат, есть некоторые проблемы, которых у вас, офицеров, нет, и остановимся на этом.

– Так не пойдет, – с мрачным видом возразил ему Шутт. – Я ведь уже говорил тебе, Ш. Г., что мы все один отряд и все трудности становятся нашими общими. Сейчас я, может, и не в силах решить всех наших проблем, но не смогу решить их и потом, если не буду знать, в чем они состоят. Поэтому не сочти за труд и объясни доходчиво своему бестолковому офицеру, что здесь происходит, я буду тебе очень признателен.

Сержант-снабженец удивленно заморгал глазами, затем, прежде чем ответить, бросил еще один быстрый взгляд в сторону отеля.

– Ну, понимаете, капитан, вы, офицеры, может быть, и пришли на эту службу с исключительно чистым прошлым, но вот что касается некоторых из нас, то мы присоединились к Легиону, чтобы выпутаться из всяких, порой весьма сомнительных, ситуаций. Некоторые из нас все еще боятся преследования со стороны людей, которые не прочь содрать с нас если не всю, то хотя бы часть шкуры. И самая последняя вещь, которую мы хотели бы здесь встретить, это репортеры с их заметками и фотографиями, из которых становится ясно, где мы находимся и что делаем. Вы следите за ходом моих мыслей? Это все равно что указывать на кого-нибудь пальцем и вопить изо всех сил: «Хватай его».

– Понятно, – задумчиво сказал Шутт.

– Вот такое дело, капитан, – закончил Гарри, сопровождая свои слова энергичным движением плеч. – Иногда мы просто вынуждены бежать...

Капитан едва ли не с хрустом резко вздернул голову.

– Не говорите так, сержант, – холодно произнес он, растягивая слова. – Единственная вещь, которую вы никогда не должны даже *пытаться* делать, находясь под моим командованием, это бежать без оглядки.

Затем он отвернулся от сержанта и, повысив голос, обратился к группе легионеров, столпившихся в дальнем конце переулка.

– *Легионеры! Ко мне... Немедленно! Наблюдатели тоже! Все сюда... Немедленно!*

Беглецы, слегка успокоившись, двинулись вперед, обмениваясь смущенными взглядами и надеясь рассеять явно плохое настроение командира.

– Мне показалось, что репортеры заставили вас понервничать... вы что, боитесь расплаты за старые грехи, если станет известно, где вы находитесь? Послушайте, что я вам сейчас скажу: *привыкайте к репортерам*. Они болтаются здесь потому, что кое-что из того, что мы собираемся делать, будет новостью. Не пытайтесь прятаться от них, лучше учитесь направлять разговор с ними в нужное *вам* русло. Теперь, когда я понял, в чем дело, я уверен, у вас будет возможность научиться правильно давать интервью и управлять самим этим процессом. А пока что поступайте очень просто: говорите им «без комментариев» и отсылайте к одному из офицеров. Чего вы *не должны* делать, так это позволять им или кому-то еще увести вас куда-то с вашей территории: из казармы или, как в данном случае, из отеля.

Он немного помолчал, чтобы окинуть взглядом всех собравшихся, а затем продолжил:

– Все это подводит нас ко второму пункту. Похоже, вы, ребята, думаете, что прошлой ночью я говорил с кем-то другим. Вовсе нет. Некоторые из вас, вступая в Легион, бежали или

от людей, или от ситуаций, так или иначе чем-то вам угрожавших. Я знаю об этом. Знает об этом и каждый в нашей роте. Ну и что? *Если* репортер узнает ваше новое имя и место службы или *если* из-за этого получится так, что ваше прошлое начнет снова преследовать вас, что с того? Теперь вы часть роты, и каждый, кто будет преследовать вас, будет вынужден столкнуться со *всеми* нами. Иначе говоря, то, что происходит в роте, касается всех. Теперь мы одна семья, и это означает, что никто из вас больше не останется со своими проблемами один на один. Понятно?

Последовали редкие шевеления голов и слабое бормотание:

– Да, сэр.

– *Я вас не слышу!*

– ДА, СЭР!

Шутт усмехнулся, услышав такой громкий ответ.

– Вот так уже лучше. А теперь все мы возвращаемся в *наш* отель. Я поговорю с этим журналистом в баре, кто хочет, может присоединиться к нам. Думаю, вряд ли найдется репортер или легионер, который откажется от бесплатной выпивки.

Эти слова были встречены беспорядочными возгласами одобрения, и легионеры, оставив свое укрытие в переулке, направились в отель. Большинство звучавших шуток были сугубо личными, предназначенными для того, чтобы поднять дух, поддержать отдельных индивидов, еще не совсем уверенных в себе, но при этом *все* легионеры шли вперед, и шли они как единый отряд.

Шутт подождал, пока большая их часть покинет переулок, а затем двинулся и сам, стараясь идти в ногу с сержантом-снабженцем.

– Ну как, Ш. Г., что ты скажешь теперь?

– Прямо не знаю, кэп, – ответил Гарри, чуть покачивая головой. – То, что вы говорите, очень хорошо на словах, но мне кажется, вы не представляете, какие уголовные дела могут тянуться за некоторыми из нас. По правде говоря, я не поставлю много на будущее нашей роты, если мы действительно в один прекрасный день завязнем в этом. Хотя я, вероятно, всех в роте переплюну, если дело дойдет до этого, хотя был в свое время не самым крутым в нашей старой компашке.

Командир вежливо пропустил ненамеренный экскурс в прошлое сержанта. Он с первого дня знакомства с Гарри подозревал, что тот никогда не был одиноким волком.

– В таком случае, полагаю, нам придется поработать с ротой до тех пор, пока она не даст фору всем остальным. Если дело только в этом, мы могли бы обеспечить для всех вполне приличную огневую подготовку, лучше, чем где бы то ни было. Правда, пока что в нашем распоряжении только стрельбище для тренировок.

Шутт хотел представить это свое замечание как шутку, но вместо того чтобы рассмеяться, Гарри медленно кивнул.

– Это было бы неплохо для начала, – произнес он неторопливо. – Хотя будет нелегко. Вот что я скажу вам, кэп. Если это предложение все еще в силе, я, пожалуй, присоединюсь к вам и этому репортеру. Может быть, после выпивки мы еще немного поговорим об этом.

– Меня это вполне устраивает, Ш. Г., но не будешь ли ты нервничать рядом с репортером? Сержант кивнул.

– Буду, но то, что вы сказали там, в переулке, имеет смысл. В конце концов, наши будут знать, где я, и думать обо мне, и это придаст мне сил, чтобы не обращать внимания на какого-то там репортера. А кроме того – ну что может случиться из-за одного интервью? А?

– Сэр?.. Проснитесь, сэр!

Шутт все еще боролся с глубокой дремотой, через которую пробивался настойчивый голос дворецкого.

– Я... сейчас, – не без труда выговорил он. – Боже! Который час, Бик? Мне кажется, я только что закрыл глаза.

– На самом деле, сэр, вы отдыхаете уже больше двух часов.

– Что ты говоришь? Целых два часа? – Шутт изобразил изумление, заставляя себя подняться. – В таком случае не представляю, почему я все еще чувствую жуткую слабость.

– Возможно, это как-то связано с количеством спиртного, которое вы приняли перед тем, как отправились спать, сэр, – с готовностью подсказал ему дворецкий. – Когда вы, так сказать, пришли, то были возбуждены несколько больше обычного.

Как человек, привыкший хранить достоинство, Бикер вообще не одобрял склонности к выпивке, и поэтому даже не пытался скрывать раздражения в голосе.

– Мы с Шоколадным Гарри сделали еще несколько заходов после того, как ушел репортер, – произнес командир, как бы в собственное оправдание, осторожно массируя лоб пальцами обеих рук. – А когда я уже собирался уходить, там появилась Бренди, и...

– Извините за то, что прерываю вас, сэр, – вновь заговорил дворецкий, – но в соседней комнате вас ожидает вызов по связи.

– Вызов?

– Да. Головизор. Из главной штаб-квартиры Легиона. Почему я и счел необходимым разбудить вас, вместо того чтобы просто принять сообщение.

– Гляди-ка. Только этого мне с утра и не хватало. Однако им придется подождать, потому что сначала мне надо одеться.

– Должен заметить, сэр, что вы по-прежнему одеты, еще со вчерашнего вечера. Я обращал на это ваше внимание, когда вы собрались прилечь, но сон оказался сильнее.

Окончательно придя в себя, Шутт понял, что полностью одет. Более того, его форма оказалась в гораздо лучшем состоянии, чем голова или желудок. Быстро проведя рукой по подбородку и верхней губе, он решил, что может обойтись без бритья. Не стоит без крайней необходимости испытывать терпение главной штаб-квартиры.

– Ну, мне кажется, вроде бы не должно быть никаких срочных дел, – пробормотал он, направляясь в другую комнату. – А какие у тебя соображения на этот счет, Бик?

– Ну... они, конечно, как всегда немного не в себе... – Дворецкий пожал плечами. Помолчав немного, так и не высказав никакого мнения, он добавил: – Да, сэр, учтите, что мне пришлось оставить линию включенной, когда я пошел будить вас, так что окажетесь на ковре сразу, как только войдете в комнату.

Шутт задержал движение руки, уже готовой открыть дверь, и скорчил гримасу.

– Это ужасно, – сказал он. – Благодарю за предупреждение, Бикер.

– Я подумал, что вам надо знать об этом, сэр. А то в моменты сильного удивления вы бываете склонны к грубоватым жестам... особенно ранним утром.

Головизор являл собой устройство, формирующее трехмерное изображение абонента, посылающего запрос, прямо в комнате адресата, точно такое же изображение которого передавалось по обратному каналу. Этот способ связи не только всегда вызывал некоторое дополнительное беспокойство, но был еще и чрезвычайно дорогим, поэтому в Легионе чаще пользовались более традиционными средствами для передачи приказов и сообщений. Обычные устройства связи действовали по следующему принципу: цифровая информация накапливалась, затем быстро передавалась в короткий сеанс космической связи, и полученные таким образом сообщения сохранялись в памяти вычислительных систем, откуда выдавались по запросу получателя. Средства связи с использованием голограмм применялись лишь в случае крайней необходимости, когда абонент хотел быть абсолютно уверен, что адресат своевременно получит его сообщение, или хотел лично переговорить с лицом на другом конце линии связи, например, для того, чтобы устроить ему очередную головомойку. Поэтому подобные

вызовы всегда воспринимались с таким же энтузиазмом, как сообщение о чуме или очередной налоговой проверке.

– Да, полковник Секира, – сказал Шутт, узнавая спроецированное в его комнату изображение. – Чем могу служить в столь ранний час?

Голографическое оборудование, используемое Легионом, без надлежащего технического обслуживания обеспечивало весьма сомнительное качество передач и имело гораздо меньшую мощность, чем системы обычной космической связи. Не было исключением и сегодняшний день. Изображение временами двоилось или распадалось на отдельные фрагменты, что никак не улучшало состояние Шутта, когда он, глотнув в очередной раз воздух, пытался сфокусировать глаза на этом дрожащем призраке. Если бы он мог быть уверен, что его собственное изображение не передается, то, разумеется, не стал бы тратить силы на такие попытки.

– Что ж, *капитан* Шутник, – заговорила полковник, не тратя время ни на приветствия, ни на обычное в таких случаях вступление, – можете начать прямо с того, что объясните появление вот этой статьи в сегодняшних новостях.

– Статьи? – нахмурившись, произнес командир. – Боюсь, вы ставите меня в неудобное положение, мэм. У нас еще слишком рано, и я не успел ознакомиться с сегодняшними новостями.

Он бросил короткий взгляд в сторону дворцового, который проскользнул в комнату вслед за ним. Бикер понимающе кивнул и полез в карман за компьютером, чтобы сделать запрос по поводу обсуждаемой статьи.

– Не успели? Тогда позвольте мне зачитать вам кое-что из нее... например, то, что зачитал мне мой непосредственный начальник, когда обратил на эту статью мое внимание.

В руках у Секиры появился блокнот, и ее голова чуть склонилась над ним.

– Давайте посмотрим... Так, начнем с заголовка, который гласит: «Генерал – плейбой?», а строкой ниже читаем: «Наследник «Мьюнишнз» Уиллард Шутт возглавил элитные войска на планете Хаскина». Собственно, с этих слов и начинается сама статья.

Находившийся вне досягаемости передающей камеры, Бикер прервал свои безнадежные попытки привлечь невероятными движениями глаз внимание Шутта. Его шеф был сосредоточен только на одном: представлял себе, как он собственными руками берет этого репортера за горло.

– Да, понимаю, этот факт действительно мог расстроить вас, мэм. Позвольте мне уверить вас, полковник, что ни разу в интервью я не сделал даже намека на то, что имею генеральский чин. Могу лишь предположить, что репортер просто ошибся или добавил это преувеличение от себя для большего эффекта. Я принимаю это на свой счет и обязуюсь проследить, чтобы необходимое разъяснение ему обязательно было сделано, а также извиняюсь перед всеми генералами, бывшими, настоящими и будущими, за это недоразумение.

– О, но это еще далеко не все, капитан. Я умираю от желания услышать ваши объяснения по поводу остального материала статьи.

– По поводу чего именно, мэм? – произнес Шутт, изучая экран компьютера, который протянул ему Бикер. – Теперь я имею эту статью прямо перед собой и не вполне понимаю, что еще требует прокомментировать полковник.

– Вы это серьезно? Для начала, почему вы вообще устроили это интервью?

– Ну, это очень просто. – Командир слегка улыбнулся. – Я ничего не устраивал. Похоже, что кто-то из администрации отеля проболтался журналистам, что мы зарегистрировались там, и тут же появился этот репортер. У меня нет такого богатого опыта встреч с журналистами, какой наверняка имеете вы, полковник, но я всегда был убежден, что раз уж журналисты ищут материал для очередной истории, то самое лучшее – дать его им. Иначе они вынуждены будут придумать ее сами. Если кто-то дает им материал добровольно, они искажают лишь *некоторую* часть его, например мой чин, в противном же случае *весь* сочиненный ими рассказ будет

сплошным враньем. Осознавая все пятнистое прошлое наших легионеров, о котором я имею некоторое представление, я решил, что гораздо разумнее замкнуть интервью на мне, чем позволить репортеру сунуть нос куда не надо.

– Минуточку. Давайте вернемся к тому, что вы сказали буквально секунду назад, – о том, что персонал отеля сообщил журналистам о вашем прибытии. Почему вы сообщили репортеру ваше настоящее имя, а не полученное в Легионе?

– Она уже знала его...

– Она?

– Совершенно верно. Репортером была женщина... даже слишком привлекательная для такой роли. Разумеется, я не позволил сработать этому фактору или дать захватить себя врасплох во время интервью.

– Гм-м-м... Это может создать проблему.

– Мэм?

– Нет, ничего. Продолжайте свою историю, капитан. Я уже начинаю примерно понимать, что, собственно, произошло. И что же насчет вашего имени?

– Так вот, она разыскала меня по имени. Это обычная история, которая частенько со мной происходит. Журналисты часто рыщут по отелям в поисках знаменитостей, и такое имя, как мое, не могло не привлечь их внимания, даже если бы это был просто слух.

– А почему вы указали в отеле свое настоящее имя?

– Оно было на моей кредитной карточке, мэм. Банковская система довольно консервативна и не выпускает кредитных карточек для людей, носящих прозвища. Но несмотря на то что, как известно, я довольно богат, у меня редко бывает наличная сумма, достаточная для оплаты проживания в приличном отеле целой роты легионеров. Однако хочу обратить ваше внимание, мэм, на то, что, хотя в Легионе и используются исключительно прозвища и псевдонимы, я не уверен, что где-то в уставе записано, что легионерам запрещается пользоваться своими настоящими именами.

– Гм-м-м... Интересная точка зрения, капитан. Давайте на минуту отложим ошибку с использованием вашего имени и разберемся с этим самым отелем. Почему вы перевели вашу роту в такой дорогой отель?

– И опять-таки, полковник, я не уверен, что есть такой пункт устава, который запрещает командиру размещать своих солдат там, где он пожелает, особенно если он берет на себя все расходы.

– Я ведь не спрашиваю, имеете вы или не имеете право делать это, – прервала его Секира. – Я спрашиваю вас: *почему* вы это сделали?

Шутт снова посмотрел на устройство, которое держал в руке.

– Так об этом же написано в самой статье, мэм. Наши казармы будут перестраиваться, и роте временно пришлось переехать в отель.

– Так, значит, эта часть статьи не содержит никаких ошибок?

– Да, мэм.

– А вы уверены, капитан, что мы действительно арендуем эти казармы и землю, на которой они стоят, у местного владельца? И если это так, то уверены ли вы, что мы не должны получить разрешение арендодателя, прежде чем производить какую-либо реконструкцию его собственности?

– Совершенно уверен, мэм. Более того, полковник, я купил и строения, и землю, сданную сейчас в аренду Легиону, у местного владельца. Так что разрешение на реконструкцию – не проблема. А заодно, раз уж об этом зашла речь, я хочу поскорее заверить уважаемого полковника, что не собираюсь поднимать цену аренды по сравнению с той, которую Легион платит по контракту сейчас.

– Это делает вам честь, – чуть скривившись, заметила полковник. – Все это очень интересно, капитан. Но, строго между нами, что вы собираетесь делать с этим вашим новым приобретением, если мы когда-нибудь оставим это место?

– Ну, в таких случаях я обычно нанимаю кого-нибудь из местных для управления моей собственностью, – пояснил Шутт. – А что касается предмета нашего разговора, то здесь у меня имеется дополнительный интерес: у меня уже есть предложение о покупке перестроенных зданий, если я надумаю их продать. Кое-кто уже успел ознакомиться с архитектурными набросками и планами и решил, что здесь можно устроить прекрасный загородный клуб.

– Это приобретение, стало быть, в итоге принесет вам прибыль.

– Разумеется.

– А, собственно, чему я удивляюсь? Но давайте вернемся к статье, капитан, и, возможно, вы все-таки объясните, почему надо было перевозить роту для временного проживания в один из лучших отелей на планете? А заодно объясните, пожалуйста, с какой это стати вы назвали там свою роту элитными войсками?

– Вот это как раз и есть еще один домысел, вина за который лежит целиком и полностью на журналистке. Я сказал лишь о том, что нахожусь здесь по «специальному назначению», а уж она сделала из этого свои собственные выводы. Что же касается качества нашего временного жилья... могу ли я говорить прямо, полковник?

– Пожалуйста, извольте. Если вы сможете прояснить ситуацию без затягивания этого... дорогостоящего разговора, это будет принято во внимание... хотя, я вижу, было бы разумнее сделать этот вызов с переводом оплаты на получателя.

– Что касается перестройки казарм, дорогого отеля для временного проживания и еще некоторых вещей, о которых вы, без сомнения, еще услышите не раз, то они часть моего плана по перевоспитанию роты. Вы должны понимать, что эти люди были *унижены* как собственным сознанием своей неполноценности, так и *внушением* этого со стороны, причем происходило это так долго, что у них почти не было возможности *усомниться* в этом, и потому они вели себя и действовали соответствующим образом. Все, что я хочу сделать, так это относиться к ним так, будто они – избранные войска. Так всегда поступают с атлетами при подготовке к соревнованиям. Держу пари, что в ответ они проявят себя победителями, потому что почувствуют себя таковыми.

– Если и дальше следовать вашей теории, то получается так: если они будут выглядеть как отборные войска и вести себя как отборные войска, то и сражаться они будут тоже как отборные войска. Ваше пари как-то слишком теоретизировано, капитан.

– Однако мне кажется, стоит все же рискнуть, – твердо заметил Шутт. – А если это не так... ну, что ж, моими деньгами ведь я рискую, не так ли?

– Видимо, так. – Полковник Секира задумчиво поджала губы. – Хорошо, капитан, я дам вам возможность заниматься этим еще некоторое время. Если ваша идея сработает, Легион от этого только выиграет. Если же нет, мы останемся с тем, с чем были. Разумеется, сейчас, когда известно ваше настоящее имя, в случае вашего провала, как и на предыдущем месте службы, вам останется только исчезнуть с глаз долой.

– Разумеется.

– То, что я хочу сказать, капитан Шутт, так это, что в данном случае вы уязвимы гораздо больше, нежели Легион.

В голосе полковника звучала неподдельная заинтересованность, которая согревала его в эти ранние утренние часы.

– Разумеется. Благодарю вас, полковник.

– Очень хорошо. Я попытаюсь прикрыть весь шум вокруг вашего дела. А вы займитесь перевоспитанием вашей роты. У меня есть подозрение, что это потребует всего вашего времени и сил. Но на будущее, во всяком случае, постарайтесь держать меня в курсе, если пресса

вновь заинтересуется вами или вашей ротой. Вы не единственный, кого не устраивают вот такие утренние побудки.

– Да, мэ. Я постараюсь это учесть.

– И еще, капитан...

– Да, мэ?

– Относительно перестройки ваших казарм. Как вы думаете, сколько на это уйдет времени?

– По моим прикидкам, недели две, мэ.

Улыбка триумфа озарила лицо полковника.

– Я так и предполагала. Вам, возможно, будет интересно узнать, капитан, что точно такой срок назвала моя сестра, когда решила пристроить новую веранду к своему загородному дому. Секира закончила!

Шутт подождал, пока передаваемое изображение полностью исчезло, и только тогда облегченно вздохнул.

– Все прошло в лучшем виде, – заявил он.

– Да, сэр, – поддержал его Бикер. – Но я обратил внимание, что вы не удосужились сказать полковнику о том, что купили не только казармы и землю, но и строительную фирму, которая будет заниматься реконструкцией.

– Мне показалось, это был не самый подходящий момент для подобной информации. – Командир подмигнул. – При случае напомните мне, что надо посадить кого-нибудь специально на связь, чтобы вы не забивали себе этим голову.

– Хорошо, сэр... и спасибо вам.

– Не нужно никаких благодарностей, Бик. Просто у тебя и без того полно всяких забот.

Шутт потянулся и выглянул в окно.

– Итак... что сегодня у нас на повестке дня?

– Но, сэр... вы же сами заметили, что я разбудил вас слишком рано.

– Да, но теперь-то я уже встал. Так что давай приниматься за работу. Позвони офицерам и сержантам, и в первую очередь Шоколадному Гарри. С какой стати они должны валяться в постели, когда я работаю?

Глава 6

Дневник, запись № 024

Я не буду делать даже попыток передать все ощущения, связанные с дежурством роты на болоте, хотя впечатления моего шефа от того первого дня, когда он присоединился к ним в этом задании, могли бы, без сомнения, кого-то и заинтересовать. Это мое решение объясняется вовсе не недостатком желания или способностей передать всю глубину его чувств, просто я не так уж много об этом знаю, поскольку самому мне так и не довелось побывать с ротой на болоте – этому обстоятельству я чрезвычайно порадовался, когда увидел состояние их формы в конце того самого дня.

Песивец почти смирился с пребыванием в его отеле легионеров. При этом не следовало игнорировать и тот желанный денежный поток, который хлынул после затянувшегося периода застоя; к тому же солдаты, как оказалось, не столь уж и беспокойны, как он опасался. Он даже поймал себя на искренней попытке потратить часть собственного энтузиазма на улучшение их быта. Однако эти благие намерения в момент улетучились, когда в конце дня он увидел приближавшихся к дверям отеля легионеров, описать которых можно было, разве что сравнив их со стадом свиней, заполонивших тротуар.

По пояс в грязи, а в отдельных случаях едва ли не по уши, они мало чем напоминали тех самых людей, которые вчера поселились в отеле. К сожалению, любой намек на наличие сходства терялся в густом слое серо-зеленой мерзости. Липкая на вид, эта грязь, как заметил Песивец, не имела достаточной вязкости, чтобы оставаться на своих владельцах, и комьями падала на тротуар, а следовательно, неизбежно такая же участь ждала и ковер, расстеленный в холле.

– *Стойте там!*

Это прозвучал голос командира легионеров, или, как Песивец был склонен о нем думать, главаря банды. Резкий, как удар хлыста, он заставил эти декорированные грязью фигуры если не замереть, то по крайней мере не двигаться дальше порога холла.

Управляющий с некоторым удивлением наблюдал за тем, как Шутт, чей мундир был заляпан болотной грязью не менее, чем и у его солдат, протиснулся сквозь передние ряды и предстал перед столом дежурного, осторожно пройдя через холл, словно через минное поле.

– Добрый вечер, Песивец, – вежливо произнес он, оказавшись в непосредственной близости от управляющего. – Не могли бы вы пригласить заведующего вашим хозяйством присмотреть за... Впрочем, нет, не нужно. Они будут вести себя очень аккуратно.

С этими словами он прихватил со стола две пачки газет, отпечатанных на бумаге, как их предпочитали видеть еще многие, а затем вытащил из относительно чистого кармана рубашки несколько купюр.

– Вот... этого должно быть достаточно. Да, и еще, Песивец...

– Слушаю, мистер Шутт, – с отсутствующим видом отреагировал управляющий, обдумывая, как взять деньги, не замавав при этом рук. Переложить это на кого-нибудь другого казалось ему единственным выходом.

– Вы не знаете, все ли готово в Большом бальном зале?

– В некоторой степени да, сэр. Один из ваших сержантов решил поставить перегородку, чтобы как-то разделить мужчин и женщин, и поскольку понадобилось дополнительное помещение, пришлось открыть одну из соседних комнат для приемов...

– Да-да, – перебил его Шутт. – Но они готовы?

– Да, сэр. Если хотите, я сообщу, что вы уже прибыли.

– В этом нет необходимости, Песивец. Но все равно спасибо, – сказал командир, начиная пробираться к дверям.

– *Внимание! Слушайте меня!*

Легионеры выжидающе молчали.

– Вот чего я хочу от вас: назначенные в наряд легионеры возьмут вот эти газеты и разложат их на ковре от дверей к лифтам. Остальные должны медленно двигаться за ними, по возможности не сходя с этой дорожки. Часть газет нужно оставить для лифтов, и еще пачку захватите с собой, чтобы разложить на этажах. Давайте постараемся свести весь беспорядок к минимуму, чтобы потом поменьше делать уборку. Понятно?

– *ДА, СЭР!*

– А что случилось с прислугой?

Свист, раздавшийся откуда-то из задних рядов, был сопровожден смехом и беспорядочными репликами. Шутт в очередной раз попытался утихомирить роту.

– Позвольте мне ответить на этот вопрос раз и навсегда, – заявил он. – Пока мы гости этого отеля, в нашем распоряжении *будет* и прислуга, и даже прачечная.

Крики, готовые хлынуть подобно новой волне энтузиазма, были остановлены очередным взмахом руки.

– *Однако* я напоминаю вам, что это в некотором смысле привилегия, и злоупотреблять ею *не следует*. Если я замечу, что кто-то из вас вынуждает обслуживающий персонал выполнять лишнюю или малоприятную работу, или, хуже того, задерживаться на работе из-за лени или неосмотрительности тех, кто находится под моей командой, будут предприняты соответствующие меры. Во-первых, персонал отеля получит дополнительную плату, в соответствии с проделанной работой. Во-вторых, эти деньги будут вычтены из вашего жалованья, а не включены в общие мои расходы по содержанию вас в этом отеле. И, наконец, всякий раз, когда я замечу, что вы относитесь к труду обслуживающего персонала без должного уважения, вы будете переводиться на самообслуживание – в качестве дополнительного дежурства. Я выражаюсь достаточно ясно?

– *Да, сэр!*

– Хорошо! А теперь я хочу, чтобы вы поднялись наверх, привели себя в порядок, а затем спустились в бальный зал...

Новый взрыв криков и свиста прервал слова командира, хотя причиной этому был вовсе не он. Остановившись на середине фразы, Шутт повернулся, чтобы взглянуть, чем было привлечено внимание роты.

– *О-о-о-ой-и-и-и!*

– Это еще что такое?

– Берегитесь, девочки!

– Как насчет поцелуя, сладенький?

В дверях отеля стоял Шоколадный Гарри, хотя слово «стоял» едва ли могло полноценно передать ту картину, которую он собой являл. Он держался прямо, словно оружейный шомпол, несмотря на свою полную, почти грушевидную фигуру, а с его лица не сходила самодовольная улыбка богатого барона, наблюдавшего за своими вассалами. Но главным объектом внимания окружающих и причиной его удовольствия была его новая форма.

Вместо обычной полинявшей и изношенной формы Гарри щеголял теперь в вельветовом комбинезоне глубокого черного цвета. Перемены в его облике были просто сногшибательны, и контраст между ним и его облепленными грязью обожателями делал его похожим на только что сошедшего с рекламного щита новобранца. Доходящие почти до колен высокие сапоги, сделанные из материала, напоминавшего мягкую замшу, с низкими широкими каблук-

ками словно добавляли ему роста, когда он, встав по стойке «смирно», отдавал своему командиру честь так, будто находился на учебном плацу.

– В Большом бальном зале все готово, сэр!

Шутт мог бы испытывать раздражение от того излишне парадного тона, с каким его сержант сделал этот доклад, если бы не забавное впечатление, что создавал вид Гарри, излучавший довольство от новой формы. Было абсолютно ясно, что сержант был просто не в силах удержаться от искушения пустить пыль в глаза, выставясь перед остальными legionерами. С трудом подавляя улыбку, Шутт ответил на его приветствие.

– Спасибо, Ш. Г. Мы очень скоро будем там. Проследи, чтобы все пришли.

– Слушаюсь, сэр.

И вновь последовал ритуал отдания чести, который командир вынужден был повторить, прежде чем вновь обратиться к роте.

– Как я уже сказал, после того, как вы приведете себя в порядок, все мы собираемся в бальном зале. Вы уже обратили внимание на новую форму, она появилась именно сегодня, и в зале вас будут ждать портные, чтобы окончательно ее подогнать. Выполняйте.

Его последние слова потонули в гиканье и громких возгласах одобрения, и legionеры тут же двинулись в отель, чуть было не позабыв слова командира про газеты.

Следуя у них в кильватере, он увидел, как Шоколадный Гарри, окруженный кучкой legionеров, любовавшихся формой, поджидал своей очереди к лифту.

– Сержант?

– Да, сэр?

Сержант-снабженец отошел от своих обожателей и заторопился в сторону Шутта.

– Расслабься, Ш. Г. Форма выглядит на тебе великолепно.

– Спасибо, сэр. Я имею в виду... она мне вполне подходит, не так ли?

Гарри даже вытянул шею, чтобы попытаться поймать свое отражение в одном из зеркал, висевших в холле.

– Мне, правда, казалось, что изначально она была с рукавами.

– Да, именно такой она и была извлечена из упаковки, – подтвердил догадку командира сержант, – но я замолвил словечко человеку, занимавшемуся ее подгонкой, и убедил его, что можно обойтись и без них. Мне так больше нравится, легче двигаться.

Он подвигал руками вперед и назад, а затем, как бы в доказательство своих слов, согнул их в локтях, напрягая мышцы.

– Пожалуй, в этом что-то есть, Ш. Г. Возможно, я попробую сделать подобное с парочкой своих комплектов форменной одежды.

Шутт довольно отчетливо представил себе Гарри, спорящего с дизайнерами новой формы.

– Сделайте это, кэп. Чертовски удобно. Ух! Мне все же надо идти. Сейчас будет небольшая запарка.

– Ну ладно. Идите занимайтесь своими делами, сержант.

Командир наблюдал некоторое время, как Гарри удалялся, затем, осторожно ступая по газетам, вернулся к столу дежурного, изображая злодея из мелодрамы.

– Простите, Песивец...

– Да, мистер Шутт?

– Меня должен будет разыскивать некто Чарли Даниелс. Если он подойдет к вашему столу, направьте его, пожалуйста, прямо в пентхаус. Я буду вам очень признателен.

– Непременно, с... ах, скажите, а это, случаем, не Чарлз Гамильтон Даниелс III?

– Именно. Направьте его прямо ко мне, как только он появится.

– Мистер Даниелс?

Жилистая фигура, возникшая на пороге пентхауса, утвердительно кивнула, отвечая на вопрос Бикера.

– Да, сэр. Я хочу повидаться с капитаном Шутником.

Дворецкий колебался лишь какую-то долю секунды, прежде чем отступил в сторону, пропуская гостя.

– А вы неплохо здесь устроились, – сказал тот, оглядывая внутреннее помещение. – И очень просторно.

– В действительности мне для ощущения комфорта хватило бы и меньшего числа комнат, – заметил Шутт, выходя из спальни и все еще продолжая вытирать полотенцем волосы. – Я и арендовал-то этот пентхаус только потому, что нам нужно было иметь помещение для временной штаб-квартиры.

Он жестом указал на массу оборудования для связи в дальнем углу номера, возле которого лениво развалился на стуле легионер, затачивающий складной стилет и наблюдающий за аппаратурой.

– Хорошо. – Даниелс одобрительно кивнул. – Я тоже никогда не выставлял напоказ своего богатства. Всегда полагал, что просто или оно есть, или его нет.

Визитер явно следовал этому своему принципу и на практике, о чем свидетельствовал его костюм, в котором он явился в гости: потертые голубые джинсы, простой свитер и пара ковбойских сапог. И только если удавалось заглянуть в его полуприкрытые глаза, подвижные, проглядывающие из морщинок на загорелом лице, лишь тогда можно было узнать правду: вне всяких сомнений, это не были глаза записного лентяя, они могли принадлежать только Чарлзу Гамильтону Даниелсу III, одному из самых богатых людей на этой планете.

– Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить, мистер Даниелс? – спросил Бикер, удостоверившись, наконец, что впустил к своему шефу именно того человека.

– Да, на пару пальцев бренди, если он только найдется в баре, который я заприметил вон там... я бы не отказался... и, пожалуйста, называйте меня просто Чарли. «Мистер Даниелс» – это только для юристов, моих или чужих.

– Хорошо, мистер... Чарли.

– Я сам позабочусь об этом, Бикер, – сказал Шутт, бросив полотенце в спальню и закрывая дверь. – Мне бы хотелось, чтобы ты отправился вниз, в бальный зал, и взглянул на то, что там происходит.

– Да! – вступил в разговор легионер, дежуривший около аппарата связи. – И скажите им, чтобы кто-нибудь поднялся мне на смену, я тоже хочу спуститься вниз.

Дворецкий холодно вскинул брови, глянув в его сторону.

– Пожалуйста, – торопливо добавил легионер.

– Хорошо, сэр.

– А почему тебе просто не пойти вместе с ним, а, Рвач? – поинтересовался командир, стоя около бара. – Я послежу за аппаратурой, пока мы с Чарли здесь немного поболтаем.

– Спасибо, капитан, – отозвался легионер, отрываясь от стула, и прежде чем последовать за дворецким, убрал в карман нож.

– Вот так-то лучше, – заметил Даниелс, поворачивая голову и вытягивая шею, дабы убедиться, что Рвач их уже не слышит. – А то я уж подумал, что нам придется разговаривать в присутствии одного из твоих парней, который того и гляди наставит на меня нож. Черт побери, просто мороз по коже, извини за резкость. Так я полагаю, ты пригласил меня немного поговорить о делах.

– Если бы именно это было у меня в голове, я бы непременно попросил его остаться. – Шутт рассмеялся, протягивая гостю стакан с теплым бренди. – На самом деле я очень ценю, что ты заглянул ко мне, Чарли. Вообще-то мне следовало самому к тебе зайти, но я по горло занят реорганизацией этой роты, а надолго откладывать разговор с тобой мне бы не хотелось.

– Никаких проблем, сынок. Так это то, что происходит внизу, в бальном зале, так всех взбудоражило?

– Сегодня привезли новую форму для легионеров. Они все очень хорошие ребята, но сейчас ведут себя как сборище детей, ссорящихся из-за новой игрушки. Каждый хочет быть первым на примерке, чтобы успеть пустить пыль в глаза своим новым обмундированием.

Даниелс понимающе кивнул:

– Так дело только в этом? Когда я вошел, целая толпа их заполняла холл. К тому же следует заметить, что обмундирование, которое на них было надето, выглядит совсем не так, как обычный государственный заказ, из тех, что мне доводилось видеть.

При этом он бросил долгий хитроватый взгляд в сторону Шутта, который был занят своей выпивкой.

– Да, это не совсем стандартное обмундирование, – с неохотой пояснил командир. – Я заказал его специально для нас, причем полный комплект: полевая форма, парадная и рабочая. Ты, возможно, знаешь дизайнера. Он из местных... его зовут Оли Вердэнк.

– Оли? Ты имеешь в виду парнишку Хельги?

– Я... думаю, да, – сказал Шутт. – Он единственный дизайнер в колонии, носящий такое имя.

– Неплохо. – Даниелс кивнул. – Он талантливый парень, и умеет работать... и выстав-
ляться. Должен сказать, я всегда считал, что люди, занимающиеся дизайном одежды, слегка... ну, ты понимаешь... пока не встретил Оли. Плечи как у быка, вот такие. А женат на малень-
кой и очень симпатичной девице. У него, правда, есть характер, и не совсем подходящий для
дизайнера. Я даже слегка удивлен, что он согласился на тебя работать.

– Я пообещал ему компенсировать все потенциальные потери от возможных заказов. –
Командир пожал плечами и продолжал разглядывать свой стакан, взбалтывая его содержимое
легкими движениями пальцев. – После этого он, похоже, уже не имел особых причин для воз-
ражений.

– Должен сказать, для него это выгодное предложение. И могу себе представить, – ска-
зал Даниелс, – как он потеет там внизу, при такой очереди, когда две сотни легионеров хотят
поскорее примерить свою форму, – как одноногий, которому пришлось участвовать в сорев-
нованиях по бегу.

Шутт, не скрывая усмешки, представил себе эту живописную картину и только потом
ответил.

– На самом деле все обстоит не настолько плохо. Там ведь есть и еще полдюжины порт-
ных, которые ему помогают, – почти все, кого я смог найти в этой колонии.

Даниелс громко фыркнул:

– Да уж, они только и мечтали о том, как бы поработать вместе. У тебя есть стиль, можешь
мне поверить. Но мне кажется, ты хотел обсудить со мной какое-то дело?

– Да, это так, – сказал командир, чуть наклоняясь вперед на стуле. – Я хотел поговорить
с тобой о тех благах, что на сегодняшний день может дать болото.

– Не знаю, как у твоей роты, – сказал Чарли, – но у нас сегодня день был весьма удачный.
Мы нашли три чудесных камня. Они сейчас здесь, со мной – можешь, если хочешь, взглянуть
на них. – Он достал из кармана маленький мешочек и бросил его Шутту. Командир открыл
его и вытряхнул на ладонь три небольших камешка.

– Симпатичные, – сказал он, стараясь придать своему голосу восторженное звучание,
хотя на самом деле посчитал камни совершенно невыразительными. Они были маленькие,
самый большой – со стеклянный шарик от детской игры, а самый маленький размером был не
больше горошины. Тусклые, с коричневыми крапинками, они, казалось, ничем не отличались
от обычных камешков, какие можно было найти в саду.

– О, сейчас они выглядят не совсем так, как должны, – заметил Даниелс, словно читая мысли Шутта, – но это легко исправить небольшой полировкой. А вот как они выглядят в окончательном варианте.

Гость протянул руку, показывая перстень на пальце. Камень, вставленный в оправу, был крупнее тех, что рассматривал Шутт, около дюйма в длину. Он имел тот же коричневатый цвет, что и у необработанных камней, но сверкал ослепительным блеском, и в его глубине всякий раз, когда Даниелс поворачивал руку, вспыхивали и плясали красные и голубые искорки. Создавалось впечатление, что в этом камне успешно сочетались тигровый глаз и опал.

– *Очень* симпатичные, – пробормотал Шутт, на этот раз без притворства. Он никогда раньше не встречал ничего подобного и некоторое время просто не мог оторвать глаз от перстня, игравшего яркими вспышками.

– Я так и знал, тебе понравится то, что мы там вымываем, пока вы несете сторожевую службу. Причина, по которой цена этих камешков чрезвычайно высока, – их редкость. Вот этот камешек, который ты держишь в руках, стоит почти столько же, во сколько обходится трехмесячное содержание твоих легионеров.

– В самом деле? – Шутт был искренне удивлен. Он аккуратно сложил камни в мешочек и вернул его Даниелсу. – Должен признаться, я и не предполагал, что они могут быть такими ценными. Гм-м-м... это, пожалуй, и мудро – не упоминать про их стоимость в присутствии моих солдат. Я хочу сказать, что доверяю им, но...

– Не стоит лишний раз вводить их в искушение, да? – Чарли усмехнулся. – Сынок, я ценю твое мнение, но мы уже и сами додумались до этого. Кроме того, даже если кто-то сумеет удрать с несколькими такими красавцами, это не будет сулить ему ничего хорошего. У нас здесь каждый знает, кто мы такие, и любой чужак, попытавшийся продать один из таких камней, окажется в положении обезьяны на конкурсе красоты. Его невозможно будет продать никому из местных, а мы не выпустим без проверки ни единого шаттла, если обнаружим пропажу даже одного камня.

– Хорошо. – Шутт удовлетворенно кивнул. – Тогда с этим нет никаких проблем. Но на самом деле я хотел поговорить с тобой о том, как моя рота провела сегодняшнее дежурство.

Даниелс чуть прищурился, задумался на минуту, потом тряхнул головой и сделал очередную глоток.

– Что ж. Не могу сказать, что сегодняшний день был чем-то необычен, но, с другой стороны, не могу и похвалить, что внимательно за этим следил.

– Вот и они тоже, – ровным голосом заметил Шутт. – Впрочем, они не обращали внимания ни на что, за исключением своих сканеров.

– Сканеров?

– Именно. Ведь ты должен знать, что эти устройства запрограммированы так, что подадут сигнал тревоги, если в зоне их действия появляется что-то опасное?

– Я знаю, о чем ты говоришь. Дело в том, что мы тоже ими пользуемся. Это одно из обязательных условий, которые включены в страховку работающих на шахтах людей. Я только не понимаю, что тебя в этом смущает?

Шутт резко встал и взволнованно начал расхаживать по комнате.

– Проблема в том, что мои солдаты, как я мог заметить, слишком полагаются на эти приборы. И если они вдруг окажутся неисправны или, что более вероятно, если появляется нечто, не учтенное в заложенной программе, тогда мы не сможем обнаружить опасность до тех пор, пока на кого-то не нападут или не случится что-то еще.

Даниелс нахмурился, на его лице появились морщинки.

– Никогда не задумывался над этим, но ты очень верно подметил, сынок.

– Более того, – продолжил капитан, – мне не нравится, что мои солдаты зависят от техники, которая даже думает за них. Хотя сам я почти постоянно пользуюсь компьютером, но

по-прежнему всякий раз, когда принимаю важное решение, полагаюсь не на машину, а на собственный разум.

– И что же ты предлагаешь?

– Я хочу провести тренировочный курс, чтобы ознакомить каждого подчиненного мне legionера с самыми разными неприятностями, которые исходят от различных форм жизни, наблюдаемых в этом районе. Но чтобы сделать это... – Шутт немного поколебался, затем глубоко вздохнул и быстро продолжил: – Мне придется выключить все эти устройства, чтобы мои legionеры в своей работе полагались только на результаты собственных наблюдений и выводов. Но при этом что-то может произойти, могут пострадать шахтеры, вот я и хочу получить твое одобрение, как главы синдиката, нанявшего нас, прежде чем заниматься подобными экспериментами.

– Черт возьми, – сказал Даниелс, – у меня никогда не было таких проблем, хотя, как я теперь понимаю, рано или поздно они должны будут возникнуть. Однако никакой серьезной опасности здесь нет. Я уже говорил, все это сделано лишь для того, чтобы успокоить людей, а не для чего-то еще. Раньше мы работали без всяких сканеров или охраны, это потом уже люди стали настаивать на использовании достижений цивилизации. Так что можешь спокойно проводить свои тренировки. Я позабочусь, чтобы шахтеры знали, что происходит на самом деле.

– Спасибо, Чарли. – Шутт улыбнулся, довольный тем, что его предложение было принято с такой легкостью. – Да, кстати, что касается потенциального влияния на процент страховки...

– Не стоит вообще беспокоиться об этом, – возразил шахтовладелец. – Просто скажи своим людям, чтобы они держали эти сканеры под рукой даже тогда, когда они выключены. Если вдруг у нас возникнут какие-то проблемы или нам потребуются сделать официальные записи о происходящем, мы просто будем классифицировать такой случай как «временную неисправность аппаратуры» или что-нибудь в этом роде. Все эти страховщики любят устанавливать нам разные правила, но никого из них не затащишь на болото, чтобы проверить, как мы эти правила выполняем.

– Я бы предпочел не устраивать обмана со страховкой, – очень осторожно заговорил Шутт. – Если бы вместо этого мы...

Настойчивый писк устройства связи прервал его, и он остановился на половине фразы, чтобы ответить на вызов.

– Капитан Шутник.

– Это Бикер, сэр. Мне весьма неудобно беспокоить вас, сэр, но не могли бы вы спуститься вниз, когда освободитесь?

– Что случилось, Бик?

– Ну, здесь, похоже, есть некоторые затруднения с примеркой формы для синтианцев. Особенно возмущены портные. Они тщатся убедить дизайнера, что с этой формой сделать ничего нельзя.

Шутт скорчил гримасу:

– Хорошо. Я спущусь вниз, как только покончу с делами... думаю, минут через пятнадцать. Шутник закончил.

– Кто это такие – синтианцы? – с любопытством спросил Даниелс.

– Гм-м-м? Извини, Чарли, здесь у нас небольшая проблема. Синтианцы... это... ну, ты должен был видеть их на дежурстве. Они не люди, у них стебельчатые, как у крабов, глаза и длинные веретенообразные руки.

– Это такие маленькие парни? Действительно, я видел их. Они симпатичные, если внимательно к ним присмотреться. И вот что, капитан... Можно мне переговорить с этим парнем, Бикером, по вашей связи?

Командир колебался лишь мгновение, прежде чем согласиться.

– Разумеется, Чарли. Секундочку.

Он быстро набрал номер Бикера на наручном устройстве связи.

– Бикер слушает.

– Это снова Шутник. Бикер, Чарли хочет что-то сказать тебе.

После этого он протянул руку к своему гостю, указывая ему на микрофон.

– Вы внизу, Бикер? – спросил Даниелс, непроизвольно повышая голос, будто пытаясь таким образом перекрыть разделявшее их расстояние.

– Да, сэр.

– А нет ли случайно среди ваших портных парня по имени Джузеппе?

– Я не уверен, сэр. Если вы подождете минуту, то я...

– Такой невысокий малый с лицом, напоминающим изюм, и с торчащими усами.

– Да, сэр. Он здесь.

– Ну, тогда подойдите к нему и передайте, что Чарли Даниелс сказал: если он будет валять дурака и не сможет подогнать форму на этих маленьких чужеземцев, станет ясно, что присутствующий рядом со мной командир зря похвастался, что нанял хорошего портного.

– Хорошо, сэр.

Даниелс откинулся назад и подмигнул Шутту.

– Все в порядке. Это, я думаю, должно сработать.

– Шутник закончил, – сказал командир в микрофон, прежде чем выключил устройство. – Спасибо, Чарли.

– Рад был помочь, – сказал тот, отставляя стакан и поднимаясь на ноги. – Тебе не стоит беспокоиться по поводу нашей страховки. Я уверен, при необходимости мы будем в состоянии что-нибудь придумать. Мне кажется, у тебя и без того полно хлопот со своей ротой. Желаю удачи в этой неблагодарной работе!

Разумеется, мой шеф испытывал нечто большее, чем просто беспокойство за подчиненных ему легионеров. В первые дни своего вступления в должность командира он немилосердно изматывал себя, работая над тем, чтобы как можно лучше узнать всех своих подопечных. В качестве примера можно взять хоть тот же самый день, когда последовал ранний звонок из штаб-квартиры, день, когда он первый раз отправился на дежурство, когда заказал роте новую форму и встретился с Чарли Даниелсом, чтобы обсудить использование сканеров. И вот, вместо того чтобы на этом закончить, мой шеф пригласил еще и младших офицеров для вечерней беседы.

– Для начала, – сказал командир, чуть наклонившись вперед на стуле, – позвольте мне повторить, что цель этой вечерней встречи – объединив наши мысли и наблюдения, получше узнать друг друга. Я понимаю, легионеры сами решают, кому с кем им дружить, а кого следует избегать в свободное от дежурств время, но мы, офицеры, не можем себе позволить подобной роскоши. Мы должны работать с каждым легионером нашей роты, нравится он нам или нет, а значит, по возможности знать все о тех, с кем имеем дело. Это ясно?

– Да, сэр!

Шутт постарался скрыть, как он вздрогнул при таком ответе, делая вид, что потирает усталые глаза, причем это движение ему не пришлось даже изображать. Пока капитан был занят тем, что старался как можно удобнее разместить своих лейтенантов на диване, он заметил, что сейчас они держались друг с другом более свободно, чем при первой их встрече, хотя некоторая натянутость отношений и нервозность от присутствия командира еще оставались.

– Позвольте также мне извиниться за столь поздний час. Я знаю, что всем давно пора отправляться спать, но тем не менее хочу хотя бы разок пробежаться по списку, пока наши впечатления от сегодняшнего дежурства еще не стерлись в памяти, особенно у меня.

Не услышав ничего в ответ, он коротко усмехнулся, глядя на лейтенантов. Вздыхнув про себя и оставив надежду создать на этой встрече атмосферу непринужденности, он стал рассчитывать только на время и на возможность разговорить офицеров.

– Ну, хорошо. Я заметил, вы что-то себе помечали, лейтенант Рембрандт. Давайте начнем с ваших наблюдений.

– Моих, сэр? Я... С чего вы хотите, чтобы я начала?

Шутт только пожал плечами.

– На ваше усмотрение. Мы все равно собираемся обсуждать каждого, так что совершенно не важно, с кого вы начнете... Итак, лейтенант?

– Сэр?

– Постарайтесь немного расслабиться. Это всего лишь неофициальная беседа для обмена мыслями. Хорошо?

Рембрандт сделала медленный глубокий вздох и кивнула.

– Прежде всего я, наверное, должна отметить, что большую часть своей информации получила от Бренди, старшего сержанта. Я... Я все же делаю попытки сама командовать солдатами и думаю, что эта информация для начала мне поможет.

Командир кивнул:

– Звучит вполне рассудительно. Сержанты работают бок о бок с легионерами, так что нам следует прислушиваться к тому, что они говорят, когда делятся своими мыслями. Продолжайте.

– Вероятно, лучше будет начать с наших наиболее необычных легионеров, – продолжила Рембрандт, понемногу расслабляясь. – Мне кажется, раз уж нам все равно придется тратить массу времени на то, чтобы выяснить, как с ними быть, лучше бы заняться этим как можно раньше.

Она остановилась, чтобы заглянуть в свои заметки и найти нужную страницу.

– На основании этого можно сказать, что самые большие трудности, требующие срочного решения, у меня вызывает один из слюнтяев. У нее...

– Один из кого?

Слова вырвались у Шутта прежде, чем он успел обдумать вопрос. Оба лейтенанта были явно озадачены, и командир мысленно обругал себя. Слишком резко для непринужденной беседы.

– ...слюнтяи, сэр. Во всяком случае, так называет их Бренди. Когда мы разговаривали, она разделила «трудных» легионеров на две группы: на слюнтяев и уголовников.

– Понимаю.

Командир мысленно колебался некоторое время, пока лейтенанты молча наблюдали за ним. Наконец он покачал головой и вздохнул.

– Очень заманчиво поддерживать непринужденную беседу, – сказал он, – и поэтому я действительно хочу, чтобы вы двое чувствовали себя как можно удобней и разговаривали свободно. Но вы затронули болезненное место, Рембрандт, и я не могу просто так это оставить. Я не хочу, чтобы кто-то из командного состава, то есть из офицеров или сержантов, имел привычку в разговорах о роте или о какой-то ее части использовать унижительную терминологию. Слова влияют на наши собственные взгляды и отношения, и даже если мы будем подавлять это внутри себя, эти слова, произнесенные вслух, могут быть услышаны кем-то, кто после этого будет иметь вполне оправданное убеждение, что мы относимся к легионерам с презрением. Я хочу, чтобы вы оба самым активным образом сопротивлялись формированию такого мнения у других и работали над искоренением подобных привычек в себе. В нашей роте всякий заслуживает нашего уважения, и если нам сейчас затруднительно проявлять его, то это только потому, что мы недостаточно хорошо изучили тех, с кем имеем дело, а не потому, что с ними не все в порядке. Согласны?

Оба лейтенанта медленно кивнули.

– Хорошо. И еще, лейтенант Рембрандт, я хочу, чтобы вы поговорили по этому поводу с Бренди. Я имею в виду ее речевые обороты. Возможно, она самый отъявленный нарушитель из всех нас.

– Так это следует сделать мне, сэр? – Рембрандт побледнела. Было ясно, что она не испытывала восторга от предложения вступить в конфронтацию с ужасным старшим сержантом.

– Я могу позаботиться об этом, Рембрандт, – проявил инициативу Армстронг, наскоро записав что-то в своем блокноте.

– Спасибо, лейтенант Армстронг, – спокойным тоном сказал Шутт, – но я бы предпочел, чтобы лейтенант Рембрандт уладила это самостоятельно.

– Да, сэр, я понял.

Шутт некоторое время изучал напряженную позу лейтенанта, затем покачал головой.

– Нет, лейтенант, боюсь, вы меня не совсем поняли. Я сказал вам спасибо, и подразумевал именно это. Я действительно оценил ваше предложение. Оно показывает, что вы начали помогать друг другу, и при других обстоятельствах я бы это только поддержал.

Он слегка подался вперед.

– Я сказал это не потому, что полагаю, будто вы не сможете нормально поговорить с Бренди, а потому, что уверен, именно Рембрандт должна сделать это – по двум причинам. Во-первых, потому, что это она сообщила о выражениях, которые употребляет Бренди, и если вы или я, не важно кто, обратимся к Бренди по поводу того, о чем она говорила с Рембрандт, то создастся впечатление, будто она наушничает нам, что в свою очередь отразится на ее авторитете как командира. У меня здесь есть два младших офицера, а не один офицер и один доносчик. Во-вторых, Рембрандт, это очень важно и для *вас*, чтобы вы разобрались с этими проблемами сами. Знаю, Бренди можно испугаться, и не думаю, что кто-нибудь в этой комнате горит желанием пободаться с ней, но если я позволю вам прятаться либо за Армстронга, либо за меня, вы никогда не сможете, стиснув зубы, нырнуть в воду – я имею в виду, что вы никогда не обретете той уверенности, без которой нельзя стать толковым офицером. Вот почему я хочу, чтобы вы сами поговорили с Бренди.

Некоторое время он обменивался взглядами с лейтенантами, а затем они оба кивнули в знак согласия.

– А что касается того, *как* говорить с Бренди, если не возражаете против непрошеного совета, я просто посоветовал бы вам прежде всего не вести с ней беседу в форме явной конфронтации. О, я понимаю, вы будете нервничать, но попробуйте сделать это как бы между прочим, в форме случайного, даже небрежного разговора. Думаю, в этом случае ей не покажется, что ее привычки были предметом нашего обсуждения. Чем меньше мы будем приказывать и угрожать, тем легче нам будет управлять этой ротой.

– Я попытаюсь, капитан.

– Хорошо. – Командир коротко кивнул. – На *эту* тему мы поговорили более чем достаточно. Итак, прежде чем я прервал вас, вы начали говорить что-то о легионерах, с которыми у вас наиболее затруднительное положение?

– Верно, – сказала Рембрандт, снова роясь в своих заметках. – Один из тех, кого я имела в виду, это Роза.

– Роза? – фыркнул Армстронг. – Вы имеете в виду Вялую Фиалку?

– Да, так ее называют другие легионеры, – согласилась Рембрандт.

Шутт нахмурился.

– Что-то я не помню такую.

– Ничего удивительного, – заметила Рембрандт. – Но если поднатужитесь, может быть, и припомните. Роза, или Вялая Фиалка, – самая застенчивая натура из всех, кого мне доводилось

встречать. С ней совершенно невозможно поддерживать беседу. Все, что она при этом делает, это бормочет что-то себе под нос и смотрит в сторону.

– Я уже давно отказался от попыток разговаривать с ней, – вступил в разговор Армстронг, – и, по моим наблюдениям, к тому же пришел почти каждый в нашей роте. Она, конечно, приятная женщина, к ней сразу начинают проявлять интерес молодые люди с естественным желанием узнать ее поближе, но тут же они начинают ощущать себя этакими Джеками Потрошителями.

– То же самое и с женщинами, – сказала Рембрандт. *Каждой*, кто заговаривает с ней, кажется, что она заставляет Розу нервничать. Черт возьми, иногда гораздо проще иметь дело с теми, кто вообще не люди. По крайней мере они всегда готовы к общению.

– Интересно, – задумчиво пробормотал командир. – Я попытаюсь сам поговорить с ней. Армстронг изобразил на лице сочувствие.

– Удачи вам, капитан. Если сможете выдавить из нее с полдюжины слов, это будет гораздо больше, чем она сказала за все время своего пребывания здесь.

– К слову, о нечеловеческих существах, – сказал Шутт. – Я хотел бы услышать ваше общее мнение по поводу того, можно ли разъединить двух синтианцев, когда мы будем делить роту на пары. Я понимаю, как тяжело людям взаимодействовать с подобными созданиями. Если же мы объединим их между собой, то это будет для них лишним доказательством того, как людям трудно с ними общаться. Единственная проблема здесь – то, что я не знаю, как они сами будут реагировать, если их разъединят. Что вы думаете на этот счет?

– Думаю, что об этом вам беспокоиться не следует, капитан. – Сказав эти слова, Армстронг усмехнулся, подмигивая Рембрандт. – Как ты думаешь, Ремми?

– Да, – ответила его напарница, насмешливо растягивая слова, – не вижу здесь никакой проблемы.

Командир переводил взгляд с одного на другого.

– Мне кажется, что я упустил во всем этом какую-то скрытую шутку.

– Правда заключается в том, капитан, – пояснила Рембрандт, – что эти двое друг с другом не очень-то ладят.

– Не ладят?

– Дело в том, сэр, – сказал Армстронг, – что тот мир, где они жили, полон самых настоящих классовых предрассудков. Они оба покинули его, чтобы избавиться от ненавистного окружения.

– Их имена говорят сами за себя, – продолжила Рембрандт. – Один из них, Спартак, выходец из низших классов, в то время как Луи, похоже, это от Луи XIV, происходит из аристократии. Оба они вступили в Легион в расчете на то, чтобы никогда не иметь дела с представителями «ненавистного» другого класса, и можете себе представить, как они были обрадованы, когда получили назначение в эту роту.

– Понятно. А как их взаимная неприязнь отражается на службе?

– На самом деле они достаточно цивилизованны в этом отношении, – пояснила Рембрандт. – Во всяком случае, не похоже, чтобы они проявляли по отношению друг к другу неистовую ярость – они просто избегают друг друга, когда это возможно, а если этого сделать не удастся, то просто обмениваются пристальными взглядами или негромко ворчат. По крайней мере мне *кажется*, что они поступают именно таким образом. По их глазам-стебелькам и трансляторам, которыми они пользуются для разговора с окружающими, судить очень трудно.

– Но суть их отношений такова, капитан, что, мне кажется, они не будут возражать, если им дадут других напарников, – закончил Армстронг и усмехнулся.

– Достаточно откровенно. – Шутт поставил галочку в своем списке, – Хорошо. Кто следующий?

Атмосфера встречи стала значительно более непринужденной, когда командир наконец объявил о ее окончании. Все три офицера валились от усталости и обнаруживали склонность к неудержимому хихиканью при самой глупейшей шутке.

Шутт остался доволен результатами. Затянувшаяся беседа значительно сблизила офицеров, в то время как могла бы с такой же легкостью заставить их вцепиться друг другу в глотки.

– Мне остается только извиниться за то, что я потерял счет времени, – сказал он им. – И вот еще что. Можете поспать завтра подольше, а в девять часов мы вновь продолжим.

Оба лейтенанта драматически охнули.

– Хо! Отлично поработали... вы оба.

– И это он называет «отлично поработали»! – сказал Армстронг, состроив гримасу в сторону своего напарника. – Не думаю, что мы сможем сейчас даже похлопать друг друга по спине, поскольку валимся от усталости. Разумеется, завтра мы начнем с того, на чем остановились.

– Это он говорит потому, что остались еще вещи, которые знаем мы и не знает он, – ословело заключила Рембрандт. – Как только он выжмет нас досуха, мы будем выброшены и забыты. Шутт присоединился к их смеху.

– Продолжайте в том же духе, только поспите хотя бы немного. Оба. Вам нужно набраться сил, прежде чем я снова займусь вами.

– Но все же, капитан, к чему такая спешка? – спросила Рембрандт, прислоняясь к стене. – Для чего эти наши неформальные встречи?

– Минуту назад вы попали как раз в точку, – сказал ей командир. – Вы двое знаете о наших солдатах то, чего не знаю я. И я хочу получить от вас побольше информации как можно скорее, чтобы, когда мы послезавтра... нет, теперь уже завтра начнем проверочные учения на полосе препятствий, я уже знал, что из себя представляет каждый из моих солдат.

Он оторвал взгляд от часов и заметил, что оба лейтенанта не сводят с него глаз. В их взглядах не осталось и следа юмора.

– Что с вами?

Армстронг откашлялся.

– Извините меня, капитан. Вы сказали, что послезавтра мы приступаем к учениям?

– Да, а разве я не говорил вам об этом? Шутт попытался сосредоточиться, чтобы вспомнить, что он говорил, а чего не говорил за последние несколько часов.

– Нет, не говорили.

– Ну, прошу прощения. Я подумал было, что говорил. Я дал указания отряду строителей закончить все работы по устройству тренировочной площадки как раз к сегодняшнему дню.

– Вы хотите сказать, что *наша* рота будет заниматься учениями? – Казалось, что Рембрандт что-то плохо расслышала.

– Конечно. Мы заставили их выглядеть похожими на солдат. Теперь настала пора начать работу над тем, чтобы они ощущали себя и действовали, как солдаты. Разве вы с этим не согласны?

Этой ночью впервые за все время беседы автоматически не прозвучал общий хор согласия. Вместо этого оба лейтенанта молча стояли и смотрели на Шутта так, будто у него выросла вторая голова.

Глава 7

Дневник, запись № 087

Те из вас, кто, как я, закоренелые штатские, и, следовательно, незнакомы со всеми странностями военного жаргона, должны хотя бы иметь представление, что это по сути удивительный, фантастический язык, созданный специально для того, чтобы скрывать активность и направленность действий за внешней невыразительностью. (Мне, например, больше всего нравится определение военных потерь как наличие недееспособных боевых соединений.) Похоже обстояло дело и с так называемыми проверочными учениями.

Представьте себе дорожку, на которой с регулярными интервалами расставлены препятствия, кои солдатам следует преодолеть за минимальный отрезок времени. Короче говоря, это то, что обычные люди называют бег с препятствиями. Однако совершенно не случайно военный персонал никогда не относился к категории «обычных людей». Где-то там, в их затерянном прошлом (вы могли бы и сами заметить, что о прошлом в армии никто не пишет – во всяком случае, до тех пор, пока не отправляется в отставку или незадолго до нее) было решено изменить представление о таком древнем занятии, как бег с препятствиями. Но вместо того чтобы изменить само содержание предмета, изменили его название. Под это была подведена своеобразная теория, гласившая, что новое название более приятно слышать тем, кто непосредственно принимал в этом участие, и оно в большей мере отражает его функции, заключающиеся в том, «чтобы упрочить уверенность солдата, демонстрируя ему (или ей), что он (или она) может действовать вполне эффективно при самых неблагоприятных условиях». Все это, естественно, подразумевало, что такой солдат способен без труда преодолеть установленные препятствия.

Лично я вынужден был бы положиться только на мудрость своего шефа, чтобы использовать проверочные учения как средство сформировать или переформировать отношение к самому себе у каждой отдельной личности, находившейся под моей командой... если бы меня спросили об этом. После просмотра личных дел, не говоря о личных встречах и беседах, я имел серьезные сомнения по поводу способностей их самих, без посторонней помощи, завязать шнурки на ботинках, и еще большие – по поводу того, как они могут показать себя в этом беге с препятствиями... прошу прощения, проверочных учениях. То, что я слышал из их комментариев после первых попыток справиться с этим испытанием, подтверждало, что моя оценка была почти справедливой.

Напряженная тишина зависла над небольшой группой наблюдателей, ожидавших начала проверочных учений... или хотя бы попытки начать их. Из всей четверки, казалось, только командир обозревал арену предстоящего действия с полным спокойствием. Бренди, эта амазонка в роли старшего сержанта, приняла чуть расслабленную строевую стойку и откровенно, чуть нагло улыбалась, выражая собственное презрительное отношение к этому мероприятию, в то время как два лейтенанта то отводили глаза, то обменивались недоуменными взглядами, породненные, хотя бы на время, общим дискомфортом.

Действительно, капитан должен был хотя бы иметь представление о том, что произойдет, когда отдавал приказ об этом испытании... а разве нет? Он знал, что его солдаты привыкли к гораздо менее сложным препятствиям даже по отношению к заниженным стандартам Легиона. Но пока что он вел себя так, словно его ожидания были не иначе как самые высокие. Он даже отдал несколько новых распоряжений, изменяющих условия проведения учений. Кроме того что должно регистрироваться время для каждого участника, когда они небольшими группами начнут преодолевать препятствия, будет оцениваться еще и общее время всей роты. Это означало, что секундомер, запущенный в момент старта первого легионера, будет остановлен лишь после пересечения финишной черты последним. Особенное негодование, отмеченное возмущенными криками и ропотом, вызвал приказ бежать в полной боевой выкладке. Совершенно ошеломленные самой идеей проверочных учений, солдаты были сокрушены «радужной» перспективой тащить на себе все проходившее по графе «оружие и снаряжение», и поэтому неспособны собрать хоть какие-то остатки энтузиазма и энергии. Несмотря на то что передача мыслей считается чистейшей фантазией, легионерами в считанные минуты овладела одна и та же мысль – линчевать нового командира. Что касается результата учений, то он был известен заранее: полный провал. Так и случилось. Хотя кое-кто смог справиться с некоторыми из препятствий, но даже эти счастливицы не проявили во время своих подвигов ни профессионализма, ни элементарной ловкости. Подавляющее же большинство еле двигалось, несмотря на то что было при этом на грани позора. За все время этих «учений» не было такого момента, чтобы на каком-нибудь «сложном» участке полигона не образовалось бы свалки или просто толпы легионеров, топтавшихся перед препятствием, хмуро переругивавшихся друг с другом и бросавших взгляды на холм, где располагались наблюдатели.

Хотя Армстронг и Рембрандт отрицательно относились к подобному мероприятию и уже высказали это своему командиру, но и они были охвачены какой-то смутной тревогой. Шутт объяснил им, что управление ротой лежит на их полной ответственности. Теперь он сам принял на себя часть этой ответственности, но, разумеется, не мог быть повинен в том, что происходило здесь до его появления. Короче говоря, несмотря на кажущееся единство, которое декларировалось на всех встречах, где обсуждались отдельные легионеры, оба лейтенанта полагали именно себя виновными в теперешнем состоянии роты. И несмотря на то что они не сильно переживали по поводу ответственности, они все-таки были обеспокоены осознанием этой вины, когда наблюдали полное фиаско задуманных учений.

А много ли раз вообще водили роту через подобные препятствия? Возможно, если бы они в своих попытках улучшить боеспособность легионеров настаивали на ежедневной физической подготовке, сегодняшнее представление было бы не столь удручающим. Разумеется, они понимали, что если бы раньше попытались реализовать такую программу, то наверняка получили бы при первой же возможности случайный выстрел в спину (такую возможность все еще не стоило сбрасывать со счетов, и это заставило их испытать серьезное беспокойство, когда Шутт предложил раздать для сегодняшней проверки оружие и боекомплекты). Но факт оставался фактом – они даже и не пытались что-то сделать.

Ну, ладно, что было, то прошло, и теперь лейтенантам уже не оставалось ничего иного, кроме как с мрачным видом наблюдать провал этих учений. Пытаясь хоть как-то смягчить охватывающее их смятение, они старались следить за активностью лишь отдельных солдат.

Супермалевка, скорее маленькая девчонка-сорванец, чем легионер, приближалась к трехметровой дощатой стене. Это было суровое препятствие, одно из тех, что пугало даже самых крепких легионеров. Вероятно, поэтому в обход него вела заметная, хорошо протоптанная дорожка, специально для тех, кто, полностью смирившись со своим поражением, мог обойти это препятствие, лишившее его остатка сил после нескольких неудачных попыток с ним справиться. Нечего и говорить, что основная масса легионеров после первых попыток преодо-

леть доски выбрала именно этот маршрут, а многие вообще не делали никаких попыток. Но Супермалявка повела себя иначе.

Основательно разогнавшись, она буквально швырнула себя на деревянную преграду, но лишь врезалась в нее где-то на половине высоты с ударом, звук которого был отчетливо слышен наблюдателям на холме. Это была отчаянная, но бесполезная попытка. Похоже, не оставалось ничего другого, кроме как последовать примеру других и пойти в обход. Но, как оказалось, Супермалявка думала иначе.

Отряхнувшись от пыли, она остановилась лишь для того, чтобы поправить снаряжение, затем разбежалась и снова бросилась на препятствие с еще большей яростью, чем при первой попытке... но с тем же результатом. Вновь звук удара долетел до холма, где стояли наблюдатели. И вновь...

Перед барьером начали собираться другие легионеры, но Супермалявка продолжала настойчивые атаки на стену. Лейтенанты, лица которых выражали недоумение, непроизвольно вздрагивали при каждом ударе, и даже бесчувственная Бренди покачивала головой, поражаясь стойкости маленького легионера. Однако реакция Шутта была совершенно иной и, как всегда, неожиданной.

Мягким широким шагом командир спустился с холма и, прежде чем остальные заметили его движение, направился прямо к препятствию. Выбрав темп ходьбы таким, чтобы оказаться у стены в тот самый момент, когда Супермалявка разогналась, он, словно безликий механизм, подтолкнул ее рукой вверх, перебрасывая через стену в момент очередного прыжка. Хотя, вне всякого сомнения, и удивленная такой помощью, она, даже не оглянувшись, бросилась дальше, к следующему препятствию, на радостях не обратив внимания, чья именно рука подтолкнула ее к успеху.

– Если уж это неудачник, – рявкнул сам себе Шутт, – то я не умею делать ставки!

Старший сержант настороженно перекинулась взглядом со стоявшими рядом легионерами, ожидая неприятного разговора. На их счастье, когда командир продолжил, он говорил уже более спокойным тоном.

– Ну, хорошо, старший сержант, – сказал он. – Мне кажется, мы видели уже достаточно. Зовите всех сюда. Пора прочитать небольшую лекцию.

Бренди, казалось, только этого и ждала. Хотя она все еще весьма скептически относилась к тем переменам, которые задумал Шутт, втайне ей очень нравилось новое наручное переговорное устройство и она была рада любой возможности им воспользоваться. Нажав кончиком пальца кнопку общей связи, старший сержант обратилась к роте через громкоговоритель.

– Отставить упражнения! Повторяю: отставить! Всем собраться на холме! Я имею в виду немедленно! *Шагом марш!*

Несколько негромких одобрительных возгласов донеслось с полосы препятствий, когда прозвучал приказ. Легионеры, прервав свои мучения, с трудом потащились в сторону холма, опустив взгляды к земле. Выглядели они неважно, каждый из них знал это, и все молча ожидали головной убор, которая должна была вот-вот начаться.

Хотя Бренди и была уверена, что на лице у нее написано мрачное раздражение, внутренне она почти ликовала. Определенно сегодняшняя игра более чем оправдала ее слабую надежду, что Шутт увидит небезосновательность ее цинизма. Сейчас она была совсем не против послушать, как он будет распекать этот сброд, который так стойко защищает.

– Мне не хочется говорить вам, что это было весьма жалкое зрелище, – заявил командир, как только к общей группе подтянулись последние легионеры. – Но я бы с интересом выслушал любого, у кого есть смелость или нахальство объяснить, что именно было не так?

– Мы были как стадо коров на льду!

Это прозвучал из дальних рядов обязательный в таких случаях голос, выражающий общее мнение. Но Шутт, казалось, его не придерживался.

– И кто же это сказал? – спросил он, вглядываясь туда, откуда донесся голос.

Под его взглядом толпа легионеров расступилась, оставляя лишь одного, темноволосого, с лицом, напоминающим крысиное, индивида.

– Надо полагать, я... сэр, – заметил он, испытывая явное неудобство.

– Рвач, не так ли? – спросил командир, вспоминая легионера, который дежурил на связи несколько дней назад.

– Так точно, сэр!

– Уж конечно, и в самом деле Рвач, – раздался чей-то громкий шепот, и из толпы послышались раскаты еле сдерживаемого хохота, в то время как одиноко стоявший легионер пребывал в раздражении и замешательстве.

Но Шутт не обратил на это внимания.

– Ну что ж, Рвач, мне очень нравится, что кто-то может высказать свои мысли... только должен заметить, что ты ошибаешься, чертовски ошибаешься.

Легионеры умолкли, выказывая явное замешательство, кроме старшего сержанта, которая была откровенно раздосадована тем, что услышала дальше.

– Плохо было уже то, что вот, как и сейчас, вы стоите там, внизу, а мы, – он жестом указал на четверку наблюдателей, – находимся здесь, на этом холме! Я уже говорил вам раньше, что работа командиров состоит в том, чтобы вместе с вами найти способ сделать из вас умелых солдат, а не стоять здесь и качать головами, глядя, как вы топчетесь и барахтаетесь, сбитые с толку абсолютно бестолковой подготовкой. Более того, мне, наверное, даже следовало бы извиниться перед вами за то, что я пропустил вас через первый круг этих испытаний. Обещаю, что это в последний раз вы в одиночку столкнулись с подобными упражнениями.

Рота притихла, будто пораженная громом, когда Шутт спустился вниз с холма и присоединился к легионерам. Остальные наблюдатели с неохотой последовали его примеру. Целая гамма чувств отразилась на их лицах – от простого смущения до откровенной брезгливости, – но поделать они не могли ничего, кроме как идти следом за командиром.

– Так, теперь уже лучше, – сказал Шутт, показывая, чтобы первые ряды присели, давая возможность задним видеть и слышать его. – Как я уже говорил вам, мы – один отряд. Все мы. Первая ошибка состоит в том, что вы пытались проделать эти упражнения каждый самостоятельно. Однако здесь есть и такие препятствия – что справедливо, впрочем, и для многого другого, что нам еще предстоит, – которые заведомо непосильны для многих из вас. Но действуя вместе, как единый отряд, помогая друг другу, можно добиться многого, и уверяю вас, что не будет ничего, с чем бы мы не смогли справиться. Ничего! Примите это за истину. Выжгите в ваших умах и сердцах, что мы можем все. Тогда останется только прорабатывать детали в каждом конкретном случае.

Рота обнадеживающе внимала его словам, будто и в самом деле хотела, чтобы он оказался прав.

– А теперь давайте перейдем к конкретным примерам и посмотрим, что получится. Да, действительно, трехметровая стена представляет непростую задачу.

Он махнул в сторону названного препятствия, и легионеры согласно кивнули, некоторые с кривыми усмешками.

– Хотя преодолеть ее совсем не сложно, если у вас есть соответствующие рост и сила. Но если этого нет, вы непременно застрянете. Это касается только каждого в отдельности и ко всем нам не относится. Мы представляем единый отряд и не оставим своих товарищей перед этой стеной только потому, что у них не хватает роста. Забудьте о том, что это *ваши* препятствия, и начинайте думать, что это препятствие *наше*, мы все должны преодолеть его. Если, например, кто-то смог оказаться на самом верху и остается там, протягивая руку идущим вслед, то им будет чуть-чуть легче преодолеть эту преграду. Еще лучше, если кто-то из вас с солидной комплекцией использует свои плечи как ступени, позволяя другим с ходу преодолевать

препятствие. Опять-таки задача состоит в том, чтобы максимально использовать возможности каждого, не позволяя вашим недостаткам победить вас.

Теперь улыбались уже многие. Неукротимая энергия командира вливалась в них, и легионеры начали ощущать, что им под силу справиться с любой задачей.

– Или другой пример, – продолжил Шутт. – Среди вас есть такие, кто гораздо слабее других. Или возьмите синтианцев – они слишком малоподвижны. Ну, быть слабым – еще не самый большой недостаток, особенно если это заложено в особенностях физического строения организма. И ваши слабые товарищи не должны страдать от этого больше, чем вы страдаете, например, от того, что не можете летать. Это, конечно, представляет определенную проблему, и мы должны помогать им, потому что это наши товарищи по отряду. Если возникнет ситуация на учениях или в бою, когда время будет решающим фактором, то, чтобы они не отстали, необходимо помочь им, даже если для этого придется удвоить собственную ношу. Помните, что наша цель – стать умелыми солдатами, и мы должны сделать все необходимое, чтобы справиться с этой задачей. А теперь давайте поближе посмотрим на некоторые из этих преград...

И он широким шагом направился в сторону препятствий, относившихся к разряду, именуемому «ямы», а легионеры тесной толпой пошли следом. Дойдя до первой преграды, Шутт повернулся к солдатам, и на этот раз первые ряды опустили без всякой просьбы с его стороны.

Препятствие представляло собой траншею шириной метра четыре, почти до краев заполненную ужасающего вида смесью из вязкой слизи, морских водорослей и грязной воды. Над ней была укреплена арматура, с которой свисали три крепкие веревки. С их помощью легионеры должны были перемахнуть через траншею и продолжить движение, то есть выполнить маневр, который на самом деле был значительно сложнее, чем казался внешне.

– Я уже заметил, что преодоление этого участка всегда вызывает затруднения, – сказал Шутт. – Пока некоторые из вас думают, как бы заставить своих приятелей броситься через эту преграду первыми, хочу отметить, что главная трудность заключается в том, что трех веревок явно недостаточно, чтобы поддерживать нормальный темп переправы.

Он помолчал и внимательно посмотрел на воду в траншее.

– Я прекрасно представляю, как вы гордитесь своей новой формой, но допустим, что сейчас у нас условия, приближенные к боевым, а во время боя не очень-то приходится беспокоиться о сохранности формы. Кто-нибудь из вас может сказать, как глубока эта траншея?

Легионеры переглянулись, но командир, казалось, и не надеялся получить ответ.

– Во время боя, запомните, после инициативы самое важное – информация. И рассудительность. Сержант Бренди!

– Да, сэр.

– Не могли бы вы продемонстрировать роте самый быстрый способ определения глубины этой траншеи?

Легионеры зажмурились, изумленные предложением капитана, но не на шутку перепуганная старший сержант колебалась всего лишь какой-то миг, прежде чем приступить к исполнению приказа. В хрустящей форме и сверкающих сапогах она сделала широкий шаг и смело ринулась в траншею. Обнаружив, что навозная жижа едва доходит до ее весьма объемистой груди, она с достоинством двинулась вброд к противоположному берегу, представляя зрелище, величием ничуть не уступающее вхождению в порт линкора «Бисмарк».

Лейтенант Армстронг, всегда завидовавший выдержке старшего сержанта, сейчас даже не старался скрыть усмешку, в восторге подталкивая локтем лейтенанта Рембрандт. К несчастью, Шутт это заметил.

– Лейтенант!

– Сэр?

Младшие офицеры внутренне содрогнулись, когда капитан резко кивнул в сторону траншеи, но были вынуждены последовать примеру старшего сержанта. Два комплекта офицерских

мундиров окунулись в жидкую грязь, в то время как остальная рота с восторгом наблюдала за этой картиной.

– Как вы могли только что видеть, – спокойно заметил командир, – на самом деле гораздо проще перейти это препятствие вброд, чем выстраиваться в очередь к веревкам. А сейчас, если вы последуете за мной, мы перейдем к другой задаче. Запомните, какой глубины эта траншея, и помогите своим низкорослым товарищам.

С этими словами он повернулся и шагнул в траншею, а добравшись до противоположного ее края, ухватился за руку, которую протянула ему Бренди. Легионеры ринулись следом, словно стая леммингов, сгорая от любопытства, что же еще «прячет в рукаве» их командир.

Следующая преграда была похожа на предыдущую, только траншея была шире и через нее были перекинута три бревна. Шутт не колеблясь вскочил на одно из бревен и быстро перебежал на другой конец траншеи, поманив за собой покрытого болотной грязью Армстронга.

– Это препятствие не такое уж и сложное, – прокричал он с другого берега, – если проявить достаточно сноровки. Разумеется, некоторые из вас справятся с этой задачей, но даже более подготовленным бойцам удерживать равновесие на такой переправе довольно непросто. Так что опять необходимо как-то приспособить окружающие условия к нашим нуждам... Клыканини! Можешь ты приподнять это бревно с той стороны?

Почти семи футов роста, волтон был едва ли не самой сильной и импозантной личностью во всей роте, особенно принимая во внимание тот факт, что его густая щетина, выступающие клыки и уродливой формы голова придавали ему сходство не то с африканским кабаном, не то с неким порождением Франкенштейна. Выйдя вперед, он подхватил один конец бревна, второй подняли Шутт и Армстронг, и вместе они подкатили его вплотную к бревну, лежавшему посередине. Еще немного усилий, и третье бревно легло рядом с двумя другими.

– Вот так переходить будет значительно легче, – сказал Шутт, выходя на середину импровизированного моста и проверяя ногой его устойчивость, – но бревна будут раскачиваться и могут разойтись, если мы все разом ринемся по ним. Есть у кого-нибудь веревка?

Веревки ни у кого не оказалось.

– Ну ладно. Зато я знаю, у вас есть ножи. И пусть не очень высокого качества, в данной ситуации сгодятся и они. Рвач?

– Я здесь, капитан!

– Возьми себе помощника и отправляйтесь с ним за веревками.

– Сэр?

– Соображай, солдат! Мне кажется, что несколько вполне подходящих веревок ты можешь найти позади, на нашем предыдущем препятствии. Разумеется, если постараться для всей роты не покажется тебе отступлением от твоих общеизвестных принципов.

Гиканье и радостные возгласы были ответом на эти слова, поскольку ни для кого не было секретом, что Рвач обычно прихватывал все, что плохо лежало, если, конечно, оно не было прибито гвоздями или приковано цепью.

– А пока мы ждем, – обратился к солдатам Шутт, жестом приказывая им замолчать, – может, у кого есть идеи относительно того, как нам взять следующее препятствие? Ну, давайте предложения?

Если бы судьба была к нему снисходительна, Песивец наверняка не дежурил бы в холле отеля в тот момент, когда туда ввалилась рота после схватки с полосой препятствий.

Первым вошел Рвач, хотя, честно говоря, его было трудно узнать сквозь липкую слизь и засохшую грязь, что спекшейся коркой покрывали его форму. Но настроение его было явно приподнятым, судя по тому, как он бросил комок мокрых купюр на стол дежурного и сгреб кипу газет с соседнего столика.

– Эй, Супермалявка! – обратился он через дверь к следовавшей за ним фигуре, узнать которую можно было только по росту, а точнее, по полному отсутствию такового. – Хватай

газеты! Ты же знаешь, что сказал капитан. Если эти бабуины извозят холл, мы все будем платить за уборку из собственного жалования.

Управляющий с интересом наблюдал за тем, как эти двое раскладывали газеты между входной дверью и лифтами, едва успев к тому моменту, когда пред его глазами предстала первая волна легионеров.

– А ты видел физиономию Бренди, когда капитан сказал...

– Я тебе скажу, что даже не мечтал когда-нибудь увидеть...

– Эй, Спесивец! Лучше бы позвонил в прачечную, чтобы они поскорее прислали кого-нибудь. У нас есть для них немного сверхурочной работы!

Управляющий под общий смех, последовавший за этим замечанием, попытался выдать свою самую обворожительную улыбку, несмотря на то что было упомянуто столь ненавистное ему прозвище, но она превратилась в натянутую гримасу.

– Что до меня, я бы пропустил стаканчик, и даже не один.

– Сначала приведи себя в порядок. Не хватало еще, чтобы всякие гражды смотрели на нас в таком виде!

Одна из фигур отделилась от общей ликующей массы и приблизилась к столу дежурного.

– Послушайте-ка, Песивец! Не могли бы вы распорядиться, чтобы открыли какой-нибудь номер с бассейном? Рота собирается немного развлечься, и, думаю, будет гораздо лучше для всех, если они будут делать это в бассейне, вместо того чтобы нагрянуть в бар или ресторан.

Управляющий на этот раз даже не пытался скрыть ужас, застывший на его лице. Если бы этот разговор не состоялся, Песивец никогда бы не узнал Шутта в стоящей перед ним облепленной грязью фигуре. Его разум отказывался совместить социальную принадлежность Шутта и тренировки, при которых приходится валяться в грязи вместе с рядовыми солдатами.

– Бассейн? – словно эхо едва слышно повторил он, не в силах оторвать глаз от перепачканного грязью командира.

Шутт перехватил его взгляд, но истолковал его по-своему.

– Не беспокойтесь, Песивец, – сказал он с усмешкой. – Я уверен, что каждый из них, прежде чем отправиться туда, примет душ. – Он указал на застеленный газетами холл. – Пускай для них дороговато платить за чистку ковров, но, уверяю вас, вычистить бассейн они не откажутся.

– Надеюсь, что нет.

– Да, и еще, не могли бы вы попросить прислугу доставить на каждый этаж по одной упаковке пива? За мой счет, разумеется.

– Это все будет за ваш счет, мистер Шутт, – заметил Песивец, постепенно приходя в себя.

Командир повернулся было, чтобы уйти, но опять наклонился к столу, не в силах в приливе энтузиазма удержаться от разговора.

– Знаете, Песивец, пусть это будет для них сюрпризом. Пусть им обязательно скажут, что это поздравление от командира. Должен признаться, мне бы очень хотелось, чтобы вы могли видеть их сегодня. Это надо бы проверить, но мне кажется, что еще ни одна рота не проделывала такой тренировки за один день.

– Кажется, сегодня они на подъеме, – согласился управляющий, просто поддерживая дружеский характер разговора.

– Точно. Знаете, мы сегодня проделали каждое упражнение чуть ли не по дюжине раз! И они, пожалуй, продолжали бы и дальше, если б я не сказал, что на сегодня хватит.

– Но зачем вам это надо? Я имею в виду...

– Тренировки должны сыграть важную роль в перевоспитании, – гордо пояснил Шутт, и на его лице, даже сквозь покрывавшую его грязь, промелькнула улыбка. – Да, это мне кое о чем напомнило. Надо позвонить в строительную компанию и выяснить, смогут ли они послать туда бригаду прямо сегодня и начать работы.

– Похоже... ваши ребята в полном порядке.

– Да, это так. Хотя я немного беспокоюсь о синтианцах. Они просто не могут быстро передвигаться без посторонней помощи. Необходимо найти какой-то способ помочь им, пока они совсем не впали в уныние.

Песивец подыскивал подходящий ответ, когда заметил, что к их беседе прислушиваются еще двое.

– Уиллард? Ты?

Шутт повернулся и тут же расплылся в улыбке, узнав женщину-репортера, чье интервью послужило причиной звонка из штаб-квартиры. Ей было не больше двадцати, у нее были мягкие выющиеся волосы и тело с довольно пышными формами, которых не мог скрыть даже строгий покррой ее костюма.

– Привет, Дженни. Удивлен, что ты узнала меня в таком виде.

– Да я и не узнала, это Сидни убедил меня, что это ты. Очень трудно обмануть голофотографа. – Она усмехнулась, делая жест в сторону напарника. – Он специализируется на отлове знаменитостей, которые путешествуют, прибегая к маскировке.

– Да, для этого действительно нужен талант, – сказал капитан, заставляя себя улыбнуться. Ему никогда не нравились эти востроглазые голофотографы, шныряющие вокруг известных людей словно стервятники над обессиленным животным. А этот крепкий, широкоплечий, с копной волнистых волос любитель голографической съемки, что стоял так близко к Дженни, ему не нравился особенно. Он источал атмосферу непринужденности, всегда служившую предметом зависти для таких людей, как Шутт, которые даже не надеялись обрести подобное качество. – Очень рад познакомиться с вами. Сидни.

Фотограф обнажил в улыбке зубы, пожимая руку.

– Итак, чем могу служить вам сегодня, Дженни? Мне кажется, мы вряд ли сможем придумать что-то еще сверх той статьи, которую вы написали, пока мы учились преодолевать водные преграды.

Но какой бы ни был скрыт сарказм в этих словах, он оказался буквально затоплен потоками энтузиазма молодой репортерши.

– Ну, наш редактор попросил сделать серию небольших еженедельных очерков о вас, с фотографиями... если, конечно, вы не будете возражать. Я надеялась, что мы могли бы побеседовать и сделать несколько снимков или хотя бы договориться о встрече в удобное для вас время.

– Понятно. К сожалению, как раз сейчас я выгляжу далеко не самым подходящим образом. – Шутт жестом указал на свой грязный костюм. – Мы сегодня весь день проводили проверочные учения...

– В самом деле? Это может быть удачной темой для статьи...

– ...а кроме того, – продолжил капитан, – я предпочел бы, чтобы вы сделали несколько очерков о самой роте. Я уверен, что общественности это более интересно, чем рассказ о ее командире.

– Я... думаю, – нерешительно заговорила репортер, по-видимому, все еще не желая отказываться от возможности провести вечер за беседой с капитаном, – мы могли бы попытаться преподнести этот материал как взгляд со стороны на вас и вашу деятельность.

– Прекрасно. Будем считать вопрос решенным. Сейчас посмотрим, что можно сделать для вас в этом плане... Рвач! Бренди!

Он махнул рукой двум легионерам, направлявшимся от лифтов в сторону бара, и они тут же присоединились к беседе.

– Вот эти двое очень заинтересованы в том, чтобы написать очерк о нашем тренировочном курсе, – объяснил он. – Я буду только рад, если вы сможете удовлетворить их интерес.

– И даже сделают голо? – воскликнул Рвач, заметив голографическое оборудование. – Хо! Это здорово! Разумеется, капитан.

– Гм-м-м... вся беда в том, что сейчас по их виду не скажешь, что они прошли через нечто подобное, – осторожно заметила репортер.

Оба легионера, разумеется, уже успели принять душ и сменить одежду, и кроме мокрых волос, ничто не напоминало о недавних учениях.

– Ну, с этим не будет проблем, – торопливо заявил Рвач. – Мы можем просто махнуть наверх и переодеться в грязную форму, а уж тогда...

– А еще лучше, – спокойно проговорила Бренди, поглядывая на голофотографа, чья привлекательность не ускользнула от ее внимания, – мы можем просто выйти в парк и там окупаться в фонтан. Я не вполне уверена, что общественность *действительно* захочет видеть, какими грязными на самом деле мы были на этих учениях.

Голофотограф бросил оценивающий взгляд на шикарные формы старшего сержанта и пихнул локтем репортершу.

– Это было бы просто чудесно, – заявил он. – Пошли?

Когда группа направилась к выходу из отеля, Шутт отозвал фотографа в сторону.

– Гм... Сидни? Мы оба знаем, что энтузиазм Дженни может позволить ей увлечь за собой весь Легион, если уж она взялась за дело. Я в этом случае полагаюсь на вас, думаю, вы более способны сохранять голову на плечах.

– Что вы имеете в виду?..

– Скажем так, с вашей стороны будет очень разумным спрашивать разрешения у легионеров фотографировать их, и уж тем более – помещать в новостях их фотографии. Некоторые из них поступили на службу в Легион лишь для того, чтобы расстаться со своим прошлым.

– Это действительно так? – Фотограф начал озиаться по сторонам, но Шутт еще не закончил.

– И если они сами не разобьют ваш аппарат о вашу голову, когда вы попытаетесь сделать их фотографии, я буду считать своим долгом *лично* позаботиться о вашей карьере. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Сидни встретил пристальный взгляд капитана, и то, что он увидел в его глазах, убедило его, что сейчас не самый подходящий момент превозносить свободу печати.

– Да, мистер Шутт, – сказал он, отдавая честь, и сделал это совсем не в шутку.

Шутт одним глазом издали наблюдал за теми шалостями, что творили взрослые люди во время этого спектакля с фотографированием. С гораздо большим интересом он следил за ватагой ребятишек, которые прервали катание на своих планирующих досках, чтобы посмотреть на происходящее. После того как репортер в пятый раз отогнала их от места съемки, даже пригрозив вызвать полицию, дети продолжили свои обычные игры, возможно, более оживленные от близости голофотографа.

Хотя планирующие доски наиболее устойчиво вели себя над твердой гладкой поверхностью, например над тротуарами, они могли быть использованы где угодно, в любых условиях, и дети с гордостью демонстрировали свое умение управлять ими в самой неблагоприятной обстановке. Они перелетали на них через спинки парковых скамеек и пересекали заросшие травой холмистые лужайки. Их любимым приемом было нестись вниз по склону прямо к какому-нибудь барьеру, например ограде, а затем в последний момент взмывать высоко вверх, перелетая через ограду и приземляясь, совершенно случайно, прямо посреди фонтана, который фотограф использовал в качестве заднего плана. К сожалению, как выяснилось, над водой доски двигались еще быстрее, и детям не составляло никакого труда пересечь фонтан и исчезнуть прежде, чем репортер могла успеть что-либо крикнуть, выражая свое недовольство.

Шутт некоторое время внимательно наблюдал за ними, а затем неторопливо направился туда, где они собрались тесной гурьбой, видимо, обсуждая очередной удачный маневр. Дети

сlediли за его приближением, готовые кинуться врассыпную по соседним аллеям, но капитан улыбнулся и сделал успокаивающий знак, чтобы они оставались на месте, пока он не приблизится на расстояние, вполне приемлемое для ведения переговоров.

– А вы чего хотите, мистер? – с вызовом спросил один из ребят, явно лидер компании. – Тоже прикидываете, как бы окунуться в фонтан?

Шутт уныло усмехнулся, поддерживая взрыв всеобщего смеха. Он так и не позаботился привести себя в порядок, а потому выглядел куда хуже этих мальчишек.

– Мне было бы очень интересно услышать от вас кое-что об этих ваших досках, – сказал он. – Трудно ими управлять?

Дети переглянулись, будто разрываясь между любовью к своим доскам и наслаждением подшутить над взрослым. В конце концов победили доски.

– Поначалу они ведут себя немного капризно, – изложил свою точку зрения один паренек. – Надо научиться держать центр тяжести как можно ниже, иначе они вас просто выбросят.

– С небольшой практикой...

– А если практика будет большая?..

– Вы сможете выделять на них все, что угодно...

– Не хотите ли попробовать?

– Раз уж вы уловили суть дела...

Теперь, когда барьер в общении был сломан, информация хлынула потоком, и дети наперебой старались рассказать все, что знали о предмете своего обожания. Шутт некоторое время слушал их, а затем махнул рукой, призывая к тишине.

– Что мне на самом деле хотелось бы знать, – сказал он тоном заговорщика, который заставил детей еще плотнее сбиться в кучу, – так это вот что: как, по-вашему, смогли бы вы научить гонять на такой доске синтианца? И вообще вы хоть раз в жизни видели синтианца?

Глава 8

Дневник, запись № 091

Несомненные успехи роты на проверочных учениях, а также гордость новой формой, похоже, и были поворотным моментом в отношениях между легионерами. Все как один, они стали проникаться уверенностью своего нового командира в том, что вместе они так или иначе, не важно, но справятся с любым заданием.

Словно дети, получившие новую игрушку, легионеры оставили давнюю привычку не покидать в свободные от дежурства часы своего жилища и вместо этого ошивались в колонии в поисках приключений, где им могли пригодиться обретенные методы сотрудничества, независимо от их уместности в том или ином случае! В результате многие местные жители утвердились во мнении, что этот ставший совершенно другим отряд был новой воинской частью, присланной сюда в порядке осуществления очередного проекта из разряда «мирных миссий» или «помощи гражданскому населению». Беда в том, что не всегда их развлечения проходили в рамках законности, а это отнимало немало времени у моего шефа, который был вынужден вести переговоры с местными властями по каждому такому случаю.

Если оставить в стороне эти факты, то почти все свое время он тратил на то, чтобы как можно лучше познакомиться с каждым из легионеров, дабы подготовить внутреннюю реорганизацию роты по принципу «двоек». Разумеется, все его попытки вскрыли только то, что я уже подозревал с того самого момента, когда он получил это назначение: легионеры, которых направляли в роту «Омега», были отнюдь не самыми легкими объектами воспитания во всей вселенной.

– Не будете возражать, если я составлю вам компанию?

Супермалевка оторвалась от завтрака и обнаружила своего командира, который стоял около ее стола. Пожав плечами, она молча указала на свободный стул напротив.

Нельзя сказать, что эта маленькая девушка была непривлекательной, хотя и красавицей ее тоже трудно было назвать. Крупные веснушки, рассыпанные по щекам и носу, в сочетании с сердцевидной формой лица и шапкой коротких каштановых волос придавали ей сходство с эльфом.

Шутт медленно помешивал кофе, пытаясь трансформировать мысли в слова.

– Я несколько раз пытался поговорить с тобой, – начал было он, но Супермалевка жестом остановила его, не позволяя начать разговор, пока не прожевала и не проглотила то, что было у нее во рту.

– Давайте чуть-чуть сэкономим ваше время, капитан. Это касается моих драк, верно?

– Ну... можно сказать и так... да. Но мне кажется, с твоей стороны это нечто большее, чем просто участие в драках.

– Драки. – Маленький легионер вздохнула. – Если бы я была выше ростом, это было бы просто выяснением отношений. Ну, хорошо. Позвольте мне кое-что объяснить вам, сэр.

За разговором она забыла о еде.

– Я была самым маленьким ребенком в семье, из всех девяти детей – не самым младшим, а самым низкорослым. Взрослые в нашей семье работали, и дети обычно были предоставлены сами себе и, естественно, не признавали ни демократии, ни дипломатии. Если сам не можешь за себя постоять, никто тебе не поможет, и так ты и будешь козлом отпущения. Разумеется,

будучи самой маленькой, я должна была драться чаще других, чтобы избежать оскорблений и излишней домашней работы. Знаете, каково это иметь сестру, которая младше тебя на пять лет, но то и дело норовит тебя поколотить?

Шутт был поражен такой откровенностью и не знал, что ответить. К счастью, Супермалявка продолжила, не дожидаясь его реакции.

– Как бы там ни было, но я принадлежу к тому типу людей, которые бросаются на любого, кто их оскорбляет. Видите ли, с моим ростом опасно ждать, когда противник нападет первым, иначе все кончится, не начавшись. Нужно опередить противника, чтобы иметь хотя бы шанс взять верх.

Она сделала паузу, чтобы глотнуть кофе, а затем решительно вытерла рот салфеткой.

– Мне кажется, сэр, все, о чем я вам рассказала, это как раз и есть то самое, что вы можете наблюдать. Я согласна, мои постоянные драки не украшают нашу жизнь, но это очень старая привычка, и я не могу поручиться, что смогу от нее избавиться. Если это и в самом деле вас беспокоит, я могу написать прошение о переводе. Видит Бог, это будет не в первый раз.

Несмотря на всю свою уравновешенность, Шутт был захвачен врасплох откровенностью маленького легионера. Он обнаружил вдруг, что сочувствует Супермалявке.

– Я... не думаю, что в этом есть какая-то необходимость, – сказал он. – Скажи, а тебя-то саму не беспокоит тот факт, что тебе всегда достается? Почему ты продолжаешь лезть в драку, зная, что все равно не сможешь победить?

Впервые с начала разговора стало заметно, что Супермалявка испытывает неудобство.

– Видите ли, сэр, те условия, в которых я выросла, приучили меня всегда быть готовой постоять за себя и верить в свой шанс. Если вы деретесь, только когда уверены в победе... ну, тогда вы просто задира, пользующийся преимуществом перед более слабым противником. Я же выросла такой, какой выросла, и никогда не видела в задирах большого проку, а потому слишком легко раздражаюсь, когда меня с ними сравнивают.

Командир был поражен.

– Но ведь тебе *хотелось бы* побеждать хотя бы время от времени?

– Разумеется, хотелось бы, – сказала она. – Не поймите меня превратно, капитан. То, что я не слишком переживаю за неудачу в драках, не означает, что я заранее рассчитываю на поражение. Но, думаю, у вас есть какие-то свои соображения на этот счет. Я готова выслушать их.

– Ну... ты могла бы изучить искусство рукопашного боя... знаешь, что-нибудь типа каратэ. Есть много приемов, разработанных специально для людей низкого роста, и...

Он не закончил фразу, заметив на лице Супермалявки игривую улыбку.

– Не стоит говорить со мной про искусства рукопашного боя, сэр. Видите ли, у меня есть разрядные пояса в трех школах каратэ – корейской, японской и окинавской, плюс школа дзюдо и некоторые виды китайской борьбы. Беда заключается в том, что для использования всего этого нужна ясная голова, а когда я выхожу из себя, а во время драки я всегда выхожу из себя, все мои навыки испаряются и я превращаюсь в обычного драчуна.

– В трех школах, – тихо повторил за ней Шутт.

– Да, именно. Мой первый муж был мастером самбо, так что начальные уроки мне получить было несложно. А сейчас, если не возражаете, сэр, мне нужно отправляться помогать на кухне.

С этим она удалилась, а Шутт так и остался сидеть с разинутым ртом, глядя ей вслед.

– Не уделите мне минутку, капитан?

Удивленный Шутт поднял взгляд и увидел в дверях пентхауса Шоколадного Гарри. Надо сказать, грушеобразная черная фигура не просто занимала все пространство двери – казалось, сержант заполнил собою всю комнату, не оставив ни единого свободного угла.

– Да, конечно. Входи, Ш. Г. Чем могу помочь?

Несмотря на нарочито небрежный тон, командир был явно заинтересован тем, что могло заставить Гарри выбраться из его берлоги в каптерке. С того самого дня, когда прибыла новая форма, они лишь разок перекинулись на ходу парой слов, и пока сержант-снабженец великолепно справлялся со своими возросшими обязанностями. Шутту тем не менее было интересно узнать его реакцию на оживление внутренней жизни роты.

Гарри осторожно «вдвинулся» в комнату, оглядываясь вокруг сквозь толстые линзы очков, будто в поисках затаившихся по углам гостей. Наконец он провел рукой по коротко стриженным волосам и перешел к делу.

– Я здесь вот по какому поводу, сэр, – сказал он удивительно хриплым голосом, который, казалось, каким-то таинственным образом срывался с его густой щетинистой бороды. – Я тут кое-что придумал. Вы ведь знаете, какая у нас проблема с оружием для Спартака и Луи?

Шутт кивнул. Кроме передвижения, у синтианцев были и другие трудности в несении службы, и не в малой степени – с вооружением. Их длинные веретенообразные руки были достаточно сильны, чтобы удерживать большинство типов оружия, имевшегося в арсенале роты, но стебельковые глаза не были приспособлены для средств наведения и прицеливания, которые были разработаны в расчете на обычное, как у всех людей, расположение глаз. Поэтому во время упражнений по огневой подготовке им выдавали оружие, как и остальным legionерам, но строго-настрого запрещали стрелять по мишеням до тех пор, пока окружающие не убедятся, что оружие направлено куда надо и что выстрелы пойдут хотя бы в сторону предполагаемой цели.

– И у тебя есть решение, Ш. Г.?

– Мне кажется. – Сержант от волнения начал ерзать на стуле. – Видите ли, прежде, чем вступить в Легион, я состоял членом... одного клуба. Там был весьма пестрый народ. Ну, в общем, ошивался там у нас один малый, слепой, как летучая мышь, но абсолютно незаменимый, когда дело доходило до пальбы. И все из-за того, что он носил с собой обрезанный дробовик и пользовался им всякий раз, когда становилось горячо. Ему не нужен был точный прицел, достаточно было просто-напросто выбрать правильное направление. И я подумал... Вы знаете, эти синтианцы...

Шутт тут же оценил эту идею. Дробовик с коротким стволом был классическим оружием ближнего боя, особенно современные модели с пистолетной рукояткой, которые можно носить на пояском ремне. Нечего и говорить об их эффективности, хотя они и не нашли применения в армии. Ими, однако, пользовалась полиция в случае особо неприятных ситуаций, так что этот вид оружия не считался незаконным. К тому же это была со стороны Гарри первая попытка помочь роте, и командиру хотелось подбодрить его.

– Прекрасная идея, Ш. Г., – сказал он, принимая решение. – Тем более что в ближайшие дни мы собираемся посетить аукцион образцов старушки «Шутт-Пруф мьюнишнз». Посмотрим, что она имеет в своих запасах такого, что можно приспособить для наших целей.

– Здорово, капитан. Позвольте и мне пробежать глазами по их выставке. Я нечасто имел возможность увидеть новое вооружение, не считая одежды да устаревших образцов с черного рынка.

– О, ты обязательно будешь включен в состав делегации, сержант. – Командир улыбнулся. – На этот счет не беспокойся. Однако, возвращаясь к дробовикам, я вижу еще одну проблему, связанную с использованием их синтианцами. Самое главное, чтобы они, когда будут стрелять, смогли направить оружие, хотя бы примерно, в нужном направлении. А это означает, что они должны находиться в паре с кем-то, кто сможет им в этом помочь, но не думаю, что кто-то из наших legionеров выразит желание заполучить синтианца в качестве постоянного напарника. Похоже, все опасаются медлительности синтианцев, которая в бою может оказаться роковой. Это можно исправить, если удастся научить их использовать планирующие доски, но все равно...

– С этим проблем не будет, капитан. – Сержант буквально сиял в улыбке, сквозь густую бороду проглядывали зубы. – У меня найдется местечко для одного из них, а может быть, и для обоих, в коляске моего хока. Я сам буду присматривать за ними!

– Твоего чего?..

– Моего хока... ну, парящий мотоцикл... мотолет. Должен признаться, капитан, никак не могу взять в толк, почему военные не используют их в бою. Они прекрасно служат нам на гражданке и могут пройти где угодно, как и планирующие доски.

У Шутта появилось смутное предчувствие, что он только что совершил удачный ход, побудив Гарри использовать в бою свой парящий мотоцикл. И если к тому же он окажется еще и достаточно эффективным...

– Вот что, Ш. Г. Бери свой... хок... завтра, после дежурства. Я хочу сам взглянуть на него.

– Отлично, капитан!

– Да, и еще, Ш. Г., раз уж мы заговорили о нечеловеческих существах, служащих в нашей роте, как по-твоему, какое оружие лучше всего подошло бы Клыканини?

– Клыку? – Сержант заморгал. – Черт возьми, капитан, вот уж об этом заботиться вовсе не стоит. Он ведь, что ему ни дай, стрелять-то не будет.

– Извини, не понял.

– Я думал, вы знаете, капитан. Наш волтон только с виду задира великан, а на самом деле последовательный пацифист. Никогда ни на кого даже голоса не повысит, не говоря об оружии.

Было уже поздно, когда командир, потянувшись, откинулся от рабочего стола. Оглядевшись, Шутт решил, что на сегодня достаточно. И едва он успел подумать об этом, как понял, что хочет есть. Он в который уже раз просидел за работой время ужина и прекрасно сознавал, что ресторан и бар отеля уже давно закрыты. Сейчас, когда его внимание, сосредоточенное до сих пор на работе, наконец переключилось, пустота в желудке дала ему знать, что он обязательно должен *что-нибудь* съесть, иначе просто не сможет уснуть.

В отеле был автомат, торгующий легкими закусками, но находился он двумя этажами ниже (видимо, предполагалось, что люди, достаточно богатые, чтобы снять пентхаус, не пользуются подобными автоматами). Шутт уже несколько часов назад отпустил Бикера, а просить об одолжении легионера, дежурившего в холле возле системы связи, ему не хотелось, чтобы не пытаться оправдать тем самым собственную лень. Таким образом, выходило, что у него нет другого выхода, кроме как, взяв ноги в руки, отправиться вниз.

Приняв такое решение, Шутт ощутил прилив уважения к самому себе и направился к выходу мимо поста дежурного.

– Я спущусь вниз что-нибудь перекусить, – сказал он, открывая дверь и шаря в кармане в поисках мелочи. – Может быть, и тебе принести что-нибудь?

Дежурная-легионер вздрогнула, словно он в нее выстрелил, оторвалась от журнала и, склонив голову, покачала ею в знак отрицания, но недостаточно быстро, чтобы скрыть проступившую на лице краску, цветом напоминавшую помидор, изображенный в каталоге, который она перед этим листала.

Командир помолчал, разглядывая девушку, в то время как мозг его лихорадочно перебирал хранившиеся в памяти сведения из личных дел и обрывков бесед.

Все верно. Девушку звали Роза, и о ней ему не раз говорили лейтенанты. По их словам, она была вполне привлекательной, даже красивой, пепельная блондинка с фигурой «гибкой и тонкой, как ива». Однако ее привычка прятаться, подобно черепахе, съеживаться внутри своей форменной одежды при любом разговоре никак не могла улучшить впечатление о ней.

Бренди предлагала не ставить Розу на дежурство, когда до нее дошла очередь по списку, но Шутт настоял на том, что исключений быть не должно. И вот сейчас, глядя на ее склоненную голову и отведенные в сторону глаза, он подумал, что ему следовало бы проявить больше такта.

Судя по тому, как она себя вела, в случае вызова по связи она скорее потеряет сознание, чем сможет ответить на звонок.

– Послушай, ты не могла бы разменять мне доллар? – спросил он только для того, чтобы разговорить девушку, потому как в его кармане все-таки была мелочь.

Реакция девушки была точно такой же: густо-красный цвет лица и быстрое покачивание головой.

Не желая сдаваться, капитан подошел ближе, пытаясь оказаться в поле ее зрения.

– Слушай, раз уж мы с тобой беседуем, мне хотелось бы узнать твое мнение по поводу моих планов реорганизации роты. Как ты думаешь, это действительно улучшит жизнь или будет лишь пустой тратой времени?

Роза отвернулась от него, но в конце концов выдавила:

– *М-м-м-ф-л... гм... хм-м-м...*

Шутт пару раз моргнул, затем наклонился к ней.

– Извини, что ты сказала? Я не расслышал.

Казалось, девушка-легионер была готова упасть в обморок и отвечала только движениями головы и плеч.

Капитан оставил свои попытки, решив, что продолжать дальше было бы по меньшей мере жестоко.

– Ну, ладно. Сейчас я отойду ненадолго, – произнес он, направляясь к двери. – Если кто-то позвонит, скажи, что я вернусь через пару минут.

Роза немного расслабилась, когда он отошел от нее, и подтвердила, что услышала сказанное, резким кивком головы.

Закрывая за собой дверь, Шутт надул щеки, будто хотел подольше задержать выдох. Он понял без тени удивления, что общение с людьми, подобными Розе, заставляет его нервничать. Болезненная робость девушки заставила его задуматься над собственным поведением, и, вновь возвращаясь к только что законченной «беседе», он старался понять, что же именно из сказанного или сделанного им заставляло ее чувствовать себя столь стесненно. В конце концов он пришел к выводу, что во время разговора чувствовал себя так, будто был одним из тех, кто подстрелил мать Бемби.

Запутавшись в собственных рассуждениях, Шутт не стал дожидаться лифта, а решил спуститься к автомату по лестнице.

Теперь ему было понятно, почему лейтенанты, а возможно, и все остальные, кому приходилось работать с ней, считали ее очень тяжелым случаем. Нужно будет еще раз поговорить с Розой в другое время, когда он не будет таким уставшим. Может быть, если бы он был более напорист, то нашел бы способ облегчить ей разговор. Действительно трудно заставить кого-то расслабиться, если тот считает тебя чуть ли не монстром.

Словно в ответ на эти мысли у самых его ног выросло чудовище, преградившее ему дорогу, от его вида у Шутта едва не остановилось сердце.

– *Что...* О Господи, Клыканини! Ты напугал... Я тебя не заметил.

– Не надо извиняться, капитан. Многие пугаются меня, даже когда ожидают увидеть. Вы же не ожидали, потому и напугались.

Огромный волтон покачал головой, и Шутт заметил, что при этом он вращал носом, как собака, вместо того чтобы покачивать им вместе с подбородком, как это сделал бы человек. Нечего и говорить, что этот не относящийся к человеческим существам легионер являл собой впечатляющую, если не сказать пугающую, фигуру и в более спокойной обстановке, а не только появившись вдруг среди ночи на лестнице.

Почти семи футов роста, с массивной бочкообразной грудью, Клыканини был выше самых высоких людей, и даже им пришлось бы смотреть вверх, чтобы поймать взгляд его черных, словно бы мраморных глаз. Коричневая с оливковым оттенком кожа, густо покрытая

матово-черными волосами, по своей текстуре и цвету напоминала скорее шкуру животного, чем тело человека. Завершала общую и без того устрашающую картину уродливая физиономия, которая могла бы понравиться разве что его матери или какой-нибудь волтонше. Вытянутая и удлиненная, она имела безошибочно угадываемую форму кабаньего рыла, из нижней челюсти которого торчали два резцовых зуба, очень похожих на клыки.

– Я должен извиниться, что мы с тобой так до сих пор и не поговорили, – сказал командир, все еще стараясь вернуть самообладание.

– И опять-таки, вам незачем извиняться, капитан. Знаю, что вы заняты добрыми делами. С удовольствием помогу вам, чем только смогу.

Шутт вполуха прислушивался к словам волтона – все его внимание было привлечено к стопке книг, лежащей на ступенях.

– А что же ты тут делаешь Клыканини? Читаешь?

Легионер кивнул, при этом его голова излишне качнулась несколько раз вверх-вниз, как у лошади.

– Мне не требуется долгий сон, поэтому я много читаю. Прихожу сюда, так как мой сосед по комнате не любит спать при включенном свете.

Шутт присел на корточки, чтобы глянуть, что это за книги, и поднял голову с новым вопросом в глазах.

– Это довольно тяжелое чтение. И зачем ты принес их столько?

– Прочитываю за ночь целую стопку.

– Целую стопку?

Волтон опять покачал головой в знак согласия.

– Читаю очень быстро. Люди накопили очень много знаний. Поступил в Легион, чтобы ознакомиться с ними. После службы хочу стать учителем.

Командир поспешно пересмотрел свое представление о волтоне. Как он мог вот так просто – по огромным размерам и грубоватому английскому – предположить, что его интеллект значительно ниже, чем у среднего легионера. А ведь если подумать, так уже один факт, что волтон, пусть и неуклюже, но вполне прилично владел чужим языком, не пользуясь трансляторами-переводчиками, к которым прибегали синтианцы, говорил о его умственных способностях... и его достоинстве! Это, безусловно, делало честь Клыканини – выучить человеческий язык! Но говорил он на нем не совсем уверенно. Это создавало о нем впечатление, что он немного глуповат.

– А почему бы тебе не пользоваться комнатой для дежурных в моем пентхаусе? – предложил Шутт, а его мозг уже работал над этим неожиданным открытием. – Там тебе было бы удобнее и, как мне кажется, гораздо светлее.

– Спасибо, капитан. Очень велико... душно.

Запнувшись на слове, волтон начал собирать книги.

– Давай я тебе помогу. Знаешь, Клыканини, если ты действительно хочешь быть мне чем-нибудь полезен сверх обычного дежурства, у меня есть для тебя кое-какая работенка.

– И что же это?

– Ко мне приходит масса сообщений из штаб-квартиры: копии изменений и дополнений к уставам и правилам распорядка. Большая часть из них не представляет никакого интереса, но я вынужден читать их все, чтобы выбрать те несколько положений, которые затрагивают непосредственно нас, особенно это касается изменений в инструкциях. Так вот, если бы ты мог читать их вместо меня и выбирать из них новые и *действительно* важные для нас положения...

Сигнал на ручном устройстве связи прервал его объяснения. Несколько секунд он раздумывал, ответить на него или продолжить беседу с Клыканини, затем вспомнил про Розу и про то, что ей придется отвечать на звонок, если он сам не отзовется, и включил устройство.

– Командный пункт слушает, – прозвучало из динамика. – Чем мы можем помочь вам сегодня ночью в вашей сложной ситуации?

Шутт буквально застыл с выражением неопишемого изумления на лице. По-видимому, звонивший, кто бы он ни был, был также ошарашен этим, поскольку ответом было продолжительное молчание.

– А... А капитан Шутник на месте?.. – наконец последовал вопрос.

Это Бренди, безошибочно определил капитан. Значит, другой голос должен...

– Великий Белый Отец, или Большой Папочка, как его еще называют, в данный момент недоступен, старший сержант. Он украдкой выскользнул, чтобы немного поесть, доказывая тем самым лживость утверждения, что король никогда не ест и в туалет не ходит.

– А кто... Кто это говорит? – вновь послышался голос старшего сержанта.

– На этом конце линии Роза, старший сержант... А точнее – Розали. Сегодня вечером я добросовестно отвечаю за всю нашу поразительно надежную связь – согласно графику дежурств, который вы утвердили и подписали сегодня утром.

– Это – Роза? – пророкотало было Клыканини, но Шутт сделал ему знак рукой замолчать, прислушиваясь к продолжавшемуся разговору.

– Роза? – В голосе Бренди слышалось явное удивление. – Я не думала... Хорошо, скажи капитану, когда он вернется, что я хочу поговорить с ним.

– Минуточку, Бренди-Денди. Прежде чем я скажу ему что-либо, возможно, ты уже передумаешь о своем намерении. Наш Главный Мужчина отправился за картофельными чипсами, а затем собирался пару часиков поспать, и я надеюсь, что ему удастся это сделать, если, конечно, он не будет озабочен чем-то, что не даст ему спать всю ночь. Представь – а вдруг наша старушка вселенная не сможет дотянуть до утра без его помощи, а?

– Роза, а ты часом не пьяна?

Шутт подавил смешок и продолжал слушать.

– Ни в малейшей степени, хотя, впрочем, трезвость – куда меньшее достоинство, чем женская добродетель, наш Солдафон... и не пытайся перевести разговор на другую тему. Тебе действительно необходимо поговорить с Большим Папочкой, или я передам ему любовное послание от тебя, когда он проснется?

– Хорошо, Розали. Раз уж ты повернула все таким образом, думаю, это может потерпеть до рассвета. А пока я сама поработаю над этим.

– Откати назад, Черри-Бренди. Совсем недавно ты всем заправляла сама. А теперь собираешься, как и подобает старшему сержанту, в отсутствие офицеров учить уму-разуму нашу веселую компанию. Не кажется ли тебе, что не следует делать подобные намеки, когда ситуация меняется?

– Кто ты мне? Мать, что ли?

– Просто дисциплинированный легионер, который пытается сделать все, чтобы колеса нашей военной машины вертелись легко и плавно, вместо того чтобы то и дело буксовать. Пока, может, от меня и немного толку нашему бесстрашному командиру, но я думаю попытаться убедить тех, кто покруче, стараться изо всех сил и добиться цели. Ты уловила мою мысль, или я слишком спешила?

Было отчетливо слышно, как Бренди рассмеялась.

– Ну хорошо. Ты победила. Я немного посплю и примусь за это завтра с утра. А теперь доброй ночи... Мамочка. Бренди закончила.

– Это Роза? – спросил Клыканини, повторяя свой вопрос, как только переговорное устройство было выключено.

– Чертовски верно. – Шутт усмехнулся. – Поднимайся вверх, когда будешь готов, Клыканини. Я непременно попытаюсь *заставить* эту женщину заговорить!

Командир буквально взлетел вверх по лестнице, едва не врезавшись в своем энтузиазме в дверь пентхауса.

– Я случайно подслушал последний сеанс связи, Роза, – воскликнул он, влетая в комнату. – Ты была просто великолепна!

– *Без-з-образ-з... м-м-м-ф.*

Ошеломленный, капитан остановился на полдороге и уставился на девушку, которая всего минуту назад говорила уверенно и вполне разумно. Опустив голову и залившись краской, она выглядела точно так же, как перед тем, как он покинул комнату.

– Я... мне очень жаль. Я не собирался на тебя кричать, – осторожно проговорил он. – Я просто хотел похвалить тебя за то, как ты справилась с этим звонком от Бренди.

Роза покраснела и пожала плечами, по-прежнему отводя глаза в сторону.

– Ну, хорошо, в таком случае, думаю, для меня самое лучшее – это последовать твоему совету и немного поспать. Да, и еще. Я сказал Клыканини, что он может заниматься чтением прямо здесь. Он поднимется через несколько минут.

Еще один кивок головой, и никак не больше. После минутного колебания Шутт удалился в спальню.

Оказавшись в своей святой святых, он прислонился к закрытой двери и усиленно размышлял несколько долгих минут. Наконец очень осторожно поднял руку и нажал кнопку на ручном коммуникаторе.

– Вы слушаете голос ночной смены командного пункта, – прозвучали теперь уже знакомые интонации. – Чем мы можем помочь вам в стремлении решить, что делать весь остаток вашей жизни?

– Роза? Капитан Шутник на связи, – сказал Шутт, с улыбкой опускаясь на стул.

– Зачем, Ваше Шуттовское Величество? Разве вы не обещали мне, что отправитесь бай-бай в постельку?

– Говоря по правде, Роза, я не смогу даже сомкнуть глаз, пока не скажу тебе еще раз, как восхищен золотистым тембром твоего голоса, который сиянием растекается из динамика.

– Благодарю вас, капитан. Моя одинокая ночь здесь, на командном пункте, теперь скрашена вашей похвалой.

– И еще, – быстро продолжил Шутт, – я просто *обязан* знать, почему ты по радио так разительно отличаешься от самой себя, когда мы встречаемся лицом к лицу?

– Гм-м-м... Я полагаю, что смогу зажечь для вас этот маленький светоч просвещения, поскольку ночь тянется очень медленно, но только если вы пообещаете мне, что тут же отправитесь в постель, как только я с этим закончу.

– Я весь внимание. Итак, твой рассказ?

– На самом деле рассказывать-то почти и нечего. В детстве я сильно заикалась. Бывало, мне требовалось минут пятнадцать просто для того, чтобы сказать кому-нибудь «здравствуйте». В школе дети дразнили меня за это, так что я предпочитала вообще ничего не говорить, чтобы не слышать насмешек.

Командир понимающе кивнул, фактически сам себе, поскольку, захваченный рассказом, даже не подумал о том, что она не может видеть его реакции.

– Ну, в общем, в конце концов со мной проделали кучу тестов. Мне надели наушники и подавали сигналы разного тона, поднимая их до такого уровня, что я переставала слышать собственный голос. И знаете что? Благодаря этому я смогла разговаривать так же нормально, как и все остальные! Оказывается, дело было в том, что я боялась звука собственного голоса! Как только я это поняла, мои дела пошли значительно лучше, но у меня по-прежнему были трудности при разговоре лицом к лицу с другими людьми. Поэтому, учитывая такую свою особенность, я устроилась на маленькую радиостанцию, и скажу вам, делала там все! Я была диск-жокеем, спортивным комментатором, ведущим программ погоды и новостей, даже делала

рекламу. Но больше всего времени я проводила за разговорами со слушателями. Все было просто чудесно, пока мне не приходилось встречаться с людьми лицом к лицу. Я фактически жила на этой станции около пяти лет... пока ее не продали, а новый владелец перестроил все заведение в ресторан-автомат и уволил меня.

– И тогда ты поступила в Легион, – задумчиво закончил за нее Шутт.

– Верно, хотя было и еще кое-что, чем я до этого занималась, но оно не заслуживает упоминания. Так что не стоит жалеть меня, Большой Папочка. Я уже взрослая женщина и поступаю по собственному разумению.

– А знаешь, – заметил капитан, – я серьезно подумываю над тем, чтобы предложить тебе постоянное дежурство на командном пункте. То есть, конечно, если ты откажешься от удовольствия нести патрулирование на болоте.

– Да, это мысль. Разрешите мне подумать, а потом как-нибудь вернемся к этому снова. А пока что, я надеюсь, вы отправитесь спать? Сдается мне, кто-то совсем недавно обещал мне такой пустячок.

– Хорошо, уже иду. – Шутт ухмыльнулся. – Приятно было поболтать с тобой... Мамочка. Шутник закончил.

Щелкнув коммуникатором, командир встал, потянулся и отправился спать. В общем, это был очень удачный день. Он нашел себе нового клерка и специалиста по связи. Если все пойдет хорошо, ему надо будет подумать о новых нашивках для них.

И только когда полностью разделся, он вспомнил, что так ничего и не съел.

Глава 9

Дневник, запись № 104

Реорганизация на «двойки» стала значительной вехой в истории роты. И хотя на самом деле этот процесс занял несколько недель, его очевидный эффект стал ощущаться почти сразу.

Несмотря на то что работа по подбору напарников была проведена очень тщательно и почти всегда учитывались личные привязанности легионеров, предполагалось, что отдельные жалобы или возражения все же появятся. Нечего и говорить, что по крайней мере в этих ожиданиях мой шеф не был разочарован.

– Извините, капитан. Не уделите ли нам минутку?

Шутт поднял глаза, оторвавшись от кофе. Около его стола, беспокойно переминаясь, стояли два легионера, Рвач и Суси. Похоже, бодрящая чашка утреннего кофе сегодня обещает быть далеко не умиротворяющей.

– Разумеется. Не хотите ли присесть?

– Это не займет много времени, – сказал Рвач, покачивая головой. Он был среднего роста и довольно грубого сложения, а выющиеся черные волосы, казалось, давно соскучились по мытью. – Мы бы хотели, если это возможно, чтобы нам дали других напарников. Я имею в виду, в нашей роте ведь еще не все объединены...

– Вы оба так считаете? – перебил их командир.

– Да, оба, – решительно подтвердил Суси. Почти на целую голову ниже Рвача, он напоминал выходца с востока и одевался и вел себя с дотошной аккуратностью. – Мы несовместимы характерами, и я боюсь, что наше постоянное общение друг с другом не будет способствовать спокойствию всей роты.

– Понятно. – Шутт мрачно кивнул. – Садитесь, оба.

На этот раз прозвучала команда, а не любезное приглашение, что было заметно по голосу, и легионеры с неохотой опустили на стулья.

– Ну а теперь расскажите мне поподробней о тех неудобствах, которые вы испытываете.

Легионеры переглянулись, было видно, что каждому не хотелось первым излагать собственные жалобы. Наконец Рвач решился.

– Он всегда оставляет за собой последнее слово, – выдал он первое обвинение. – А всего-то лишь потому, что знает много умных словечек...

Командир протянул к нему руку, останавливая его.

– Я не считаю, что словарный запас твоего напарника должен в данном случае приниматься в расчет.

– Но дело не только в этом, – сказал Рвач, слегка краснея. – Он называет меня вором, прямо в глаза!

– Я лишь сказал, что ты мелкий жулик, и это действительно так! – резко поправил его Суси. – Всякий, кто наносит ущерб взаимному доверию в роте ради мелкой личной выгоды...

– Вот! Видите? – обратился к командиру второй легионер. – Как же я могу быть в паре с кем-то, кто...

– Минуточку!

Голос Шутта прозвучал резко, как удар хлыста, обрывая спор и заставляя обоих замолчать. Он выждал еще немного, пока они не пришли в себя, откинулся на спинку стула, а затем обратился к Суси.

– Мне необходимо некоторое пояснение, – сказал Шутт. – Определи-ка мне *поточнее*, что ты вкладываешь в понятие «мелкий жулик»?

Азиат глянул на него, затем перевел взгляд на потолок.

– Мелкий жулик – это тот, кто в своей не вполне законной деятельности принимает на себя риск, не соответствующий получаемой прибыли.

– Не вполне законной?

– Сядь, Рвач, – приказал Шутт, продолжая глядеть на Су-си. – Если ты сможешь подержать свой рот на замке и послушать, может, заодно чему-нибудь и научишься.

Кучерявый легионер медленно опустился на свое место, а командир продолжил допрос.

– Если я правильно тебя понял, Су-си, твои претензии к Рвачу заключаются не в самом факте воровства, а скорее в масштабе его операций.

У того на губах заиграла слабая улыбка.

– Верно, капитан.

– Тогда скажи нам, какой размер прибыли *ты* посчитал бы вполне извинительным... как это было сказано? Ах да... для не вполне законной деятельности?

– Не меньше четверти миллиона, – без раздумий и твердо сказал азиат.

Голова у Рвача стремительно дернулась вверх.

– Четверть... ми... А, чепуха!

Двое других участвующих в этой беседе не обратили на него внимания.

– Но конечно же, – спокойно заметил Шутт, – восемь или девять миллионов было бы значительно лучше?

– Конечно, – согласно кивнул Су-си, перехватывая взгляд командира.

Рвач же лишь покачивал вперед-назад головой, мрачно поглядывая на обоих.

– О чем, черт возьми, вы тут толкуете, парни? – спросил он наконец.

Азиат прервал этот молчаливый обмен взглядами и вздохнул, также покачав головой.

– То, о чем говорит капитан Шутник со столь вежливой обходительностью, всего лишь кое-какие факты, которым он не придал значения, когда принял командование этой ротой. Особенно тот, что я и Рвач встречались до того, как поступили на военную службу... так сказать, в различных деловых ситуациях.

– Так вы двое знаете друг друга?

– Даже более того, – продолжил Су-си, – он вынудил меня признаться, что я покинул деловой мир с сомнительной репутацией. Я имею в виду дело о растрате в несколько миллионов долларов.

– Это ведь не было доказано, – сказал Шутт.

Азиат улыбнулся.

– Компьютеры – такие удивительные устройства, не правда ли?

– Минуточку! – взорвался Рвач. – Уж не пытаешься ли ты сказать мне, что умудрился стащить девять миллионов долларов?

– На самом деле я *не стащил* их. – Су-си состроил гримасу. – Они были съедены серией... скажем, неудачных вложений.

– Неудачных вложений?

– Это еще один термин, которым пользуются азартные игроки, – пояснил ему Шутт.

– Извините, капитан...

Рядом с их столом появилась старший сержант.

– М-м-м... это не может подождать, Бренди? – спросил Шутт, отрываясь от разговора. – Мы как раз добрались до середины чего-то важного.

– Я прерву вас лишь на секунду, – заверила его старший сержант, настаивая на своем. – Некоторые из солдат интересуются насчет почетной караульной службы, и я хотела узнать, будут ли какие-либо изменения в связи с этим.

– Моя встреча с губернатором состоится только на следующей неделе, – проинформировал ее командир. – А тем временем я попытаюсь оказать на него некоторое давление, заставив взглянуть на вещи с нашей точки зрения.

– Это хорошо. Спасибо, капитан. Извините, что помешала.

Проводив взглядом старшего сержанта, Шутт вернулся к прерванному разговору. Суси продолжал смотреть в никуда с загадочным хитрым видом, какой мог быть только у азиата, в то время как Рвач глядел на него во все глаза с выражением, близким к благоговению или страху.

– Ну хорошо. А теперь послушайте меня. Вы оба. Я ведь не просто вытянул из шапки ваши имена, когда назначил вас в напарники. Я рассчитывал, что вы можете многому научиться друг у друга.

Суси, тебе следует немного расслабиться, стать попроще, и Рвач – как раз тот самый человек, который может научить тебя радоваться жизни. Ты же, Рвач, работая вместе с Суси, возможно... сможешь чуть-чуть подправить свои жизненные интересы. Как бы то ни было, я полагаю, что вы должны сделать хотя бы попытку быть партнерами друг другу, прежде чем решите, что это невозможно.

– Хе! Так вы что, тоже считаете меня вором, капитан? – ошетинился Рвач.

Командир окатил его ледяным взглядом.

– Мне не хотелось бы говорить об этом, Рвач, но у меня на столе лежат несколько рапортов о пропаже вещей в роте.

– А я-то здесь при чем? В этом отеле дерьмовые замки! Я мо-гу за несколько секунд справиться с любым из них!

– В самом деле? – Казалось, командир проявил искренний интерес. – А как ты думаешь, смог бы ты научить этому других легионеров?

– Запросто. – Рвач даже засиял. – Как я уже сказал, это может сделать каждый.

– Прекрасно, – сказал Шутт. – Тогда я дам объявление и направлю к тебе на обучение всех заинтересованных, прямо завтра.

– С удовольствием, капитан.

– Так что будь готов. Завтра с утра они будут ждать начала занятий возле твоей комнаты.

Рвач побледнел:

– Моей комнаты?

– Да, именно. Я хочу, чтобы ты научил их справляться с самыми разными замками: в дверях, в шкафах, в чемоданах. И показывать все свои приемы ты будешь на примере замков *твоей* комнаты.

– Но...

– Разумеется, если среди твоих вещей случайно оказалось что-то «приблудившееся» в последние несколько недель, может, будет целесообразно откомандировать его обратно, к законным владельцам, прежде чем начнутся эти уроки. Ты согласен?

Рвач несколько раз открыл и закрыл рот, будто выброшенная на берег рыба, но так и не сказал ни слова.

– Пошли, напарник. – Суси рассмеялся, хлопнув его по плечу. – Мне кажется, на этот раз нас обошли с флангов. Похоже, что сегодня днем нам лучше заняться небольшой розыскной работой.

Не все объединения в пары проходили так бурно, но некоторые случаи были особенно необычны. Пожалуй, самым необычным оказался случай, происшедший в коктейль-баре отеля.

Хотя в баре отеля почти все места занимали легионеры, там обычно можно было заметить и нескольких штатских. Одни тянулись туда под впечатлением сообщений службы новостей, чтобы втихаря поглазеть на солдат, другие были просто удивлены таким обилием военных

мундиров в месте, которое всегда считалось гражданской зоной, и не хотели уступать своей территории. Хотя обычно эти две группы посетителей были склонны игнорировать друг друга.

Это вовсе не означало, однако, что legionеры не знали о присутствии гражданских. Правда, не все legionеры спускались за выпивкой в бар. Многие все еще находились под впечатлением давних запретов относительно посещения подобных мест, как и до появления здесь Шутта и переезда в отель «Плаза», и среди них действовало неписаное правило, что бар отеля можно было посещать лишь при условии хорошего поведения.

И вот в этот не вполне обычный вечер атмосфера в баре предвещала грозу. Троица молодых городских парней уселась за столиком и, казалось, поставила своей целью нарушить царившее вокруг спокойствие. Все трое пребывали в самом неудачном возрасте: слишком молоды, чтобы вести себя рассудительно, но слишком здоровы, чтобы не быть принятыми всерьез. Можно было предположить, что это студенты или, возможно, спортсмены из университета, расположенного в противоположной стороне колонии. Их одежда говорила о том, что в финансовом отношении они были обеспечены гораздо лучше, чем обычные уличные хулиганы. С другой стороны, опять-таки уличные хулиганы, как правило, обладают инстинктом самосохранения, хотя и бывают порой чересчур шумными. Со временем они теряют остатки детских заблуждений вроде убежденности в собственной неуязвимости и в большей степени доверяют своим мозгам, избегая ситуаций, представляющих очевидную опасность для их здоровья. Но те трое, о которых идет речь, относились совсем к иному типу.

Они были увлечены напускной веселостью, которая так свойственна компаниям, ищущим всеобщего внимания или приключений, а может быть, и того и другого вместе. Обычно они склоняют друг к другу головы, шепча что-то, и все это время не спускают глаз с какого-нибудь столика или посетителя, а затем неожиданно взрываются залпами смеха, неестественно громкого, опасно раскачиваясь взад-вперед на стульях. Если же к ним так никто и не подходит с заявлением типа: «Чего это вы так смеетесь?» – они переключаются на новую жертву, и процесс повторяется, на этот раз чуть тише.

Legionеры стойко игнорировали этих клоунов, но и без слов всем было ясно, что этих нарушителей спокойствия следует утихомирить. Проблема, оказалось, была в том, что никто не хотел начинать. И не то чтобы они боялись каких-то юнцов, хотя возмутители спокойствия на вид были достаточно крепкими и один на один могли бы справиться с многими из legionеров, – рота имела численное преимущество, и выгнать хулиганов на улицу не составило бы никакого труда... но как раз это-то и вызывало самые серьезные опасения. Да, к несчастью, никто из legionеров не хотел начать первым.

Нападение на юнцов, к тому же на глазах посторонних штатских, могло вызвать только недовольство в роте. Будь даже численность одинаковой с каждой стороны, все равно возраст legionеров и их «профессиональные навыки» сделали бы их зачинщиками ссоры, а если, не дай бог, в этой ситуации они еще и потерпели бы поражение, это означало бы потерю лица всей роты, что было бы совсем плохо, потому как и командир, и его дворецкий тоже присутствовали в баре. Расположившись за крайним столиком, они не отрывались от своих компьютеров. Так что основной причиной, по которой legionеры не желали затевать драку в присутствии гражданских, было то, что они определенно не хотели выглядеть виновниками подобного скандала в глазах своего старшего офицера.

Поэтому все просто потягивали выпивку, вцепившись в стаканы, и не желали замечать нелицеприятные выкрики, звучавшие в баре.

Но тут появилась Супермалявка.

На мгновение все legionеры словно застыли, охваченные тихим ужасом. Если бы все это случилось где-нибудь на Диком Западе, наверняка послышались бы крики: «Эй, кто-нибудь, зовите шерифа! Здесь намечаются неприятности!» Но поскольку все были там, где они были,

а именно – в сложившейся конкретной ситуации, то и действовать им пришлось соответствующим образом.

– Эй, Супермалявка!

– Иди сюда, Супермалявка!

– Здесь есть свободное местечко, Супер!

Маленький легионер остановилась на полпути, озадаченная таким обилием приглашений, в то время как ее товарищи по роте отчаянно старались предотвратить неизбежное. Разумеется, все было напрасно.

– ЧЕРТ ВОЗЬМИ, Я БЫ КУПИЛ ЕЙ ВЫПИВКУ, НО ОНА ЕЩЕ НЕ ДОРΟΣЛА, ЧТОБЫ ДОТЯНУТЬСЯ ДО СТОЙКИ БАРА!

– ХА! ХА! ХА!

В помещении повисла гнетущая тишина, когда Супермалявка очень медленно повернула голову в сторону источника этого шума.

– ХА, ВЗГЛЯНИ-КА! ДА ОНА ПРОСТО ПСИХОВАННАЯ! ЭЙ, КОРОТЫШКА, НУ, ЧТО НА НАС УСТАВИЛАСЬ?

Роту охватило напряжение, когда голова маленького легионера начала втягиваться в плечи и девушка, нахмурившись, медленно двинулась в сторону своих обидчиков. По традиции обычно никто не лез в чужую драку, но даже при своей комичной свирепости Супермалявка всем была близка, и никому не хотелось просто стоять и смотреть, как ее обижают. Ни у кого не было сомнений в исходе этой ссоры, поскольку было весьма сомнительно, чтобы Супермалявка смогла победить хотя бы одного из крикунов, не говоря уже обо всех троих, как можно было судить по ее намерениям.

Тихий скрип стульев свидетельствовал о том, что некоторые легионеры боролись с желанием вмешаться немедленно. Одно было ясно: если незваные нарушители спокойствия причинят Супермалявке какой-то вред, их выбросят из бара в одно мгновение, и все отношения с обществом полетят к чертям!

Неожиданно в полумраке зала выросла огромная фигура и заняла своей массой пространство между гражданскими и приближавшейся к ним Супермалявкой.

– Гм-м-м... Супер? – Это был Клыканини, рокочущий голос которого одновременно раздражал и казался мелодичным. – Напоминаю тебе, что капитан сказал... если устроишь здесь погром, ты оплатишь... все убытки.

Маленький легионер повернулась, отыскивая глазами командира, чтобы выразить протест по поводу такой заботы. Пока она искала Шутта, ее противники устали на огромную фигуру, занимавшую все пространство между ними и намеченной жертвой.

Как уже отмечалось ранее, волтон своим видом производил сильное впечатление, даже если о встрече с ним вам было известно заранее и происходит она при свете дня. А при тусклом освещении коктейль-бара с его низким потолком это впечатление многократно усиливалось, и можно было подумать, что это часть стены движется к вашему стулу... и эта уродливая голова, утыканная клыками и по самую шею заросшая темными волосами.

Трио искателей приключений тут же поднялись из-за стола, оценив при виде этого чудища всю необдуманность своего поступка. Сейчас им казалось, что они и вовсе никогда не присаживались за этот стол... Клыканини был действительно впечатляющ!

– М-м-м... а вы что, вместе с ней? – выдавил наконец один из них.

– Он хочет сказать, – вступил в разговор второй, – уж не означает ли это, что мы должны будем иметь дело с тобой, если доведем ее?

В ответ на это волтон сделал шаг назад, неожиданно удивленный.

– Она? Нет... ей не нужна моя помощь. В драке она способней меня... гораздо способней!

Все трое как один икнули и еще раз взглянули на Супермалявку.

– Хотите совет? – продолжал наступать волтон. – Уходите. А иначе кому-то очень достанется... и может быть, крепко.

Можно было не сомневаться в искренности и серьезности, которые звучали в голосе волтона, и уж никак нельзя было не обратить внимания на его обычное миролюбие. Неожиданно осознав собственную уязвимость, перепуганные молодцы бросили деньги на стойку бара и смотрелись, прежде чем Супермалявка смогла отыскать взглядом Шутта, вновь поглощенного беседой.

После сцены «Супермалявка в баре» было вполне естественно, что она и Клыканини так и останутся напарниками. Но окончательно это выяснилось лишь несколько дней спустя. В отличие от происшествия в баре, этого события ничто не предвещало.

Легионеры частенько посещали ресторан, чтобы скоротать свободные от службы часы. Они приходили сюда почитать или поговорить, что не всегда было удобно делать в комнатах. Кроме того, здесь было гораздо светлее, чем в баре. Таким образом, в ресторане почти всегда было около дюжины посетителей, как и в тот раз, когда Бренди явилась сюда, чтобы выпить чашечку кофе и немного расслабиться перед сном, поболтав с приятным собеседником.

С чашкой в руке оглядывая зал, она заметила Клыканини, погруженного в чтение стопки бумаг.

– Эй, Клык! – сказала она, плюхнувшись за его стол. – А твоя коротышка – она что, не позволяет тебе работать в комнате?

Волтон поднял голову и взглянул на нее своими черными мраморными глазами.

– Бренди, не называй моего напарника коротышкой. Ей это не нравится.

Откинувшись на спинку стула, старший сержант демонстративно рассмеялась.

– Черт возьми... какая обида! Конечно, я знаю, что коротышка раздосадована своим ростом, но...

– НЕ НАЗЫВАЙ НАПАРНИКА КОРОТЫШКОЙ!

Волтон в раздражении вскочил на ноги, и Бренди показалось, что все смотрят в их сторону.

– Остынь, Клык, – предупредила она. – Чего разошелся?

– ОНА УСЛЫШИТ ТЕБЯ. ОНА БУДЕТ ВНЕ СЕБЯ. ТЫ ЗАДИРАЕШЬ ЕЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ДАЖЕ НАНОСИШЬ ОБИДУ. НЕ НАЗЫВАЙ ЕЕ КОРОТЫШКОЙ!

Теперь уже все в ресторане наблюдали за этим поединком двух Гаргантюа, и старший сержант неожиданно осознала, что это вызов ее положению и власти.

– Послушай, Клыканини! – прорычала она. – Здесь никто не указывает мне, что говорить, даже капитан! Если я хочу называть Суперкоротышкой, я буду делать это... и ты не можешь запретить мне...

Сжатый кулак волтона опустился на самую макушку ее головы, повергнув Бренди в удивление и со стула.

В мертвой тишине все наблюдали, как их самый миролюбивый товарищ по роте нависал над упавшим старшим сержантом, задыхаясь от ярости.

– Я ПРЕДУПРЕЖДАЮ ТЕБЯ, БРЕНДИ. НЕ НАЗЫВАЙ НАПАРНИКА КОРОТЫШКОЙ!

Давно никто не пробовал бросать ей подобный вызов, но такое никогда ею и не забывалось. Потряхивая головой, чтобы прийти в себя, она нащупала и схватила ножку стула.

– Я думаю, эта драка будет за мной! – прошипела Бренди и прямо с пола бросилась на волтона.

Услышав, что кто-то суматошно барабанит в дверь его номера, Шутт вздохнул и поправил мундир.

– Входи, Супермалявка, – сказал он, когда атака на дверь возобновилась.

Самый маленький член роты ворвалась в комнату, с красным лицом, от неожиданности растеряв все, что собиралась сказать.

– Капитан! А вы знаете, что мой напарник лежит там, в нашей комнате, с перевязанной головой? И что врач говорит даже о возможном сотрясении мозга?

– Мне это известно.

– И вы знаете, что во всем виновата эта сука Бренди?

– Я слышал и об этом.

– Ну и... что же теперь вы собираетесь с ней сделать?

Шутт воспринял ее слова очень спокойно.

– Ничего.

– *Ничего?* Но ведь она...

– В данном случае я предпочитаю не делать ничего, вместо того чтобы увидеть твоего напарника под служебным расследованием.

Супермалевка часто заморгала и продолжила уже с меньшей уверенностью.

– Расследование? Я не понимаю, капитан.

– Присядь, Супер, – жестко приказал Шутт. – Если я сделаю официальное заявление по поводу случившегося, то буду вынужден опросить всех свидетелей того нападения, которое Клыканини совершил на старшего сержанта Бренди... нападения, которое кончилось тем, что она, защищаясь, ударила его в порядке самообороны. Я не хочу делать этого, поскольку эта сука, как ты изволила выразиться, в этом случае сможет привлечь его к ответственности. Я предпочитаю считать, что вообще ничего не произошло.

Супер на мгновение сердито нахмурилась, а затем покачала головой.

– Я не могу в это поверить, капитан. Должно быть, они все врут. Ведь Клыканини – самый спокойный в нашей роте. Чего он хотел добиться, нападая на Бренди?

– Позволь мне задать тебе вопрос, – проговорил командир. – А ты сама захотела бы связываться с Бренди?

Девушка скривила в гримасе рот.

– Она одна из тех, кого я с радостью бы обошла, будь у меня возможность, – сказала она. – Даже имей я холодную голову и вспомни все, чему меня учили в тех школах, о которых я вам рассказывала, она все равно разжевала бы меня и выплюнула косточки. Потрясающая леди!

Шутт печально кивнул:

– Вот, собственно, из-за этого и произошла драка.

– Сэр?

– Похоже, Бренди высказалась на твой счет, не очень выбирая выражения, а твой напарник испугался, что, если она скажет это при тебе, ты накинешься на нее и наверняка получишь взбучку.

– Пустой разговор. Она может снова сказать это. И что, если она может...

Супер затихла на полужелании, как только смысл происшедшего дошел до нее.

– Подождите. Так вы хотите сказать, что старина Клык взелся на нее из-за меня?

– Так говорят свидетели. Похоже, он посчитал, что имеет больше шансов, чем ты, справиться с ней. Разумеется, у него не было твоей подготовки. Он пытался сделать это за счет силы воли и энтузиазма.

Супермалевка уныло покачала головой.

– Это не решит вопроса, поверьте мне, – сказала она. – Поверьте, я знаю!

– Он сделал это, чтобы защитить своего товарища, – заявил Шутт. – Могу предположить, что ты поступила бы точно так же.

– Сэр?

– Подумай об этом, Супер. Твой напарник, который до сих пор в ярости даже руки не поднимал, ввязался в драку, чтобы защитить тебя от твоего же характера. Если ты и дальше

не сможешь контролировать себя для собственного же блага, подумай хотя бы о нем, прежде чем в очередной раз распускать руки.

Негромкий стук в дверь прервал их разговор. На приглашение капитана в комнату вошла старший сержант.

– Добрый вечер, капитан. Привет, Супер.

Супермалявка все еще испытывала некоторое раздражение, но Шутт был совершенно спокоен.

– Добрый вечер, старший сержант, – сказал он. – Я полагаю, вы здесь по поводу Клыканини?

– Ах нет... то есть да, в некотором смысле, как мне кажется. Вообще-то я разыскивала Супермалявку. Мне сказали, что она направилась сюда.

– Ну вот ты меня и нашла.

– Что ж, раз уж так получилось, Супер, мне кажется, я должна извиниться перед тобой.

– Извиниться?

– Да. Я обдумала все случившееся, и, честно говоря, я тогда просто вышла из себя. Я имею в виду не драку. Уверяю тебя, я никогда не задумывалась, что такие оскорбления могут тебя обижать. Черт возьми, ведь если кто-то и должен думать о тех, кто мал ростом, так это я. Во всяком случае, мне следовало бы делать это чаще других, вот почему я должна извиниться. Учту на будущее.

– Я ценю это, Бренди. В самом деле. Хотя думаю, тебе следовало бы извиниться и перед Клыком.

На лице Бренди мелькнула усмешка.

– Это я сделала в первую очередь. Но он настоял, что я должна извиниться не перед ним, а перед тобой.

– Ох...

– Ну, в общем, я извиняюсь перед вами обоими. Ты не держишь зла?

Супермалявка тут же пожала ее протянутую руку, и они заключили торжественную мировую.

– Вот, собственно, и все, чего я хотела. Если ты закончила здесь, может, спустимся вниз, в мою комнату? Мы могли бы поболтать за чаем.

– Да, я закончила, – сказала маленький легионер, вопросительно подняв брови и глядя на командира.

– Только еще один небольшой вопрос, Супер, пока ты еще здесь. Не хотелось бы казаться навязчивым, но все-таки что ты думаешь об уроках борьбы на палках, которые дает сержант Искрима?

Супермалявка слегка пожевала губами, прежде чем ответить.

– Говоря откровенно, капитан, вообще-то они идут неплохо. Сержант знает свое дело, только вот инструктор он не больно хороший. Делает все очень быстро, так что большинству трудно уследить и понять, что именно он делает... за исключением, может быть, таких, кто, как я, раньше уже обучался рукопашному бою.

– Мне тоже так кажется, – сказал Шутт. – Если ты не против, я хотел бы, чтобы ты взялась за это сама.

– Я? Скажете тоже. Я очень мало знаю об этих способах борьбы.

– Все, что я хочу от тебя, так это чтобы ты взяла несколько уроков у Искримы, а уже потом научила всю роту тому, что усвоила. А кроме того, это может заставить их отказаться от привычки дразнить тебя, когда они увидят, что ты можешь делать в обычной учебной обстановке.

– Я попробую, капитан, – с сомнением в голосе сказала Супермалявка, а затем по ее лицу пробежала короткая усмешка. – Давайте так: я обязательно сделаю это, если вы дадите мне несколько уроков фехтования. Договорились?

– Договорились, – сказал командир. – А теперь обе идите отсюда и дайте мне поработать.

Глава 10

Дневник, запись № 111

Пока происходили столь разительные перемены во взглядах легионеров на самих себя и своих товарищей, менялось и отношение к ним со стороны некоторой части местных жителей. Возможно, в этом плане наиболее заслуживающим внимания будет рассказ о начальнике полиции, шефе Гетце.

– Я очень рад, что вы выбрали время заглянуть к нам, шеф Гетц, – сказал капитан, с хрустом пожимая руку начальника полиции, которого он ждал в холле отеля «Плаза».

– Ну, я подумал, что, раз уж вы были столь любезны, пригласив меня посетить эту демонстрацию вооружений, самое малое, чем я мог ответить, это предложить вам эту прогулку, – заметил Гетц. – К тому же я еще так и не поблагодарил вас за тот пир, что устроил ваш повар. Это было восхитительно... хотя в половине случаев я так и не понял, из чего приготовлены блюда.

– Сказать по правде, – с усмешкой сказал Шутт, – я и сам не понял. Но мне показалось, что будет немного невежливо, а может, и не безопасно, спрашивать об этом. Искрима известен тем, что слишком чувствителен к отзывам о своей стряпне. Хотя все получилось вкусно, не правда ли?

– Именно так, – согласился шеф. – Особенно мне понравилась жареная свинина. Разумеется, меня слегка шокировало то случайное совпадение из рапорта, что лег на мой стол, относительно пропажи из отделения животноводства местного университета за день до этого целых трех свиней.

Шутт в душе выругался. Он только на следующий после банкета день выяснил, что Шоколадный Гарри оказался более чем свободен в поисках ингредиентов для кулинарных опытов Искримы. Узнай он об этом раньше, не стал бы приглашать на банкет шефа полиции или хотя бы настоял на том, чтобы свинину подавали на стол менее выразительными кусками. Однако вплоть до сегодняшнего дня он думал, что все прошло незамеченным.

– Если вы дадите нам несколько дней, полагаю, мы сможем представить вам полный комплект накладных о закупке интересующих вас продуктов.

– Несколько дней? – Брови на лице шефа полиции поползли вверх. – Этот ваш сержант-снабженец, должно быть, ведет дела из рук вон плохо, иначе бы ему потребовалось не более двух часов на то, чтобы отыскать утерянные бумажки.

– Но послушайте, шеф...

– Да ладно, капитан, – сказал полицейский с неожиданно хитрой улыбкой. – Я всего лишь слегка щелкнул вас по носу. Колония достаточно помогает университетской общине, и я уверен, пропажа трех свиней не стоит разговора, да будь их даже два десятка. Я просто хочу, чтобы вы знали, мы не... Черт возьми, *это* еще что такое?

Шутт глянул в ту сторону, куда указывал шеф, и засиял неожиданной улыбкой.

– Это? О, это всего лишь один из наших экспериментов. На удивление удачный.

Внимание шефа полиции привлек Спартак. Голубоватого цвета синтианец, крепко сидевший на своей планирующей доске, расположился на самом верху лестницы, спиралью спускавшейся от мезонина отеля к его главному холлу. Пока они смотрели, он переместил немного свой вес и направил доску вниз вдоль ступеней. Ни крутизна спуска, ни пугающее ускорение, казалось, не беспокоили синтианца, когда он промчался на своей доске над лестницей и пересек холл, искусно обогнув группу легионеров, занятых разговором. Они совсем не обратили внимания на то, как он проскочил мимо них, полностью игнорируя его, и точно так же вел себя дежурный клерк за стойкой.

– Похоже, окружающие уже привыкли к этим гонкам, – сухо заметил Гетц, не увидев никакой реакции в холле.

– Если он заметит, что кого-то это заинтересовало, то займется показухой, – сказал Шутт. – Когда такое случается, все обычно заканчивается аварией. Он действительно очень хорош в управлении этой штукой... можно даже сказать, живет на ней. Удивительно, что вы не видели его раньше. Обычно он проводит все свободное время в парке перед отелем, соревнуясь с детьми, которые давно оккупировали это место.

– Прошу прощения, капитан?

Шутт оглянулся, а затем чуть подтянулся и козырнул в ответ на приветствие сержанта-снабженца, который незаметно приблизился к ним.

– Доброе утро, Ш. Г. А мы только что говорили о тебе, буквально минуту назад. Что-то случилось?

– Нет, все в порядке, капитан. Сейчас начнется показ вооружений, и я подумал, что могу предоставить в ваше распоряжение мой мотолет.

– В другой раз, сержант. Шеф Гетц уже предложил мне отправиться с ним... О, извините меня. Вы оба, кажется, еще незнакомы, не так ли?

Гарри скользнул взглядом в сторону полицейского.

– Я... я уверен, что слышал о вас, шеф Гетц.

– И я наслышан о вас, сержант, – тут же отпарировал Гетц с натянутой улыбкой. – Очень приятно, но мы, пожалуй, сейчас не будем отвлекать вас. Я уверен, что мы с вами... на днях обязательно поговорим.

– А Гарри, пожалуй, *прав*, – вступил в разговор Шутт. – Нам и впрямь пора.

Новый лагерь легионеров был почти готов, и все с нетерпением ожидали возвращения назад. Следующей после полосы препятствий была закончена площадка для огневой подготовки, другими словами, стрельбище, где сейчас и собралась вся рота, ожидая демонстрации новых видов оружия.

Торговый представитель «Шутт-Пруф мьюнишнз» доставил сюда впечатляющую гору различного вооружения и сейчас скороговоркой описывал тактико-технические характеристики каждого вида. За исключением того, что он называл командира роты просто Вилли – привычка, от которой Шутт ежеминутно вздрагивал, а кое-кто из окружающих, особенно шеф полиции, просто ухмылялись, – познания продавца и его умение обращаться со своими смертоносными штучками очень быстро завоевали уважение и интерес со стороны основной массы собравшихся.

Кульминацией показа было приглашение легионеров оставить свои места на открытой трибуне и спуститься вниз, чтобы самостоятельно испытать некоторые виды оружия. На какое-то время сержантам прибавилось заботы – держать под контролем ринувшуюся вниз толпу, – но немного погодя все успокоилось, а воздух наполнился привычным шелканьем затворов и звуками выстрелов, когда легионеры с восторгом принялись разносить на куски разнообразные мишени.

– Да, здесь есть все, что угодно, – сказал шеф Гетц, устраиваясь на трибуне рядом с капитаном.

– Да. Потому я и подумал, что вас это может заинтересовать. Особенно несколько видов пластиковых и резиновых пуль, так называемых «падающих», – собственная разработка «Шутт-Пруф».

Полицейский лишь скорчил гримасу.

– Разумеется, это ведь здорово, если у подозреваемого, когда вы выстрелите в него, останется еще шанс защищаться в суде. Но мне думается, надо либо стрелять на поражение, либо не стрелять вообще, вместо того чтобы дурачить самих себя, будто мы можем выстрелить в кого-то, не причинив при этом особого вреда. Я давно заметил, что мои полицейские гораздо

лучше стреляют на полигоне, чем на улице. И все же даже находясь в стесненных обстоятельствах, они стреляют куда лучше, чем ваши солдаты в нормальных условиях.

И без этого было ясно, что легионеры далеко не меткие стрелки. Хотя мишени и были разнесены в щепки, сделано это было не за счет точной, прицельной стрельбы, а из-за несметного количества истраченных боеприпасов.

Теперь наступила очередь Шутта состроить гримасу.

– Мне приходилось видеть и худшее, хотя так сразу и не припомню, чтобы в одном месте собралось бы столь много бездарных стрелков. У меня, конечно, есть некоторый опыт обучения плохих стрелков, как нужно стрелять, и я бы уже давно закончил эту показуху и начал работу непосредственно с солдатами, но ее проводит «Шутт-Пруф мыюнишнз», это их коммерческое турне, поэтому выбор у меня – либо проводить сейчас эту демонстрацию совместно с ними, либо ждать еще пару месяцев, пока они прибудут сюда в очередной раз. В наше время очень трудно запретить солдатам пользоваться полностью автоматическим оружием и лазерными прицелами, вбивая им при этом в головы основы прицельной стрельбы.

Гетц кивнул, не отрывая взгляда от огневого рубежа.

– Похоже на то, что в этом мы друг с другом полностью согласны, капитан. Если вы с самого начала не научите их действовать по всем правилам, они так и будут полагаться на огневую мощь и прочую подобную чушь, вместо того чтобы научиться стрелять.

Капитан повернул голову и некоторое время внимательно смотрел на шефа полиции.

– Возможно, я не должен об этом спрашивать, шеф, – сказал он наконец, – но я не мог не заметить, что ваше отношение ко мне и моим легионерам со времени нашей первой встречи значительно смягчилось.

– Что ж, отвечу вам, мистер Шутт. Я, может, и бываю временами упрям, но, как правило, стараюсь мыслить достаточно трезво. Большинство моих патрульных полицейских тепло отзываются о ваших солдатах. Сдается мне, что кто-то из вашей роты пристрастился обхаживать полицию, и я получил немало сообщений за последние несколько недель о некоторых из ваших парней. Как я понял, они ни во что не вмешиваются и не участвуют ни в каких акциях, но мы оба знаем, что бывают случаи, когда наличие под рукой дополнительной пары людей в форме, не важно, какого цвета, позволяет удержать толпу от беспорядков.

– Это верно, – сказал капитан. – Я всегда считал, что большинство людей имеют верное представление о самих себе. Если мои солдаты убеждены, что они *могут* стать другими, то они и пытаются измениться к лучшему.

Тут шеф поднял руку, останавливая его.

– А теперь не поймите меня превратно. Никто никого не дурачит на тот счет, что ваша рота состоит сплошь из типичных участников рождественского хора, но все они по отношению к колонии настроены вполне дружелюбно, так что я могу гарантировать им, да и вам, некоторые поблажки.

– Ну уж не настолько большие, чтобы не отправлять рапорты в штаб-квартиру Легиона всякий раз, как только кто-то из моих людей получает служебное взыскание, – сухо заметил Шутт.

Гетц только вздохнул и пожал плечами:

– Это всего лишь следование прямым указаниям вашего командования, сынок. Они легли мне на стол в тот самый момент, когда вы появились на этой планете. У меня нет намерений лезть в ваши дела, но сдается, кто-то там, в верхах Легиона, не очень-то вас любит. Во всяком случае, они внимательно следят за вашими действиями, ожидая малейшей ошибки.

Капитан нахмурился:

– Я как-то не подумал об этом. Спасибо за предупреждение.

– Предупреждение? – Лицо шефа являло картину наивнейшей простоты. – Я просто ответил на официальное обращение за информацией одного из постоянных жителей нашей общины, коим я призван служить и которых обязан защищать.

– Пусть так. – Шутт кивнул. – Но как бы то ни было, спасибо... неофициально. Интересно, смогли бы вы...

– *Капитан!*

Не было никаких сомнений в необычайной важности этого обращения.

– Извините меня, шеф. Что случилось, Клыканини?

– Спартак собирается стрелять!

Короткого взгляда, брошенного в сторону огневого рубежа, было достаточно, чтобы эта информация подтвердилась. Синтианец сидел на планирующей доске, подсунув под дробовик свою длинную руку так, как показал ему Шоколадный Гарри, используя для этого весьма выразительные жесты.

– Да, вижу, – сказал командир. – Хотя, мне кажется, ситуация угрожающей отнюдь не...

– Он незнаком с третьим законом Ньютона?

Шутт нахмурился:

– С законом каким?

– Это не тот, что... – начал было шеф Гетц, но закончить эту фразу ему так и не удалось.

КХ – Х-БУ-У-У-М!

Искусство синтианца в управлении планирующей доской было так велико, что, несмотря на то что при выстреле он был буквально сметен с нее отдачей дробовика, стрелок сумел-таки на ней удержаться, хотя и завертелся с неистовой скоростью как волчок... правда, если спросить тех, кто был в непосредственной близости от него, они предпочли бы, чтобы этого не произошло. Всякий, кто раньше не имел возможности освежить в памяти третий закон Ньютона, сейчас мог наглядно убедиться, что, разумеется, для каждого действия существует равное противодействие! Образованный или нет, хороший стрелок или плохой, это никак не сказалось на чувстве самосохранения легионеров, и в мгновение ока каждый из присутствующих, включая и зрителей на трибунах, либо притаился в каком-то укрытии, либо распластался на земле.

К счастью, Спартак, испытывая дробовик, поставил его на стрельбу одиночными выстрелами, так что ситуация оказалась скорее комичной. Но переключи он свое оружие на автоматическую стрельбу, результаты могли бы оказаться нешуточными.

– Сдается мне, – растягивая слова, заметил шеф Гетц, подняв голову и глянув на Шутта, – что отдача от такого оружия слишком сильна для этого парня, по крайней мере пока он находится на той доске.

– Я тоже так думаю, – сказал капитан, выглядывая из-за спинки сиденья, за которым прятался. – В этом-то и заключается проблема. Устройство глаз у синтианцев не позволяет им пользоваться обычным оружием, имеющим достаточную точность стрельбы. Вот почему мы вооружили их дробовиками. Я мог бы, конечно, дать им автоматическое оружие, но боюсь, будут еще более сложные проблемы с отдачей.

– Вам бы подошло оружие с небольшой отдачей. – Гетц задумался, нахмурившись. – А вам не приходила в голову мысль дать им пневматические ружья?

– Пневматические ружья?

– Да, которые работают на сжатом воздухе и стреляют маленькими красящими шариками. Кое-кто у нас любит проводить уик-энд в военно-спортивном клубе и использует их.

– Ах, эти. – Шутт покачал головой. – Я всегда принимал их скорее за дорогие игрушки, чем за оружие.

– Некоторые из этих «игрушек» полностью автоматические и имеют дульную скорость выше четырехсот футов в секунду, – проинформировал его шеф.

– В самом деле? – Капитан с удивлением поднял брови. – А я и не знал. И все же не уверен, что это здорово – стрелять во время боя красящими шариками. И скорость здесь не имеет никакого значения.

– Ну, хорошо, – Гетц по-волчьи улыбнулся, вновь усаживаясь на свое место, – я просто-напросто знаю, где можно получить шарики с ВВ.

– Взрывчатыми веществами? – Теперь Шутт определенно заинтересовался. – И что, вполне легально?

– Может быть, это и будет для вас сюрпризом, мистер Шутт, но от полиции зачастую требуются настолько спешные действия, что ей некогда сверяться с буквой закона.

– Х-ха. И во что же мне обойдется подобная информация?

– Считайте это моей любезностью, – сказал шеф. – Разумеется, будет очень приятно, если вы, в свою очередь, окажете мне подобную услугу, ну, скажем, одолжите на время вашего повара, чтобы он помог организовать нам ежегодный банкет, который состоится через месяц?

– Думаю, мы могли бы оформить это по линии общественных связей. – Капитан усмехнулся. – А все же могу я узнать, есть ли для нас какой-нибудь *законный* способ получить эти самые ружья?

– Если не возражаете, – сказал Гетц, соскальзывая со своего места, чтобы вновь растянуться за укрытием, – я предпочту наблюдать за вашими экспериментами вот отсюда.

Когда кувыркания прекратились, Спартак отказался продолжать упражнения с оружием, предпочитая оставаться на своей любимой доске, вместо того чтобы при каждом выстреле с ней расставаться.

Неустрасимый Шоколадный Гарри передал дробовик Луи, синтианцу-аристократу. Не обладая снаровкой Спартака, Луи давным-давно оставил попытки освоить планирующую доску, заявив, что это ниже его достоинства, так что на этот раз беспорядочная стрельба с летающего средства передвижения никому не грозила. Прочно устроившись в боковой коляске хока, которым управлял Гарри, он имел более чем достаточно возможностей прицелиться, хотя бы приблизительно, так что Шутт решил позволить ему и в дальнейшем пользоваться дробовиком.

В качестве завершающего штриха кто-то из легионеров отыскал старую каску и проделал в ней отверстия для того, чтобы Луи мог просунуть в них свои глаза. Картина, которую они собой представляли – Шоколадный Гарри верхом на мощном мотолете и пристроившийся в коляске Луи, сжимающий дробовик, с глазами, торчащими из старой каски, – повергла бы в шок не одного прохожего. Недаром шеф Гетц заметил, что появление в городе этой необычной пары оказалось более эффективным сдерживающим средством, чем целая бригада обычных полицейских патрулей.

Как ни странно, но доброе отношение к Спартаку со стороны роты ослабило ту брезгливость, с какой Луи относился к низкородному синтианцу, больше того, он фактически вошел с ним в деловое партнерство, занявшись рекламой планирующих досок на их родной планете. Спартак записал на пленку серию демонстрационных полетов вместе с подробными инструкциями к ним, в то время как Луи использовал свои семейные связи и влияние, чтобы устранить обязательные в таких случаях лицензионные барьеры и разного рода ограничения. Вся рота не раздумывая скинулась для формирования стартового капитала этого предприятия, поскольку легионеры были твердо уверены в том, что в будущем оно принесет им значительные дивиденды.

По мере того как среди легионеров укреплялись партнерские и просто товарищеские связи, менялось и их отношение к самим себе и друг к другу. Бесконечная вражда и разногласия исчезали, на смену им приходило осознание единства. Стало очевидно, что, как только какой-либо индивид, он или

она, побеждал ощущение своей ущербности или зависимости, он тут же становился более терпимым к недостаткам окружающих.

Для некоторых, к сожалению, эти изменения проходили не всегда гладко, иногда дело доходило до крайностей.

Шел последний вечер пребывания легионеров в отеле. Строительство их нового лагеря было закончено, и поступил приказ упаковываться и готовиться к утреннему отъезду. По молчаливому соглашению, после того как подготовка к отъезду была завершена, большинство легионеров собралось в баре отеля, чтобы скромно отпраздновать возвращение. Разумеется, мест там было недостаточно сразу для всей роты, но у легионеров было приподнятое настроение, и многие просто стояли, прислонясь к стене, сидели группами на полу или блуждали по залу от одной компании беседующих к другой. Как обычно бывает на таких солдатских сборищах, часть разговоров постепенно перешла в некое словесное состязание, по мере того как отдельные легионеры начинали жаловаться или, наоборот, хвастаться по поводу наиболее плохих условий своей службы в Легионе.

– ...Так вы считаете, что на этих болотах очень тяжело нести службу? – Бренди даже рассмеялась, делая круговое движение стаканом, чтобы привлечь внимание. – Знаете, однажды я получила назначение в роту, которая должна была охранять, представьте себе, черт возьми, *айсберг*! Никто из нас не мог понять, для чего это было нужно, и тем более никто даже мечтать не мог хоть как-то согреться – с тем-то снаряжением, которое мы получили! – без того чтобы найти кого-нибудь *действительно* совсем близко от себя, если вы улавливаете, к чему я клоню. После нескольких недель такого холода с вас сходит весь жир, и, должна отметить, некоторые из самых безобразных легионеров стали ну просто изящными!

Кружок легионеров с пониманием рассмеялся, правда, коротко, поскольку другие уже тянулись к ним, чтобы тоже послушать.

– К разговору о тяготах службы, – заявила Супермаявка, опередив остальных. – Мое второе назначение... а может, это было третье?.. Какая разница! В общем, командир на дух не переносил низкорослых, и, естественно, единственный путь, каким я могла поучаствовать в игре в баскетбол, это предложить использовать меня в качестве мяча. И вот как-то раз он зовет меня к себе в кабинет и говорит...

– Я расскажу вам, что значит трудная служба!

Раздосадованная, что историю прервали на самой середине, вся компания неодобрительно посмотрела на появившегося лейтенанта Армстронга, который, покачиваясь из стороны в сторону, неуверенно двигался в их направлении.

– Это... не имеет значения, *где* ты служишь и *что* именно делаешь. Когда ты служишь под командой извращенного призрака... и этот призрак к тому же еще и твой... отец *и* один из наиболее прославленных воинов, тогда ты... ты можешь потратить всю свою жизнь, пытаясь доказать, что хоть на одну десятую, но лучше твоего командира. *Вот* что такое трудная служба! И я хочу только одного: чтобы этот сукин сын прожил как можно дольше, так долго, чтобы совершить хотя бы одну ошибку!

Легионеры переглянулись и, испытывая неловкость, наблюдали, как Армстронг, теряя координацию, пытается поднести к губам стакан.

– Гм-м... не кажется ли вам, лейтенант, что вам необходимо немного поспать? – очень осторожно заметила Бренди, нарушив тишину.

Армстронг осоловело уставился на нее и отчаянно заморгал, стараясь сфокусировать зрение.

– Вы прр... авы... сержант Бренди. Не следует говорить или делать ничего... что не... к лицу офицеру. Хотя я... я лучше подышу свежим воздухом. Доброй... ночи... всем.

Лейтенант выпрямился и попытался отдать честь, прежде чем вывалился за дверь, придерживаясь рукой за стену.

Собравшиеся молча наблюдали за тем, как он уходил.

– За офицеров и джентльменов... Храни нас Бог, – сказал кто-то, поднимая стакан с насмешливым тостом.

– Гм-м... Мне неприятно это говорить, – растягивая слова, произнесла Супермалявка, – но сейчас слишком поздно, чтобы разгуливать по улицам в таком состоянии.

– Ну так что? Ведь он пьяница!

– Да, но *наш* пьяница. Я не хочу, чтобы с ним случилось что-то, пока он носит такую же форму, как я. Идем, Супер. Обеспечим ему боевой эскорт, пока лейтенант окончательно не свалился.

Прислонившийся к стене, никем не замеченный за вазами с густо разросшимися растениями, Шутт улыбался сам себе, наблюдая эти перемены. Легионеры все больше и больше начинали думать о товарищах и помогать друг другу. Одни были общительны, другие сторонились компаний, но все были готовы поддержать *честь мундира*. А это уже кое-что, и в конечном счете...

Его мысли прервал сигнал коммуникатора.

– Мамочка? – спросил он, включая связь. – Что ты делаешь там, наверху? Спускайся вниз и...

– Мне кажется, у нас неприятности, Большой Папочка, – резко оборвала его Роза. – На связи шеф полиции. Он говорит, это срочно.

Шутт ощутил в желудке пустоту, которая не имела ничего общего с выпивкой.

– Давай его.

– Соединяю. Пожалуйста, шеф.

– Уиллард? Тебе бы лучше прийти сейчас сюда, да побыстрее. Двое твоих парней вляпались в дерьмо, и прикрыть их мне никак не удастся.

– И что они сделали? – спросил капитан, прекрасно зная, какой услышит ответ.

– Похоже, их поймали на месте преступления, кража со взломом, – сообщил ему Гетц. – Но это бы еще полбеды. Дело в том, что они забрались в дом губернатора и он сам поймал их!

Глава 11

Дневник, запись № 112

Может показаться, что мой шеф имеет чрезмерную склонность, в отличие от большинства людей, «выкупать» свой путь из плена тупиков и дилемм, но я бы отметил, что он неизменно соблюдал определенные рамки при столкновении с политиками. Это не было, как может показаться, результатом некоторого отворачивания с его стороны к влиянию «отдельных заинтересованных групп» или поддержки лозунга, выражающего основу одного философского направления: «Честный политик – это тот, кто, будучи куплен раз, остается купленным навсегда!» Скорее это происходило из его твердой убежденности, что власти, избранные путем голосования, не должны получать свыше того, что положено за их работу.

Вот как он сам излагает это: «Официанты и служба получают минимальную зарплату, изначально заниженную в расчете на то, что их итоговый доход увеличится за счет чаевых, а отсюда следует, что если кто-то чаевых не получает, то он фактически вынужден грабить людей, отбирая у них последнее. С другой стороны, предполагается, что должностные лица живут в рамках своего жалованья, и любая попытка с их стороны получить дополнительный заработок за самые простые услуги, определяемые их обязанностями, есть вымогательство, если не хуже, и должна считаться преступлением!»

Нечего и говорить, подобное отношение никак не способствовало росту его популярности среди встречавшихся с ним политиков.

Губернатор Лякот, или Слякоть, как его называли политические противники, никак не мог выйти из состояния самодовольного возбуждения с тех самых пор, как капитан попал в поле его зрения. Уже в тот момент, когда он только прочитал в новостях, что в их колонии объявился мегамиллионер, губернатор, пораскинув мозгами, соблазнился очередным походом за жирными «пожертвованиями», которые решил получить за счет сей достопримечательности. Однако все приглашения на вечера и ленчи оставались со стороны легионера без внимания, что красноречиво свидетельствовало о его отношении к планам губернатора насчет дополнительных вложений и смутным намекам на «благотворительное законодательство».

Но теперь он наконец-то не только получил шанс встретиться с наследником «Мьюнишнз», но и провести эту встречу в обстановке, которую можно рассматривать как «благоприятную для переговоров». Проще говоря, имея двух легионеров под замком, он рассчитывал на абсолютную беспомощность их командира, и при этом абсолютно не имел намерений ни продешевить, ни отпустить пленников просто так.

– Вот наконец мы и встретились, мистер Шутт... или я должен называть вас «капитан Шутник»? – Губернатор улыбнулся, откинувшись в кожаном кресле, пока командир легионеров усаживался на стул для гостей.

– Пусть будет капитан Шутник, – сказал Шутт, так и не возвратив ему улыбку. – Это не светский визит. Я здесь официально, по делам Легиона.

– Вот это верно. – Губернатор кивнул, наслаждаясь ситуацией. – Вы не из тех, кто принимает приглашения на светские приемы. Хорошо, тогда, может быть, перейдем прямо к делу? Чем могу вам помочь... считайте, что я не в курсе ваших дел. Говоря откровенно, я рассчитывал увидеть вас сегодня гораздо раньше.

– У меня было несколько дел, с которыми требовалось разобраться в первую очередь, – спокойно ответил ему капитан. – А относительно того, чем вы можете мне помочь, – я прошу вас отозвать дело против двух легионеров, находящихся сейчас в городской тюрьме.

Губернатор покачал головой:

– Этого я сделать не могу. Люди, о которых вы говорите, преступники. Я поймал их сам, вот у этого самого окна. Нет, сэр, я не могу позволить им выйти на свободу, чтобы они вновь занялись воровством... если, конечно, вы не предоставите мне – можем мы сказать так? – *причину* для такой снисходительности.

– Я могу предоставить их вам целых две, губернатор, – процедил Шутт сквозь стиснутые зубы, – хотя, думаю, вполне достаточно будет и одной. Прежде всего эти люди не забирались в ваш дом...

– Может быть, вы не расслышали меня, капитан. – Губернатор улыбнулся. – Я сам поймал их!

– ...а выбирались *из* вашего дома, – закончил Шутт, словно не хотел, чтобы его перебивали. – Видите ли, мои легионеры стремятся использовать любой шанс, чтобы получить работу по патрулированию, которую вы предпочли отдать частям регулярной армии, и те два человека, Рвач и Суси, проникли сюда, пытаясь найти нечто, что я мог бы использовать в качестве средства принудить вас дать нам этот шанс.

Шутт сделал паузу, чтобы покачать головой.

– В некотором смысле это была моя ошибка. Я говорил о подобных средствах в их присутствии, они слышали это и попытались добыть их для меня самостоятельно. В общем, найденное они принесли мне, а я приказал вернуть его на место. Что они и сделали. Тут-то вы их и поймали, то есть когда они уже *покидали* ваш дом. Короче говоря, здесь нет состава преступления, оправдывающего ваше требование провести расследование.

– Нет преступления?! – рявкнул губернатор. – Если бы даже я поверил в эту вашу небылицу, капитан, а я не верю в нее, они *все же* проникли в мой дом. Дважды, если судить по вашим словам.

Шутт расплылся в несколько натянутой улыбке, первой с тех пор, как он вошел в эту комнату.

– Подумайте, губернатор. Или вы верите мне, или нет. Однако в том случае, если вы хотите путем ваших умозаключений получить неприятности, то... – Он вытянул руку, указывая на стол, за которым сидел губернатор. – Нижний ящик слева, папка с надписью «Старые дела». *Это* они положили на место. Убедились?

Улыбка моментально исчезла с лица губернатора, словно группа поддержки после проигранных выборов.

– Если вы имеете в виду...

– Говоря откровенно, губернатор, – продолжил Шутт, – меня не интересуют ваши сексуальные предпочтения и то, с кем или с чем вы это удовлетворяете, хотя сам я обычно ограничиваю свои наклонности человеческим родом, и еще меньше меня интересует, держите вы или нет подобные картинки в качестве сувениров. Все, что я хочу, так это вернуть своих людей. Разумеется, если их дело окажется в суде, я буду просто вынужден давать свидетельские показания в их пользу, включая и нелестное описание этих фотографий. Представляете, как ухватаются средства массовой информации за возможность узнать все подробности этого дела.

– Вы не сможете это доказать, – выплюнул губернатор, бледнея на глазах. – Если только... мне не послышалось – вы сказали, у вас есть копии?

– Я мог бы обмануть вас и сказать, что и правда сделал копии, – ответил Шутт, – но в действительности я их не делал. Как я уже сказал, губернатор, у меня нет никаких намерений использовать эту информацию, почему я и велел им отнести все это назад. Однако, согласитесь, репутация политика – вещь очень деликатная. Малейшая тень скандала может погубить ее,

а доказаны факты или нет – не имеет никакого значения. Право, я затрудняюсь сказать, что для вас предпочтительнее: преследование в судебном порядке моих людей или угроза вашей политической карьере?

Лякот некоторое время не отрываясь глядел на Шутта, затем схватился за телефон и в раздражении начал набирать номер.

– Пожалуйста, шефа Гетца. Говорит губернатор Лякот... Шеф? Это губернатор. Шеф, я решил снять обвинение с двух легионеров, которых вы у себя держите... Именно так. Отпустите их... Ох, да не забивайте голову причинами! Просто сделайте это, и все!

Он с грохотом швырнул телефонную трубку и уставился в окно, желая немного остыть, прежде чем снова повернулся к собеседнику.

– Все в порядке, капитан Шутник, с этим улажено. А теперь, если у вас нет ко мне других дел, я просил бы извинить меня. Мне хотелось бы прямо сейчас сжечь кое-какие фотографии.

К его удивлению, легионер и не думал подниматься.

– На самом деле, раз уж я здесь, у меня *есть* еще одно дело, которое я хотел бы обсудить с вами, губернатор.

– Есть дело?

– Совершенно верно. Помните, в самом начале разговора я упоминал работу по патрулированию.

– Да, конечно. Именно для этого вы и хотели использовать мои фотографии.

Невероятно, но губернатор моментально подавил свой гнев. В политике нет места тем, кто не в состоянии быстро приспосабливаться к обстановке или склонен поддаваться собственным слабостям и держать зло против того, кто может быть потенциальным союзником. И, в конце концов, Лякот вновь позволил себе подумать о возможном дополнительном финансировании!

– Точно, губернатор Лякот, – сказал Шутт, – и думаю, это позволит нам извлечь взаимную выгоду из создавшейся ситуации.

Надежды губернатора начали обретать реальные контуры. Он был мастером по части политических спекуляций и с легкостью распознавал ситуации, могущие принести немалую выгоду. Как ни странно, но люди редко бывают способны дать правильный ход своим суждениям... или предложениям. Поэтому приходилось лишь терпеливо ждать, пока они сами не перейдут к конечной цели своего визита. При этом губернатора интересовал только один вопрос, а именно: какой размер вложений собирался предложить ему Шутт. И еще, пожалуй, то, как долго потребует подводить его к этой главной теме.

– Это все чистая политика, – сказал он уклончиво.

Капитан внимательно оглядывал комнату, задерживая взгляд на книгах в кожаных переплетах и оригиналах картин, украшавших стены.

– У вас здесь действительно чудесное гнездышко, губернатор.

– Спасибо. Мы...

– Хотя, пожалуй, не такое прелестное, как дом на Альтаире, в котором живет ваша жена.

Вопреки решению быть терпеливым, губернатор почувствовал приступ раздражения при упоминании о его личном домовладении... и о его жене.

– Да-да. А теперь позвольте узнать, сколь велики планируемые вами капиталовложения в мероприятие, которое мы собираемся обсудить?

– Капиталовложения? – Шутт нахмурился. – Мне кажется, здесь какая-то ошибка, губернатор. Я не планировал обсуждать, а тем более делать какие-либо капиталовложения при решении вопроса о патрулировании. Думаю, вы и без того живете явно не по средствам.

Лякот мгновенно побагровел.

– То есть как это – живу не по средствам? – попытался уточнить он.

– Дополнительные капиталовложения при этом просто неуместны, губернатор, – сказал капитан. – Особенно если учесть ваши текущие долги по кредитам. Откровенно говоря, если вы их не погасите, я буду очень удивлен, если вы не окажетесь банкротом еще до конца года.

– Это всего лишь объединенный заем, так что я могу... Эй! Минуточку! Эта информация считается конфиденциальной! Какое вы имеете право копаться в моих личных финансовых делах?

– О, информация эта действительно конфиденциальная, не спорю, – заверил его Шутт. – Но, совершенно случайно, я – один из членов правления банка, которому поручено произвести оценку вашей состоятельности, и в этой ипостаси я вполне могу воспользоваться своим правом вето на крупные займы, сопряженные с определенным риском, к коим, боюсь, может быть отнесен и ваш.

Губернатор рухнул в кресло, словно сраженный апоплексическим ударом.

– Вы хотите сказать, что, если я не заключу с Легионом контракт на несение патрульной службы, вы наложите вето на мою просьбу о займе?

– Считайте, что мне трудно будет не учесть этот фактор при оценке вашей кредитоспособности. – Капитан улыбнулся.

– Я понимаю.

– Однако хочу прояснить один момент. Я не прошу вас поднести Легиону этот контракт на блюдечке. Я прошу только дать ему равные шансы с ротой регулярной армии *заслужить* это назначение.

Лякот склонил голову набок и взглянул на Шутта сквозь прищуренные глаза.

– Если не возражаете, капитан, мне хотелось бы знать, почему вы не настаиваете на том, чтобы просто заключить этот контракт? Ведь я сейчас не в таком положении, чтобы спорить с вами.

– Справедливый вопрос, губернатор, – заметил Шутт. – Видите ли, я пытаюсь вселить в своих легионеров уверенность в себе. Если они заслужат этот контракт в честном соревновании с подразделением регулярной армии или хотя бы получат вполне достаточное подтверждение собственной состоятельности, это будет несомненной удачей. А покупая контракт или принуждая вас отдать его им, я могу получить прямо противоположный эффект. Это лишь укажет каждому из них, что единственная возможность его получить – только мои деньги. Все дело в том, что я уверен: мои солдаты смогут проявить себя в открытом, честном соревновании не хуже, а может быть и лучше любой роты регулярной армии.

– Интересно, – задумчиво пробормотал губернатор. Он долго смотрел в окно, затем покачал головой. – Нет. Я не могу этого сделать. С того момента, как вы приставили пистолет к моей голове, капитан, я с вами честен. Конечно же, я мог бы согласиться и принять ваши деньги, а затем через какое-то время сказать, что пересмотрел свое решение. Вы в таком случае могли бы принять это за двойную игру и давить на меня через мою кредитоспособность. Но истинное положение дел таково, что я уже *не могу* помочь вашим парням, не могу помочь даже в том, чтобы предоставить им этот шанс. Я уже подписал контракт с регулярной армией на эту работу и не могу отказаться от него, даже если бы и хотел.

– О, к этому я был готов, губернатор, – с легкостью сказал Шутт. – Не сомневаюсь, у вас есть *одна* лазейка, которую вы можете использовать... если захотите, конечно.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, например, устав колонии, который запрещает односторонние контракты со службами при отсутствии конкурентной основы.

– Сожалею, но я не помню никакого...

– В таком случае очень кстати, сэр, что совершенно случайно у меня есть с собой копия этого документа.

Капитан достал из кармана лист бумаги и положил его на стол перед губернатором.

– Прошу обратить внимание, что он подписан членами Совета Колонии и датирован неделей раньше, чем вы подписали контракт с регулярной армией... сэр.

Лякот даже не шелохнулся, чтобы глянуть на документ. Вместо этого он прищурил глаза и с подозрением уставился на Шутта.

– Капитан... мне почему-то кажется, что если я пошлю за оригиналом этого документа, то обнаружу, что некоторые подписи на нем еще не просохли...

– Если припомните, придя сюда, я сразу сказал вам, что задержался из-за пары дополнительных визитов, – спокойным тоном ответил Шутт.

Губернатор театральным жестом вскинул руки вверх.

– Хорошо! Сдаюсь! Когда армия прибудет сюда, мы устроим соревнование, на котором вы и ваши головорезы получают шанс на этот контракт! Это все или вам нужно что-нибудь еще? Говорите, не стесняйтесь! Чем богаты...

– Вот теперь все, губернатор Лякот, – сказал Шутт, поднимаясь со стула и забирая бумагу с губернаторского стола. – Нечего и говорить, я рад, что мы провели эту маленькую беседу. Я был уверен, что мы найдем путь разрешить все проблемы.

– Капитан Шутник! – остановил его губернатор, когда Шутт уже взялся за ручку двери.

– Да, сэр?

– Вас когда-нибудь выгоняли из государственного учреждения?

– Меня, сэр? Нет.

– Это хорошо.

Глава 12

Дневник, запись № 121

Просматривая свои записи, я заметил, что по ним может сложиться впечатление, будто мой шеф всегда брал верх во всех ситуациях и старался предусмотреть все случайности. В действительности же это было совсем не так. Он определенно мог служить примером, когда дело касалось быстрой адаптации к меняющимся обстоятельствам или принимало неожиданный оборот, но все это происходило с ним гораздо чаще, чем он мог предвидеть.

Я вправе это утверждать, поскольку привилегированность моего положения позволяла мне неоднократно быть свидетелем таких ситуаций, когда было совершенно очевидно (для меня), что он оказывался буквально захвачен врасплох.

Новые помещения роты, или Клуб, как стали называть свой дом legionеры, определенно не уступали по комфортабельности апартаментам отеля «Плаза». Кроме уже упомянутых полосы препятствий и стрельбища, там были бассейн, сауна, вполне приличных размеров гимнастический зал и достаточное количество комнат, где можно было собраться поговорить. Но так уж сложилось, что основным местом, где собирались legionеры, стало большое помещение, служившее одновременно столовой, комнатой для собраний и коктейль-баром. Удобные диваны, камины, свободно расставленные стулья – все это располагало к тому, что legionеры с удовольствием собирались тут в свободные от дежурства часы. Не случайно именно здесь вращалась всяческая информация, да и просто слухи, которые распространялись, минуя официальные каналы.

Шутт задержался немного, прежде чем приняться за завтрак, наблюдая очередной взрыв суеты, царившей в столовой. Одного взгляда было достаточно, чтобы заметить необычное оживление. Legionеры собирались в тесные кружки за отдельными столами и очень тихо, но увлеченно о чем-то переговаривались между собой. Кое-где были слышны взрывы неудержного смеха, при этом в сторону командира бросалось значительное количество игривых взглядов и наблюдалось подталкивание соседей локтями, когда legionеры замечали его присутствие. О том, что он нашел все это занимательным и более чем любопытным, нечего было и говорить. Манеры его солдат напоминали поведение детей, украдкой следящих за лягушкой, которую тайком притащили в класс, и озабоченных единственным вопросом: «Что, если ее обнаружит учитель?» Вся сложность данной ситуации заключалась в том, что он, хоть убей, не мог себе представить, чем вызвано такое поведение этой пестрой компании. Наконец Шутту надоело гадать, и он присел за стол, где расположился его дворецкий.

– Доброе утро, Бикер, – сказал он рассеянно, все еще продолжая оглядывать комнату. Несмотря на то что его внимание было поглощено залом, Шутт заметил, что дворецкий почти не отрывал глаз от экрана своего компьютера.

– ...утро, сэр.

– Скажи мне, Бик... Ведь солдаты рассказывают тебе порой такое, что не осмелятся сказать мне, и если это не нарушает конфиденциальности... Как ты думаешь, с чего это сегодня утром все выглядят какими-то озабоченными?

– Уверен, что могу объяснить вам это абсолютно точно.

Шутт прекратил рассматривать зал и обратил взгляд к Бикеру – как оказалось, только для того, чтобы созерцать макушку его замечательной головы.

– Ну, так что? – поторопил он его.

Дворецкий оторвался от компьютера, поднял глаза и с еле сдерживаемым смехом встретил выжидающий взгляд шефа.

– Уверен, что это объяснит и происхождение тех значительных сумм, которые Бренди внесла в общий фонд роты... тех самых, что вызвали у вас недоумение.

– Послушай, Бик, расскажешь ты мне, наконец, или...

– Я думаю, вы сами можете посмотреть... сэр, – с невозмутимым видом произнес Бикер, поворачивая экран компьютера, чтобы на него мог взглянуть и командир.

На экране отображалась страница из журнала, но даже значительно уменьшенный масштаб изображения не мог ослабить впечатления от сногшибательного заголовка:

**ШУТТОВСКИЕ КРАСАВИЦЫ
В МОДУ ВХОДЯТ ДЕВУШКИ ИЗ ШУТТОВСКОЙ РОТЫ —
МАЛЕНЬКИЕ, СРЕДНИЕ И (ОЧЕНЬ) БОЛЬШИЕ!!!**

Всю страницу занимали, что называется «во всей красе», три слишком хорошо знакомые фигуры: Бренди, Супермалявка и... Мамочка!

Бикер внимательно наблюдал за лицом своего шефа, силясь обнаружить признаки тревоги или удивления, но Шутт казался безразличным, словно рассматривал статьи доходов-расходов роты. Необычным было только время, которое он потратил на изучение экрана, но лишь Бикер и мог заметить эту деталь. Вообще говоря, Шутт был способен усваивать информацию и принимать решения в одно мгновение, но на этот раз, однако, он уставился на экран так, будто перед ним открыли пять карт одной масти и он пытался изменить расклад за счет одной только силы воли.

– Я мог бы загрузить это в память и отпечатать для вас увеличенную копию, если хотите... сэр, – сказал наконец дворецкий, пытаюсь вывести Шутта из состояния оцепенения.

– Я уже полностью ознакомился с этим, Бикер, – последовал спокойный ответ, хотя Шутт по-прежнему не сводил глаз с экрана.

– Мне это не составит труда, сэр, – продолжал безжалостно наступать Бикер. – Все равно у меня уже есть несколько заказов от ваших легионеров, так что одной копией больше, одной меньше...

– Это местный журнал или общегалактический?

– Что вы имеете в виду... сэр?

Наконец Шутт оторвался от экрана и, прежде чем ответить, некоторое время невидящим взором смотрел на дальнюю стену.

– Я думаю...

– О! Вы уже видели это! Привет, Бикер!

Дворецкий вежливо привстал, чтобы поприветствовать старшего сержанта.

– Доброе утро, Бренди. Да, мы с капитаном как раз это обсуждали.

– В самом деле? И что вы думаете, сэр? Не так уж и плохо для такой старушки, как я, верно?

– Это... вы выглядите прекрасно, Бренди, – сумел выговорить Шутт сквозь натужную улыбку. – Вы все прекрасно выглядите.

– Я тоже так думаю. – Старший сержант сияла. – Должна сказать, что поначалу я немного боялась показывать такую гору старья рядом с новейшими моделями... – она слегка покачалась, чтобы проиллюстрировать свои слова, – но пробы оказались совсем неплохими, так что я дала этому зеленый свет.

Дворецкий понимающе кивнул:

– О да. Копии, которые вы просили, будут готовы после обеда, – сказал он и улыбнулся.

– Прекрасно! Сколько я буду должна вам за них?

– Ничего. Считайте их моим, а точнее капитана, подарком. Ведь, в конце концов, это его принтером я пользуюсь.

– Ох, спасибо, капитан. Ну, мне нужно идти... моя публика ждет меня.

Наконец Шутт нарушил молчание.

– Э-э-э... Бренди?

– Да, сэр?

Он дважды пытался начать говорить, прежде чем смог сосредоточиться на одном вопросе.

– Как вам удалось втянуть в это и Мамочку?

– Втянуть? Да это же была ее идея! Ну, ладно... пока!

Двое мужчин продолжали смотреть ей вслед, когда она направилась, чтобы присоединиться к одной из групп, весело помахивая рукой в ответ на крики и свист, которые неслись ей навстречу.

– Да, это была идея Мамочки... сэр, – мягко повторил Бикер.

Шутт рассеянно улыбался, оглядывая комнату.

– Черт побери! – произнес он сквозь стиснутые зубы это ругательство, от чего обычно старался удерживаться. – Можешь себе представить...

Сигнал наручного коммуникатора перебил его на середине фразы, словно крик дежурного черта, приставленного к каждому разумному существу в этой вселенной, чтобы при первой возможности раздражать его нервы. Шутт остановил готовый излиться поток слов и включил связь.

– Да, Мамочка?

– Хоть я и презираю себя за то, что мешаю вашему завтраку, Большой Папочка, но по голографической связи вас срочно требует полковник Секира, из главной штаб-квартиры. Похоже, у нее очень серьезные намерения.

– Иду, – сказал Шутт, поднимаясь со своего стула. – Шутник закончил.

– Как только что заметила леди, – съязвил Бикер, – ваша публика ждет вас!

Следуя правилам, установленным еще в то время, когда их штаб находился в отеле «Плаза», узел связи располагался в комнате, соседствующей с кабинетом командира. Однако новое помещение не улучшило ни качества голографической связи, ни содержания самих передач.

– Это что еще за трюки глупых баб, капитан?

Изображение полковника Секиры зависло в нескольких футах над ковром, а ее рвущийся наружу гнев, похоже, передавался без всяких искажений. Растрепанный мундир и более чем безумное выражение лица указывали на то, что она вышла на связь без всякой предварительной подготовки.

– Трюки глупых баб?

– Не притворяйтесь. Шутник! Я говорю о фотографиях ваших девиц в этом гадком журнале «Ти-Эй»!

– А-а-а... вы об этом! – произнес Шутт, удивляясь про себя столь быстрому распространению этого журнала. – А что, мэм, здесь есть какая-то проблема?

– Проблема? Да разве вам не понятно, что это порочит репутацию Легиона?

– Извините, мэм... вы сказали... «репутацию»? Мы говорим об одном и том же Легионе?

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, Шутник.

Многолетняя привычка сохранять спокойствие перед лицом опасности тут же пришла на помощь Шутту.

– Не вполне уверен, что понимаю. Я хорошо помню, как сама госпожа полковник сказала при нашем последнем разговоре, что уже устала читать в новостях сообщения о тех многочисленных скандалах, которые моя рота устраивала в баре. Более того, насколько я знаю, легио-

неры участвовали в фотосъемке, о которой идет речь, в свободное от дежурств время, а устав Легиона четко устанавливает в эти часы границы, в пределах которых командир имеет право вмешиваться в жизнь солдат... если мне не изменяет память, это параграфы со 147-го по 162-й.

Изображение полковника продолжало сердито смотреть на него.

– Хорошо, Шутник. Раз уж мы начинаем играть в эти игры, то замечу, что содержание параграфа 182 запрещает легионерам получать денежные суммы, принимать подарки и другие формы индивидуальной оплаты за услуги или работы, производимые ими во время срока контракта, независимо от того, в какое время это происходило!

– Но параграф 214 совершенно определенно разрешает легионерам производить работы или оказывать услуги в свободные от несения службы часы, и плата за такую работу поступает не в частное пользование, а в распоряжение роты – либо непосредственно, либо на ее счет. Могу вас заверить, полковник, что плата за фотографии легионеров в обсуждаемом нами журнале была должным образом переведена на счет роты, как того и требует указанный параграф.

– Я знакома с этими правилами не хуже вас, Шутник, – выпалила в ответ полковник Секира, – и меня не удивляет, что именно этот параграф вы так хорошо запомнили. Однако я припоминаю, что следующий за ним параграф гласит, что подобного рода деятельность требует разрешения со стороны командира. Вы хотите сказать, что дали такое разрешение?

Шутт начал было скрещивать за спиной пальцы, но вовремя вспомнил про намерение не врать или по крайней мере не говорить ничего такого, что впоследствии может быть расценено как ложь. Он развел пальцы и продолжил, тщательно обдумывая каждое слово:

– Полковник Секира... мэм... откровенно говоря, ведь это *их* тела. Я не вправе приказывать им не выставлять их, равно как и даже в большей степени не имею права приказывать обратное.

Изображение на минуту поджало губы, а затем сделало глубокий выдох.

– Понятно. Ну, хорошо, капитан. Вы опять сорвались с крючка. Надеюсь, вы понимаете, какое *удовольствие* меня ждет в главном штабе, когда придется давать на этот счет кучу объяснений.

– Я вполне осознаю это, мэм, – ответил Шутт, стойчески удерживаясь от улыбки, – и хочу сказать вам, что и я, и вся рота высоко ценим ваши усилия, полковник, направленные нам на пользу.

– Ну, уж лучше обещайте мне, что этот ваш зверинец проявит свое уважение тем, что будет давать мне чуть *меньше* поводов для подобных объяснений. Договорились?

– Да, мэм. Я прослежу за этим.

– Очень хорошо. Секира закончила.

Передача оборвалась не сразу, и какое-то время Шутту казалось, что в последний миг на лице полковника появилась усмешка, которая исчезла чуть позже, чем все остальное изображение.

Думаю, бо́льшая часть таких неожиданных ситуаций происходит всегда от того, что удачливые люди неизменно радуются собственному успеху. Что касается рассматриваемого случая, то следует вспомнить, что мой шеф появился в роте «Омега», имея четкое намерение превратить ее в дееспособный отряд. Он планировал добиться этого, пробуждая в легионерах чувство собственного достоинства, и неустанно работал в этом направлении. Однако когда его труды стали приносить вполне определенные плоды, могло показаться, что сам он уже в этом разуверился.

Естественно, темпы, с которыми шли изменения в роте, не были ровными. Оглядываясь назад, я думаю, что это лишь подтверждает тот факт, что не бывает более фанатичной преданности, чем у беспризорника,

вновь обретшего дом. Тем не менее зачастую чрезмерный энтузиазм легионеров выливался в серьезные неприятности.

– ...И наконец, я с радостью сообщаю вам, что капитал нашей компании значительно увеличился со времени моего последнего отчета. Я могу предоставить самую подробную документацию тем, кто захочет лично ознакомиться с данными, но, выделяя главное, скажу, что мы выросли восьмикратно, или, проще говоря, каждый доллар, вложенный в наш фонд на момент прошлого отчета, теперь превратился в восемь.

В зале послышался легкий шелест голосов. Одни возбужденно обсуждали, что будут делать с полученным доходом, другие жаловались на то, что неосмотрительно использовали часть прибыли, полученной после предыдущего финансового отчета, и теперь имели гораздо меньше остальных.

На периодические отчеты Шутта о деятельности финансового фонда собиралась вся рота. Независимо от того, были ли это незначительные сведения, легко передаваемые по системе связи, или же очень важные, которые следовало обсуждать с легионерами лицом к лицу, командир настаивал на открытом порядке ведения дел, и рота всегда присутствовала на всех заседаниях, прилежно вникая в каждое сказанное слово.

Выждав некоторое время, пока реакция зала немного утихнет, он поднял руку, требуя тишины.

– Хорошо, – сказал он. – Будем считать, что старые дела нами удачно завершены. Есть какие-нибудь вопросы или предложения, пока я не перейду к новым?

– Да, сэр!

Лейтенант Армстронг был уже на ногах, а его суровое лицо могло послужить эталоном исполнения классической команды «смирно!». Капитан заметил, что некоторые легионеры начали посмеиваться и толкать друг друга локтями, но тут же прекратили, удивленные строгой выправкой лейтенанта, полученной им в регулярной армии.

– Да, лейтенант? В чем дело?

Несмотря на прозвучавший вопрос, лейтенант продолжал идти по залу настоящим строевым шагом, четко выполняя повороты, словно на учебном плацу. Подойдя к командиру, он остановился перед ним, вытянулся по струнке, торжественно отдавая честь, и застыл в этом положении, так что Шутт, все еще недоумевая, вынужден был ответить тем же.

– Сэр! Рота попросила меня обратиться к вам от их имени с жалобой... сэр!

Пока он говорил, все легионеры молча поднялись со своих мест и попытались принять позу, напоминающую уставную стойку лейтенанта.

Командир избегал смотреть в их сторону, пытаясь понять происходящее, хотя и был захвачен врасплох их действиями. Что бы здесь сейчас ни происходило, но единодушие, похоже, было общим. Что же, черт возьми, это могло значить?

– Вольно, лейтенант... и остальные тоже. Ведь это всего лишь наша обычная встреча для обмена информацией. А теперь объясните же наконец, в чем дело?

– Видите ли, сэр... рота не очень довольна формой, которой вы ее снабдили.

– Понятно. Какой именно?

– Всей, сэр. Нам кажется, ей недостает расцветки.

– Расцветки?

Шутт не смог удержаться, чтобы не посмотреть на собравшихся. Все до единого они усмехались, глядя на него.

– Мне кажется, я не совсем правильно понял вас. Черный – официальный цвет формы всего Космического Легиона. И во всяком случае пока я не вижу никаких причин от него отказываться, даже если мы и получим одобрение от главной штаб-квартиры... в чем я лично очень сомневаюсь.

– Мы не хотим отказываться от цвета нашей формы, сэр... а только просим разрешения чем-нибудь ее оживить. Ну, скажем...

Лейтенант достал что-то из своего кармана и протянул Шутту.

– ...мы просим вашего разрешения, капитан, носить эту эмблему как отличительный знак нашей роты... сэр!

Эмблема была ярко-красного цвета и по форме напоминала значок бубновой масти. На ней блестящими черными нитками была вышита голова, увенчанная заливчатски сдвинутым набок шуттовским колпаком с колокольчиком.

Пока Шутт некоторое время изучал этот клочок материи, в комнате стояла напряженная тишина. Затем, все еще не уверенный в своей способности говорить, он повернул ее к себе липкой стороной и прилепил на рукав собственной формы. А затем медленно поднял руку, приветствуя роту.

Все как один legionеры тотчас отсалютовали ему в ответ... а потом помещение взорвалось приветственными криками.

– Как вам это нравится, капитан?

– Это нарисовала лейтенант Рембрандт! Разве не прелесть?

– Мы все принимали в этом участие... Окружив командира, legionеры тут же начали оживленно переговариваться, похлопывая друг друга по спине, прося приклеить эмблему на рукав формы. Та скорость, с которой этот процесс был реализован, подсказала командиру, что эмблемы были заготовлены заранее и каждый тщательно прятал их, пока им всем вместе не удалось вот так его удивить.

Шутт сидел один в своей комнате, разглядывая кусочек красной материи, так неожиданно появившийся на рукаве его формы, когда дворецкий позволил себе нарушить его одиночество.

– Вы это уже видели, Бикер?

– Да, сэр. Если вы заглянете в свой шкаф, то найдете этот знак на каждом своем мундире.

– Стало быть, ты тоже замешан в этом, а?

– Меня просили сохранять это в секрете, сэр. Они хотели сделать сюрприз.

Изумленный, командир только покачал головой.

– Это действительно оказалось сюрпризом. Я никогда и не мечтал, что они способны на нечто подобное.

– Мне кажется, вы должны принять это как комплимент. Это похоже на желание показать свою оценку вашим усилиям, направленным на их благо, и обещание поддержки с их стороны.

– Я это понимаю. Только... не знаю, что и сказать, Бик. Какими словами выразить отношение к этому. Мне даже пришлось как можно незаметней удрать с вечеринки, чтобы не выглядеть и в самом деле дураком, запутавшись в словах благодарности.

– Уверен, самого факта принятия вами этой эмблемы вполне достаточно, сэр. Это как отец выражает свое отношение к художествам своих детей, находя для их рисунков место на стене своего кабинета.

Шутт снова покачал головой, на этот раз более выразительно.

– Я не ожидал такого. Даже самый лучший из моих сценариев не мог предусмотреть, каких успехов может добиться отряд, если люди будут стараться действовать вместе. И скажу тебе, Бикер, я не мог бы гордиться ими больше, чем сейчас, будь они даже моими собственными детьми.

– Ну, сэр, как они сами говорят, все проверяется на практике. А как они восприняли сообщение, что завтра здесь появится рота регулярной армии?

– Я так и не сказал об этом. – Капитан вздохнул, слегка откинувшись на стуле. – Они ошеломили меня, прежде чем я успел сообщить эту новость, а потом я уже не мог заставить

себя испортить им настроение. Решил дать им возможность сегодня повеселиться. Утро вечера мудренее.

Возможно, некоторым, кто интересуется историей, будет любопытно узнать, что кличка «хукеры» для проституток появилась в период Гражданской войны в Америке. В те времена генерала Хукера во всех кампаниях сопровождали «грязные голубки». И если кто-то посещавший его лагерь спрашивал у кого-нибудь из солдат, кто эти «леди», те простодушно объясняли, что это «леди Хукера», и выражение прижилось.

Принимая во внимание этот факт, совершенно не удивительно, что, когда легионеры, которыми командовал мой шеф, появлялись на улицах колонии, местные жители за глаза называли их «шуттами», и такое прозвище остается за служащими этой роты по сей день.

Глава 13

Дневник, запись № 122

Я как-то уже отмечал, что мой шеф не был защищен от неожиданностей, и к этому следует добавить еще такой известный факт, что порой он способен был перехитрить самого себя. Хотя обычно он с удовольствием вел дела со средствами массовой информации, эта его привязанность, к сожалению, нередко делала его уязвимым.

Казалось, сам воздух источал напряжение, когда рота легионеров в полном составе ожидала прибытия шаттла. И хотя уже прозвучала команда «вольно!», означавшая, что они могут расслабиться, отставив одну ногу, и даже перекинуться парой слов с ближайшими соседями, в строю продолжала сохраняться полная тишина. Точнее, каждый был погружен в собственные мысли.

– Вы уверены, что это удачная идея, капитан?

Офицеры ходили туда-сюда вдоль строя, в то время как Шутт заставлял себя оставаться на одном месте, перед строем солдат, пытаясь таким образом подать им надлежащий пример сдержанности, вместо того чтобы поддаться своей излюбленной привычке нервно шагать из стороны в сторону. Он спокойно воспринял вопрос, который задала ему лейтенант Рембрандт, хотя тот и заставил его кое о чем призадуматься.

– Разве не будет данью вежливости почтить своим присутствием прибытие равных нам по положению лиц? – сказал он с напускной строгостью.

– Полагаю, так, сэр, – ответила ему Рембрандт с самым серьезным видом. – Хотя, если быть до конца откровенной, я никогда не замечала и намека на вежливость со стороны регулярной армии по отношению к Легиону.

– И я никогда этого не замечал, – мрачно подтвердил Шутт. – Кстати, к вашему сведению, лейтенант, истинная причина нашего присутствия здесь не имеет ничего общего с правилами хорошего тона.

– Сэр?

– Подумайте хорошенько о происходящем. Наши люди нервничают, они опасаются, что армия в предстоящих испытаниях может с легкостью пнуть их коленкой под зад. Это и неудивительно, учитывая тот факт, что, по их мнению, вся регулярная армия состоит сплошь из суперменов, в то время как Космическому Легиону остаются лишь отбросы живой силы, непригодные армии. Если мы хотим заставить их думать иначе, в первую очередь нам следует помочь им избавиться от этого убеждения, и наше присутствие здесь есть не что иное, как первый шаг в этом направлении. Я хочу, чтобы каждый как можно скорее принял участие в соревновании, дабы все могли убедиться, что в армии служат точно такие же солдаты, которые, как и любой другой, могут сунуть обе ноги в одну штанину. Улавливаете мою мысль?

– Я... кажется, да, сэр.

Лейтенант избежала продолжения лекции лишь благодаря крикам, раздавшимся из строя солдат.

– Летят!

– Вон они!

– Мои останки завещаю отправить моей первой жене... пусть порадуетя!

Шаттл пробил облака и уже приближался к краю посадочной полосы.

– Всем внимание, приготовиться!

И хотя еще действовала команда «вольно!», прозвучавшие слова оказали нужное действие. Те из легионеров, которые успели присесть, быстро встали, отряхнули форму и бросились занимать место в строю.

Все взгляды были обращены в ту сторону, где шаттл, коснувшийся бетонной дорожки, уже медленно выруливал к терминалу и наконец остановился метрах в пятидесяти от того места, где в ожидании застыла рота легионеров. После нескольких минут, показавшихся вечностью, был отброшен люк и спущен трап. Секундами позже показались первые пассажиры.

Как только встречающие смогли разглядеть знаки отличия вновь прибывших, вся шеренга возбужденно загудела.

– Сэр! – раздался торопливый шепот лейтенанта Армстронга. – Вы знаете, кто это?

– Знаю, лейтенант.

– Ведь это «Красные Орлы»!

– Я уже сказал, что *знаю* об этом, лейтенант!

– Но, сэр...

– Рота... *внима-а-ние*!

Шутт скомандовал так резко для того, чтобы не только прекратить этот разговор и навести надлежащий порядок в строю, но и в надежде воспользоваться временем и привести в порядок свои мысли.

Разодетые в парадную форму и увенчанные в дополнение ко всему красными беретами, которые были их отличительным знаком, солдаты не оставляли никаких сомнений на тот счет, к какому именно подразделению они принадлежали. «Красные Орлы»! По каким-то причинам армия решила послать в такое захолустье элитную боевую часть!

Являясь необычной для структуры самой армии, рота «Красные Орлы» в некотором смысле напоминала Космический Легион – в том плане, что ее солдаты представляли собой как бы поперечный срез различных цивилизаций, набирались не с одной какой-то планеты. На этом, однако, сходство заканчивалось. Избалованные наградами и вниманием прессы, «Красные Орлы» были *сливками* личного состава регулярной армии. Жесткий конкурсный отбор был основой для комплектования этой роты, и сотни солдат соперничали в соревновании за такую честь всякий раз, когда в списках «Орлов» появлялась вакансия. Редко кто попадал в это подразделение с первого раза, что лишь подтверждало одно из основных правил этой роты: «Красными Орлами» становятся только лучшие!

Все это и еще многое другое пронеслось в голове Шутта, пока он смотрел, как его солдаты с отрешенным видом наблюдали за высадкой. «Орлы» же, в свою очередь, не обратили никакого внимания на шеренгу легионеров, не удостоив их даже любопытными взглядами.

Наконец по трапу спустилась весьма заметных размеров фигура. Не глядя ни вправо, ни влево, она легким шагом тренированного атлета двинулась по взлетной полосе, непоколебимо прокладывая курс в сторону Шутта.

– Я полагаю, капитан Шутник? Майор Мэтью О’Доннел.

Слегка смущенный таким необычным приветствием, Шутт тем не менее коротко, но энергично отдал честь.

– Добро пожаловать на планету Хаскина, майор.

О’Доннел в ответ на это не отсалютовал и не протянул руки для пожатия.

– Да, конечно же, – сказал он с насмешливой улыбкой. – Послушайте, капитан, я так себе это представляю, вы настолько же рады видеть нас, насколько мы рады видеть эту планету. А теперь скажите, есть ли здесь какое-нибудь местечко, где мы могли бы поговорить? Желательно с кондиционером. Хотелось бы как можно быстрее разобраться со всей этой глупостью.

Почти лишившись дара речи, Шутт указал рукой в сторону терминала, и майор ринулся мимо него все тем же уже знакомым шагом.

– Лейтенанты Армстронг и Рембрандт, – позвал командир своих младших офицеров.

– Сэр?

– Да, сэр?

– Отправляйтесь с ротой к месту расположения и ждите меня там. Я постараюсь вернуться как можно скорее, после того как выясню, что здесь, черт возьми, происходит.

– Но... сэр...

– Исполняйте! Но оставьте мне водителя. Не думаю, что мне захочется возвращаться с этой встречи пешком.

Приблизившись к терминалу, Шутт обнаружил, что сюрпризы еще не кончились. Первое, что бросилось ему в глаза, был майор О’Доннел, обменивающийся крепким рукопожатием с... губернатором Лякотом!

– А! Капитан! – излучая неподдельную радость, воскликнул тот. – Присоединяйтесь к нашей компании. Не возражаете? Как я понял, вы уже познакомились с майором О’Доннелом.

– Да, мы уже познакомились, – сказал капитан. – И, признаться, я был удивлен. Не ожидал, что армия пошлет «Красных Орлов» для несения обычной патрульной службы.

– Если это доставит вам удовольствие, капитан, – проворчал О’Доннел, – ничуть не меньше это удивило и нас. Сдается мне, наше высшее начальство начиталось сообщений в средствах массовой информации, в поле зрения которых попала эта дерьмовая рота, с которой вы связались, и решило поддержать репутацию армии. Думаю, вам также следует знать, что нас сняли с боевого дежурства и отправили сюда с *приказом* поставить вас на место самым серьезным образом.

По тону майора можно было судить, что он не очень-то раздумывал над этим приказом.

– А теперь, если вы не возражаете, давайте перейдем прямо к делу. Мне хотелось бы согласовать условия так называемого соревнования, чтобы поскорее заняться размещением своих солдат.

– Если я правильно понял, вы уже знаете о предстоящем соревновании? – осторожно спросил Шутт.

– Вот именно. Здешний губернатор был так любезен, что предупредил нас об этом еще до прибытия сюда.

Командир легионеров бросил короткий взгляд в сторону губернатора, который улыбался, довольно пожимая плечами.

– Оказалось, это единственное, что я мог сделать, поскольку контракт с армией был уже подписан.

Шутт решил отказать Лякоту в удовольствии стать свидетелем своего возмущения, хотя внутри него все бурлило от негодования.

– Да, я думаю, это справедливо, – с усилием произнес он.

– Насколько я понимаю, капитан, – быстро продолжил О’Доннел, – для того чтобы выяснить, кому достанется честь несения патрульной службы, мы проведем три раунда соревнований в присутствии независимых судей. Один предлагает армия, другой вы, и, наконец, третий по взаимному согласию выбираем вместе. Устраивает?

Шутт с усилием кивнул, явно недовольный тем, что майор захватил инициативу.

– Хорошо. От армии я предлагаю учения по строевой подготовке, так как это наиболее близко к несению охранной службы. Каково ваше предложение?

У капитана слегка екнуло сердце. Из всех военных искусств строевая подготовка была самым слабым местом его роты.

– Я бы предложил полевые учения с полосой препятствий.

Майор даже не сдержал возгласа удивления, а его брови едва не исчезли под нависающим беретом.

– Полоса препятствий? – повторил он. – Хорошо, капитан. Считайте, что это ваши похороны. Ну и в качестве третьего вида соревнований мы можем выбрать... – Он сделал жест рукой

в сторону Лякота. – Губернатор сказал мне, что вы в вашей роте воображаете себя мастерами фехтования. Как вы смотрите на состязание в трех видах оружия... рапира, сабля и шпага... две победы из трех?

Словно предупредительный звонок раздался в голове Шутта. Весьма своевременно.

– Похоже, губернатор действительно кое-что рассказал вам, – ответил он, затягивая время.

– Так да или нет? Решайте, капитан. Не будем тратить на это весь день.

– Скажите, майор, а сами вы занимаетесь фехтованием?

– Я? Немного балуюсь шпагой.

– Тогда разрешите мне немного дополнить ваше предложение. Все то же – состязание в трех видах, но фехтование на шпагах в конце... между командирами отрядов. Это, в случае каких-либо неожиданностей, позволит нам решить все между собой.

Лицо майора расплылось в широкой улыбке.

– Для меня нет большего удовольствия, капитан. Я согласен... хотя сомневаюсь, что дело может пойти так далеко.

– Возможно, вы будете удивлены, майор, – ответил Шутт, сопровождая свои слова натянутой улыбкой. – Но мои солдаты удивляют многих, включая и меня самого.

– Значит, удивят и меня, – коротко бросил О’Доннел. – Извините, если я был немного несдержанным.

– Ну так, джентльмены, можем считать, что этот вопрос решен? – спросил губернатор, торопливо поднимаясь со своего места.

– Только еще одно... если не возражаете, майор, – настойчиво вставил командир легионеров. – Если предположить, что «Красные Орлы» все же победят, действительно ли командование регулярной армии оставит здесь свою лучшую часть для несения патрульной службы?

Глаза О’Доннела по-ящеричьи метнулись в сторону губернатора.

– Раз уж вы завели об этом речь, капитан, могу сказать, что в том случае, если армия получает контракт на несение патрульной службы, она оставляет за собой право выбирать любую часть, которую решит сюда отправить... и может передислоцировать ее отсюда в любое время в соответствии с собственными решениями.

– Таким образом, они прислали сюда «Красных Орлов», чтобы закрепить за собой этот контракт, а затем заменить их, когда вопрос будет окончательно закрыт. Так?

Шутт повернулся к губернатору Лякоту, который беспомощно пожимал плечами.

– Это шоу-бизнес, капитан... или, говоря точнее, политика!

Я был достаточно свободен в описании многих промахов моего шефа. Однако, чтобы не создавать о нем неверного представления, должен добавить к этому, что, вне всяких сомнений, он один из лучших бойцов на шпагах, которых я когда-либо имел возможность наблюдать, а тем более – обслуживать, особенно когда его загоняли в угол.

– Все они предатели, подтасовщики голосов избирателей, двуликие...

– Довольно, Армстронг! – Голос командира был резок, словно удар хлыста. – Нам некогда тратить время на обсуждение генетических недостатков губернатора. Некогда, если мы собираемся сейчас выработать план действий на завтрашнем соревновании!

– Рота все еще ждет вас в столовой, капитан, – объявила Бренди, просунув голову в дверь кабинета. – Что им передать?

– Скажи, что я спущусь поговорить с ними примерно через полчаса. Да, и еще, Бренди... с этого момента разговаривай с ними так, будто мы уже победили.

– Победили?

– Вот именно. Хотя бы уже тем, что армия решила, что именно «Красные Орлы» должны соревноваться с нами. Если нам завтра и вкатят по первое число, в сознании людей останется тот факт, что, как бы то ни было, побиты мы были не каким-то *обычным* армейским подразделением.

– Ну, если вы так считаете, сэр. – В голосе старшего сержанта звучало сомнение. – Ой... чуть не забыла. Рвач сказал, что вы, наверное, были бы не прочь взглянуть вот на это.

– Что это, капитан? – спросила Рембрандт, вытягивая шею и пытаясь заглянуть в листок, который изучал командир.

– Гм-м... А-а, да это просто копия списка роты «Красные Орлы». Они, похоже, случайно оставили его где-то в терминале.

– Так, может, попросить Бикера, чтобы он пропустил его через свой компьютер?

– Не беспокойтесь об этом, Армстронг. Я уже нашел все, что нужно. Вот черт! Мне бы следовало это знать!

– Что вы нашли?

Теперь оба лейтенанта окружили капитана, уставившись в список имен так, будто перед ними была какая-то шифрограмма.

– *Я так и думал*, что О’Доннел предложит матч по фехтованию! – побормотал командир почти себе под нос. – Но видите это имя? Третье сверху? Исаак Корбин! Он был чемпионом трех планет на пяти турнирах! Какого черта *он* делает в армии?

– Готовится поумерить наш пыл, если можно так выразиться, – с унылой гримасой произнес Армстронг. – По крайней мере одна схватка из трех проиграна.

– Может быть, а может быть и нет, – задумчиво проворчал Шутт. – Я думаю, что мы...

Пронзительный писк коммуникатора прервал его.

– Полковник Секира очень хочет посмотреть на ваш классический профиль... сэр!

– О, прекрасно... просто замечательно. Иду, Мамочка.

– Вижу, вы все еще ведете наступление широким фронтом, капитан. Но мне кажется, что публично бросить вызов регулярной армии – весьма честолюбивая попытка.

– Послушайте, полковник, я ведь не мог знать, что они собираются выпустить против нас «Красных Орлов». И я даже признаю свою ошибку, что позволил средствам массовой информации взять нас под прицел, но...

– Успокойтесь, капитан. Расслабьтесь, – настойчиво перебила его Секира. – Я ведь вовсе не собираюсь давить на вас. Я просто хочу пожелать вам успеха в завтрашних соревнованиях. Может, вы и не ожидали услышать от меня такое, но я все-таки считаю, что вы в этом нуждаетесь.

– Да говорите что хотите, – сказал Шутт, слабо фыркнув. – Извините меня, мэм. Я не собирался огрызаться, просто-напросто я немного подавлен подготовкой к завтрашнему дню.

– Хорошо, тогда не буду отрывать вас. Но только между нами, Шутник, как вы думаете, есть ли у вас вообще хотя бы один шанс, что вы выдержите?

– Шанс есть *всегда*, мэм, – почти автоматически ответил он. – Но если говорить серьезно... Забегая вперед, я сразу пропущу соревнования по строевой подготовке, скажу только, что мы уже их проиграли. Я бы еще попытался держать пари, что мы выстоим против обычной армейской части на полосе препятствий, но теперь... не знаю. В нашу пользу говорит только тот единственный факт, что мы в хороших отношениях с местной колонией, и даже при независимом подборе судей это может дать нам определенное преимущество.

– Я не перестаю удивляться вам, – рассмеялась Секира, – как и вашему связанному с бизнесом прошлому. Вы, возможно, по неведению взялись расчищать малопроезжую дорогу. Я не хочу предвещать вам грозу на предстоящем состязании, но оба мы знаем, что всегда бывает видней со стороны. Я только надеюсь, что ваш успех у жителей колонии не «одомашнил» совер-

шенно ваших солдат, потому как в этом случае «Красные Орлы» покажутся судьям более, что ли, экзотичными... или более искусными!

Глава 14

Дневник, запись № 129

Судьба наградила меня возможностью непосредственно следить за ходом соревнований «Легион против Армии», правда, лишь в роли простого зрителя, а не судьи. И хотя я старался быть беспристрастным и не поддаваться эмоциям по поводу тех штучек, которые выделяла рота сверх того, что было непосредственно согласовано с моим шефом, должен заметить, что мое отношение было все-таки предвзятым ввиду определенной привязанности к легионерам, как к каждому в отдельности, так и к роте в целом. Я чувствовал, что они как никто другой нуждаются в моральной поддержке, на которую вполне могли бы рассчитывать во время этого поединка. И, похоже, я оказался прав.

Сами соревнования проходили в расположении Легиона, которое своим видом произвело впечатление даже на «Красных Орлов». На них присутствовали губернатор Лякот, члены Совета Колонии в окружении других местных сановников, которые были выбраны на роль судей... и, как и ожидалось, средства массовой информации.

Не хочется говорить много о соревнованиях по строевой подготовке, лучше сэкономить бумагу. Достаточно сказать, что такие соревнования проходили. Легионеры кое-как справились с ними, без грубых ошибок, заметных глазу штатского, так что им удалось избежать сколь-нибудь значительного позора. Однако не приходится сомневаться, какая именно команда соревнующихся была признана лучшей.

Вместо того чтобы ограничиться демонстрацией исполнения команд «направо!», «налево!», «округом!», то есть всех предусмотренных армейским уставом общей службы, «Красные Орлы» пошли дальше и показали свое умение выполнять команды специального демонстрационного устава. На непросвещенного штатского наблюдателя произвела впечатление обычная серия приемов с оружием вроде вращения, передачи и ношения, в большинстве случаев не выполняемых до конца, в сочетании с обычной же маршировкой в разных направлениях по плацу. Нечего и говорить, что судьи и зрители были в восторге и то и дело награждали «Красных Орлов» бурными аплодисментами. Я старался сдерживать себя, но, пожалуй, был единственным из наблюдателей, кто так над собой работал.

Под занавес было объявлено, что «Орлы» повторят один из самых сложных приемов маневрирования в строю, но только с завязанными глазами и без подачи команд... что они и исполнили с хладнокровной точностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.